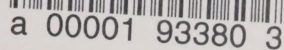
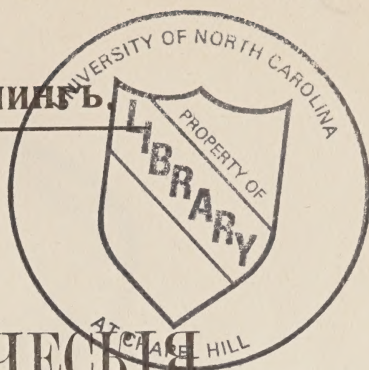
П. Пирлингъ.

Историческія статьи и замѣтки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°.
1913.

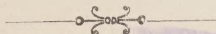

LUX
LIBERTAS

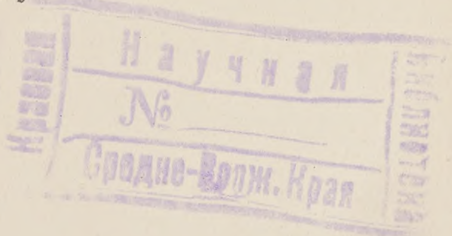

П. Пирлингъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ и ЗАМѢТКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Я. БАШМАКОВА и К°.
1913.

Типографія Первой Спб. Трудовой Артели. Лиговская, 34.

I/III 1913—20/IV 1913. Напечатано 3003.

Въ предлагаемомъ сборникѣ перепечатаны историческія статьи и замѣтки, появившіяся въ Русской Старинѣ и въ Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ.

„Секретнѣйшая“ депеша русскаго посланника появляется здѣсь впервые.

Историческія статьи и замѣтки.

Posseviniana[1]).

I. Архивъ Поссевина.—II. Письмо къ Гейденштейну.—III. Письмо къ Замойскому.

I. Архивъ Поссевина.

Извѣстный въ русской исторіи іезуитъ Антоній Поссевино отличался цѣльностью характера и многостороннимъ образованіемъ. Конечно, дававшіяся ему самыя разнообразныя порученія не всегда исполнялись съ одинакимъ успѣхомъ, зато разъ намѣченная цѣль никогда не упускалась изъ виду, а руководствующая мысль была постоянно та же самая.

Внѣшнее единство его дѣятельности обусловливалось единствомъ его душевныхъ силъ и строгимъ подчиненіемъ ихъ одному началу. Съ раннихъ лѣтъ въ его итальянскую, пламенную душу глубоко заронилось стремленіе къ высшему и вѣчному. По вступленіи въ орденъ, при частыхъ сношеніяхъ съ выдающимися личностями, духовными и свѣтскими, при близкомъ знакомствѣ съ тогдашнимъ общественнымъ строемъ, это міросозерцаніе еще болѣе выяснилось и опредѣлилось. Какъ и другіе передовые люди, онъ почиталъ главною современною задачею порабощеніе турокъ соединенными силами христіанскихъ государствъ подъ верховнымъ руководствомъ папства. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такой побѣды креста надъ полумѣсяцемъ было бы торжество римской церкви, упроченіе

---

[1]) Перепечатано изъ Русской Старины, декабрь, 1903, стр. 639—650.

ея вліянія, распространеніе ея ученія и усиленное направленіе всего человѣчества къ загробному блаженству.

Въ такихъ общихъ чертахъ эта система была достояніемъ очень многихъ. Оставшіяся послѣ Поссевина бумаги, его „архивъ“ показываетъ намъ, какъ онъ умѣлъ ее примѣнять въ частныхъ случаяхъ, и какъ всѣ его начинанія сводились окончательно къ воплощенію коренной идеи его жизни.

Замѣтимъ сперва, что Поссевино былъ въ одинаковой степени человѣкомъ дѣла, слова и пера. Все, что онъ зналъ и видѣлъ, его соображенія и планы, исполненіе данныхъ ему порученій, все это переводилось на бумагу. Кромѣ того, онъ велъ обширную переписку съ отдаленными странами и вліятельными личностями. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени накопился у него богатый письменный матеріалъ, которымъ онъ чрезвычайно дорожилъ.

И вотъ, въ 1604 году, бывъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, предвидя возможность неожиданной смерти, онъ задался мыслью объ устройствѣ личнаго своего архива. Жилъ онъ тогда въ Венеціи, тамъ же были сосредоточены его рукописныя сокровища. Онъ привелъ ихъ въ порядокъ, расположилъ въ отдѣльномъ мѣстѣ и сдѣлалъ имъ полный обстоятельный списокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, 7-го мая того же года, онъ предупредилъ обо всемъ орденскаго генерала, Клавдія Аквавиву и поручилъ ему заблаговременно участь своего архива, въ надеждѣ, что собранныя бумаги, пожалуй, пригодятся для исторіи Общества Іисуса, для разъясненія нѣкоторыхъ происшествій и вообще послужатъ для пользы ближняго [1]).

Составленный Поссевиномъ архивный списокъ дошелъ до насъ, но, къ счастію ли или къ сожалѣнію, трудно рѣшить. Ибо, узнавъ изъ него, что когда-то существовали интересныя

[1]) Собственноручное письмо Поссевина 7-го мая 1604 года находится въ славянской библіотекѣ въ Брюсселѣ. Тамъ же хранятся и всѣ прочія documentalia, которыя будутъ приводиться безъ особой ссылки.

рукописи, приходится убѣдиться, что онѣ большею частью утрачены. Какая невзгода постигла архивъ Поссевина, и какъ онъ улетучился, неизвѣстно. Особенно потерпѣла русская историческая часть, какъ будетъ сказано ниже.

Займемся теперь самимъ каталогомъ [1]).

Уже изъ одного подбора рукописей видно, какимъ широкимъ взглядомъ обладалъ Поссевино. Все его интересуетъ: богословіе, аскетизмъ, проповѣдничество, преуспѣяніе римской церкви, борьба съ иновѣрными, распространеніе Евангелія, дѣятельность Общества Іисуса, отдаленныя миссіонерскія страны, общее положеніе христіанства на Западѣ и на Востокѣ, дѣла шведскія, московскія, польскія, венгерскія, исторія всеобщая и особенно мантуанская, римская обстановка, культурныя условія, сношенія папства съ государствами, наконецъ, учрежденіе семинарій, педагогика и музыка. Но чѣмъ разнообразнѣе составъ архива, тѣмъ болѣе вѣска существенная оговорка, которая служитъ введеніемъ для каталога. Призваніе и долгъ человѣка, говоритъ приблизительно Поссевино, состоитъ въ собственномъ усовершенствованіи по евангельскимъ завѣтамъ, что и даетъ ему возможность быть полезнымъ ближнему. А внѣшняя дѣятельность должна истекать изъ этого настроенія и быть ея плодомъ. Поссевино неуклонно придерживался этого правила и всю жизнь стремился къ возможно лучшему его исполненію.

Въ самомъ дѣлѣ, что не мало удивитъ многихъ читателей, на первомъ мѣстѣ каталога находятся рукописи, числомъ тринадцать, относящіяся къ Обществу Іисуса вообще и особенно къ такъ называемымъ „духовнымъ упражненіямъ“ святого Игнатія. Это ни что иное какъ превосходное руководство для обращенія грѣшника въ праведнаго и для утвержденія праведнаго на пути спасенія. Ими Поссевино былъ

[1]) Каталогъ написанъ на латинскомъ языкѣ и имѣетъ слѣдующее заглавіе: Catalogus manuscriptorum quae extant apud P. Antonium Possevinum, Societatis Iesu.

пропитанъ, а, чтобы всесторонне съ ними познакомиться, онъ собиралъ составленные его собратьями комментаріи и усердно изучалъ различные способы ихъ примѣненія.

Не довольствуясь однако жъ этими, преимущественно для тѣсныхъ кружковъ предназначенными, упражненіями, онъ выступалъ также, какъ проповѣдникъ, предъ многочисленными слушателями въ Туринѣ, Ліонѣ, Авиніонѣ, Руанѣ, Римѣ, Венеціи, Мантуѣ и въ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ. Обыкновенно это не были случайныя, отдѣльныя проповѣди, но цѣльныя изложенія какого-либо христіанскаго ученія, которыя дѣлались неустанно по недѣлямъ и мѣсяцамъ. Поссевино проповѣдывалъ на латинскомъ, итальянскомъ и французскомъ языкахъ. Не полагаясь на мгновенное вдохновеніе, онъ старательно приготовлялъ свои проповѣди, и такъ тщательно ихъ писалъ, что ихъ накопилось цѣлыхъ двадцать большихъ томовъ. Кромѣ того, нѣкоторые другіе томы содержали подготовительныя работы, извлеченія и матеріалы. Ни одинъ изъ этихъ томовъ не сохранился въ архивѣ. Нѣкоторые панегирики и рѣчи Поссевина появились въ печати, а въ рукописи имѣется только одна его проповѣдь, произнесенная въ 1581 году, въ польскомъ лагерѣ подъ Псковомъ, въ присутствіи Стефана Баторія [1]). Судя по этимъ отрывочнымъ даннымъ, надо признаться, что Поссевино подчинялся духу своего времени. У него преобладаетъ искусственность, онъ гоняется за изысканными сравненіями; встрѣчаются натяжки и лишнія классическія цитаты. Нерѣдко однако жъ природный талантъ торжествуетъ надъ условнымъ тономъ, вырывается образное слово, и рѣчь течетъ плавно и просто. Современникамъ онъ безъ сомнѣнія нравился, потому что очень часто прибѣгали къ его оратор-

[1]) Текстъ этой проповѣди Поссевино помѣстилъ въ неизданномъ сборномъ сочиненіи о своихъ миссіяхъ, которое онъ назвалъ Decades. Оно не упоминается между рукописями архива, ибо было составлено послѣ 1604 г.

скимъ услугамъ. А при мантуанскомъ дворѣ ему, какъ выдающемуся подданному, поручались надгробныя рѣчи при похоронахъ владѣтельныхъ герцоговъ.

Проповѣдническая дѣятельность Поссевина совпадаетъ преимущественно съ первыми десятью или пятнадцатью годами его призванія въ Общество Іисуса. Въ совершенно зрѣлыя лѣта, достигнувъ полнаго развитія умственныхъ и физическихъ силъ, онъ былъ посланъ папою Григоріемъ XIII съ важными порученіями въ Швецію, Польшу и Москву. Здѣсь онъ уже выступаетъ не только какъ общественный, но отчасти какъ политическій дѣятель. Онъ причастенъ къ государственнымъ дѣламъ, во имя папы ведетъ переговоры съ царями и съ самимъ императоромъ. Сношенія его расширяются. Въ его рукахъ стекаются самыя разнородныя дѣла. И это его не стѣсняетъ. Онъ всегда готовъ отвѣтить на сдѣланные запросы и отстранить возникшія препятствія, заняться даннымъ порученіемъ. Между тѣмъ архивъ его быстро обогащается самымъ цѣннымъ, истинно историческимъ матеріаломъ. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ названія слѣдующихъ сюда подходящихъ томовъ in folio:

Шведскіе акты первой и второй миссіи съ соотвѣтствующими докладами Григорію XIII и съ гербовникомъ шведскихъ королей, полученнымъ отъ самого короля Іоанна III. Тѣ же шведскіе акты, частью списанные, частью съ прибавленіемъ писемъ.

Акты трехлѣтнихъ переговоровъ между императоромъ (Рудольфомъ II) и польскимъ королемъ (Стефаномъ Баторіемъ), веденныхъ по повелѣнію Григорія XIII и съ Божіею помощью успѣшно завершившихся. Тѣ же акты съ письмами.

Акты сатмарскихъ переговоровъ между императоромъ и польскимъ королемъ.

Московскіе акты съ письмами.

Мѣшокъ, наполненный подлинными отвѣтами, данными на русскомъ языкѣ московскимъ великимъ княземъ (Іоан-

номъ IV) отцу Поссевину, вмѣстѣ съ заключеніемъ перемирія въ Запольскомъ Ямѣ и возвращеніемъ Ливоніи [1]).

Ливонія и письма къ императору, королямъ, епископамъ и другимъ.

Акты прусскіе.

Инструкція папы Григорія XIII для миссій отца Поссевина. Письма кардинала Коменскаго. Порученія Сикста V.

Письма и полномочія, данныя отцу Поссевину Григоріемъ XIII. Его же и другихъ папъ письма къ императору, королямъ и другимъ, относящіяся къ миссіямъ отца Поссевина.

Письма кардинала Коменскаго, касающіяся миссій отца Поссевина.

Письма польскаго короля, великаго канцлера Яна Замойскаго и другихъ.

Письма разныя къ королямъ, кардиналамъ и другимъ съ отвѣтами.

Къ несчастію, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что бо́льшая часть только-что упомянутыхъ томовъ безслѣдно пропала. Хотя Ватиканскія рукописи отчасти и пополняютъ этотъ пробѣлъ, но все-таки нѣкоторыя потери остаются незамѣнимыми. Такъ, нигдѣ не встрѣчается полная переписка Поссевина съ Баторіемъ и Замойскимъ, а по извѣстнымъ намъ нѣкоторымъ письмамъ можно догадываться, что она многосодержательна. Далѣе, московскіе акты съ письмами содержали вѣроятно кое-что болѣе, чѣмъ напечатанные впослѣдствіи акты перемирія 1582 года. Что же касается до московскаго «мѣшка», то единственное, до насъ дошедшее, подлинное русское письмо достаточно свидѣтельствуетъ о значеніи сдѣланной нами утраты.

Лучше, въ смыслѣ сохранности, обстоитъ дѣло съ литературно-историческимъ отдѣломъ. Къ такого рода изслѣдо-

---

[1]) Saccus item plenus responsionum rutenice factarum Patri Possevino, et quidem authentice scriptarum, atque a Duce Moscoviae traditarum una cum compositione pacis et restitutione Livoniae.

ваніямъ Поссевино имѣлъ не малую наклонность. Всѣмъ извѣстны его комментаріи о Московіи и Ливоніи. Въ каталогѣ упоминается еще исторія Трансильваніи, написанная на итальянскомъ языкѣ, доведенная до послѣднихъ временъ, снабженная картами и письмами. Въ томъ же томѣ, по словамъ автора, есть очень многое о Венгріи. Но, родомъ изъ Мантуи, обласканный Гонзагами, Поссевино съ легко постижимымъ пристрастіемъ относился къ мѣсту своего происхожденія и къ своему владѣтельному дому. Онъ написалъ подробную исторію Мантуи и, кромѣ того, составилъ цѣлый рядъ жизнеописаній членовъ семейства Гонзаговъ. Эта задача тѣмъ удобнѣе ему поддавалась, что съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ лично и, можно сказать, даже коротко знакомъ.

Въ культурномъ отношеніи замѣчателенъ томъ, о которомъ Поссевино такъ отзывался, что онъ содержитъ важныя писанія. Обще-христіанскія дѣла и процвѣтаніе церкви были постояннымъ предметомъ размышленій и заботъ неутомимаго іезуита; и онъ не былъ самозваннымъ ревнителемъ, ибо поощреніе давалось ему свыше. При Григоріи XIII онъ исполнялъ не только дипломатическія миссіи, но былъ также главнымъ учредителемъ папскихъ семинарій въ Германіи и Польшѣ, и тѣмъ значительно содѣйствовалъ сплоченію духовенства съ Римомъ. Добытыми обширными свѣдѣніями онъ воспользовался при Иннокентіѣ IX. Этотъ папа стремился къ улучшеніямъ и преобразованіямъ въ церковной жизни, что и сдѣлалось задачею вновь учрежденной, особой конгрегаціи. Поссевино былъ привлеченъ къ ней въ качествѣ совѣтника, и ему поручили собрать и представить матеріалъ для дальнѣйшихъ обсужденій. Можно себѣ представить, съ какимъ усердіемъ онъ исполнилъ свою обязанность и какъ онъ расширилъ ея предѣлы. Въ концѣ того же тома находятся, напримѣръ, такого рода заглавія: «Средства для защиты христіанскаго дѣла въ Германіи, Богеміи, Штиріи, Каринтіи, Венгріи». «Переговоры, по порученію

папы, съ венеціанскимъ дожемъ». «Докладъ о Московіи». «О всеобщемъ союзѣ противъ турокъ».

Здѣсь мы прекратимъ перечисленіе архивныхъ томовъ. Цѣль этихъ строкъ—только общее знакомство съ письменнымъ наслѣдіемъ Поссевина и бѣглый намекъ на его характеръ и дѣятельность.

II. Письмо Поссевина къ Гейденштейну.

Между бумагами Поссевина находится черновикъ одного его письма къ Гейденштейну, содержаніе котораго не безъинтересно для исторіографіи [1]).

Оба автора занимались единовременно тѣмъ же предметомъ: походомъ Баторія противъ Москвы.

Гейденштейнъ, всецѣло преданный Замойскому, причисленный къ его канцеляріи, задавался преимущественно описаніемъ военныхъ дѣйствій и подчинялся вліянію своего начальника. Кромѣ того онъ былъ протестантъ [2]) и не придавалъ особаго значенія нѣкоторымъ обстоятельствамъ, которыя въ глазахъ усерднаго католика имѣли первостепенное значеніе.

При такихъ условіяхъ понятно, что точка зрѣнія Поссевина была совершенно другая. Въ московскомъ походѣ онъ ставилъ на первомъ планѣ перемиріе 1582 года, а въ самомъ перемиріи выдвигалъ посредничество папы Григорія XIII, съ которымъ была тѣсно связана его собственная дѣятельность.

Въ ученыхъ кружкахъ и при дворѣ извѣстно было, что Гейденштейнъ готовилъ сочиненіе о Московіи. Поссевино домогался прочесть самую рукопись и подвергнуть ее предварительной цензурѣ; онъ даже писалъ объ этомъ Баторію, но

---

[1]) Поссевино снабдилъ черновикъ такою надписью: Reinoldo Eidenstenio Antonius Possevinus a Secretis Ser-mi Stephani, Poloniae Regis, qui, Reinoldus, suos de bello Moscovitico libros Antonio Possevino dono, ac quidem iudicium ad eo exquirens, miserat.

[2]) Въ 1591 году Гейденштейнъ обратился въ католичество. Waclaw Sobieski, Studya historyczne, стр. 229—244.

не получилъ удовлетворительнаго отвѣта[1]). Такъ онъ и остался при своемъ желаніи, а Гейденштейнъ не потерпѣлъ, по этому поводу, никакого стѣсненія. Окончивъ предпринятый трудъ, въ исходѣ 1585 года[2]) онъ послалъ Поссевину экземпляръ De Bello Moscovitico съ любезною просьбою высказать свое мнѣніе и дать свою оцѣнку.

Предложеніе было принято дословно. Поссевино находился тогда въ Ригѣ и собирался ѣхать въ Гродно для свиданія съ королемъ. Время было тревожное. Московскій вопросъ стоялъ опять на очереди. Дорогою неутомимый труженикъ прочелъ присланную книгу, а 14-го января 1586 года обратился къ Гейденштейну съ письмомъ изъ Гродно.

Оно начинается самыми лестными похвалами: построеніе сочиненія величаво, ему вполнѣ соотвѣтствуетъ умѣлая разработка и чистый латинскій языкъ. «Да здравствуетъ книга,— восклицаетъ Поссевино,—ибо истина не умираетъ; и самыя событія посредствомъ этого писанія пріобрѣли какъ бы безсмертную душу». Далѣе онъ надѣется, что трудъ Гейденштейна послужитъ оплотомъ и защитою противъ королевскихъ недоброжелателей; грядущія поколѣнія найдутъ въ немъ примѣры для подражанія и свыкнутся съ заманчивымъ планомъ расширенія Польши и покоренія Азіи. Вслѣдъ затѣмъ, въ отвѣтъ, кажется, на сдѣланный запросъ, одобряется намѣреніе переслать книгу царствующимъ особамъ, испанскому королю, венеціанскому дожу, баварскому герцогу и другимъ.

Похвальнымъ отзывомъ былъ проложенъ путь для замѣчаній, предлагаемыхъ въ виду вѣроятнаго новаго изданія. Здѣсь и обнаруживаются историческіе пріемы Поссевина, которые стоитъ прослѣдить.

Какъ цѣль московскаго похода выставляется у Гейден-

---

[1]) Такъ повѣствуетъ самъ Поссевино въ неизданной запискѣ: Occasione et causa della stampa del libro della Moscovia di Possevino.

[2]) Этимъ подкрѣпляется утвержденіе Михаила Брута, что книга Гейденштейна вышла въ 1585 году, хотя она и помѣчена 1584.

штейна желанiе Стефана Баторiя оказаться на высотѣ своего королевскаго призванiя. И, безъ сомнѣнiя, избранному поляками вѣнценосцу не были чужды такого рода стремленiя. Но въ своихъ разговорахъ съ Поссевиномъ онъ часто упоминалъ о возвращенiи Польшѣ завоеванныхъ русскими земель, о порабощенiи опаснаго сосѣда, особенно о распространенiи католической вѣры. Все это вмѣстѣ и составляло цѣль похода, потому не слѣдовало, упоминая объ одномъ, умалчивать о другомъ.

Здѣсь Поссевино вступается, и вполнѣ правильно, за историческую полность. Но въ дальнѣйшемъ примѣненiи этого закона у него отмѣчается нѣкоторая шаткость. Объективная истина не допускается къ исключительному господству. Отъ исторiи онъ не отдѣляетъ назиданiя и пользы. Появляется задняя мысль, которая подсказываетъ, что пропустить, что смягчить, не затрогивая сущности дѣла.

Такъ Баторiй нуждался въ деньгахъ для войны. Поляки скупились, и онъ обратился съ просьбою займа къ протестантскимъ князьямъ, герцогу Прусскому, курфюрстамъ Саксонскому и Бранденбургскому. Это извѣстiе приводится у Гейденштейна. Поссевину оно казалось лишнимъ и неумѣстнымъ. Онъ опасался, чтобы другiе историки имъ не злоупотребляли. Что подумаютъ о католическомъ королѣ, требующимъ отъ протестантовъ то, что каждый состоятельный торговецъ могъ ему доставить, ибо займы были сами по себѣ незначительны и оплачивались крупными процентами? Что скажутъ католическiе вѣнценосцы, которые косвенно какъ бы обвиняются, что сами не предложили безпроцентнаго займа? Поэтому Поссевину казалось лучше не называть по имени протестантскихъ князей, а сказать вообще, что нѣкоторые вѣнценосцы, пораженные славою короля, одолжили ему деньги и прислали на помощь пѣхоту.

Въ другомъ мѣстѣ шаткость, о которой говорилось выше, еще нагляднѣе обнаруживается. Поссевино удивляется, что

Гейденштейнъ такъ рѣдко упоминаетъ о численности войска, сколько воиновъ пало въ сраженіи и сколько въ немъ участвовало. Здѣсь же онъ самъ себѣ задаетъ вопросъ: что именно предпочтительнѣе, приводить такого рода обстоятельство или его замалчивать? Вовсе не думая о простой объективности, заботясь только о впечатлѣніи на читателя, онъ приходитъ къ довольно странному заключенію. Всего лучше было бы, по его мнѣнію, вслѣдъ за Курціемъ и Цезаремъ, говорить о численности войска съ такимъ разсчетомъ, чтобы навести читателя на слѣдующее размышленіе: если Баторій могъ съ сравнительно малочисленнымъ войскомъ побѣдить могучаго князя Московскаго, то, безъ сомнѣнія, при нѣкоторой посторонней помощи, онъ сумѣлъ бы, какъ другой Александръ Македонскій, завоевать всю Азію.

Есть и другія замѣчанія того же рода. Всѣ они клонятся къ удачному подбору фактовъ и ихъ опредѣленной окраскѣ. Гейденштейнъ не могъ осуждать такихъ пріемовъ, ибо самъ, какъ увидимъ, прибѣгалъ къ нимъ. Но замѣчанія іезуита, вѣроятно, ему не понравились, и онъ, судя по слѣдующимъ изданіямъ, ими не воспользовался[1]).

Остался также и пробѣлъ, который всего больше задѣвалъ Поссевина, и жертвою котораго было перемиріе 1582 года. Какъ выше уже сказано, бывшій представитель Григорія XIII придавалъ этому факту самое высокое значеніе, особенно въ виду послѣдствій, которыя оно могло имѣть. Помиривъ, хоть и не надолго, Стефана Баторія съ Иваномъ Грознымъ, тотъ же миротворецъ, во имя папы, цѣлые три года мирилъ Баторія съ императоромъ Рудольфомъ II. Онъ уже обдумывалъ новое европейское законодательство, которое замѣняло бы кровавыя войны третейскимъ судомъ, и трибуналъ, нынѣ со-

¹) Даже очевидныя ошибки не были исправлены. Такъ Лаврентій Каньоли, несмотря на поправку Поссевина, называется постоянно Іеронимъ. Въ изданіи Археографической коммиссіи нѣтъ также оговорки.

зданный въ Гаагѣ, уже носился предъ его глазами, только подъ верховнымъ предсѣдательствомъ папы и по его инициативѣ. А Гейденштейнъ, повидимому, не особенно жаловалъ римскую курію и не любилъ распространяться о ней и о іезуитахъ.

Поссевино очень откровенно ставитъ ему на видъ, что самый ходъ преній въ Запольскомъ Яму и ихъ содержаніе имѣютъ не малое значеніе. Настанетъ время, когда будетъ полезно припомнить, какіе вопросы русскіе всего охотнѣе выдвигали, какъ они ихъ обстанавливали, что поляки отвѣчали, и какъ все уладилось, благодаря посредничеству папы. Но не таковъ былъ Поссевино, чтобы довольствоваться пустыми жалобами. Онъ объявляетъ Гейденштейну, что вскорѣ самъ напечатаетъ свои комментаріи о Московіи съ подлинными актами перемирія въ Запольскомъ Яму и письмами Баторія и Замойскаго. Такимъ образомъ сдержанность протестантскаго автора искупалась съ лихвою.

Въ общемъ изъ замѣчаній Поссевина можно сдѣлать такое заключеніе насчетъ его критическихъ пріемовъ: ему недостаетъ главнымъ образомъ объективности; онъ слишкомъ увлекается посторонними цѣлями; смотря по обстоятельствамъ, то борется за историческую полность, то требуетъ замалчиванія или туманныхъ намековъ вмѣсто подробностей. Искаженія истины онъ не допускаетъ, но онъ не прочь ее искусственно подкрасить, иное пропустить, другое перетолковать. Очевидно, онъ считаетъ позволительнымъ имѣть двойную цѣль: писать правдивую исторію и проводить назидательную мысль, что, по нашимъ понятіямъ, и неудобно, и часто несовмѣстимо. Здѣсь надо вспомнить, что въ XVI вѣкѣ критика еще не вполнѣ выработалась, научная добросовѣстность была менѣе развита и чутка, историкъ почиталъ себя моралистомъ и не достаточно отрѣшался отъ любимой идеи. Всѣ эти вѣянія отразились на Поссевинѣ.

III. Письмо Поссевина къ Замойскому.

Переписываясь съ Гейденштейномъ, Поссевино не предвидѣлъ гоненій, ожидавшихъ автора комментаріевъ о Московской войнѣ. На конвокаціонномъ сеймѣ 1587 года, послѣ смерти Баторія, литовцы требовали уничтоженія ненавистнаго имъ, какъ они выражались, пасквиля. А обижались они тѣмъ, что ихъ подвигамъ якобы не воздавалось должное. Къ литовцамъ присоединились, хоть и по другимъ побужденіямъ, противники Яна Замойскаго; и отстоять своего сторонника стоило великому канцлеру не мало труда.

Но если Замойскій горячо защищалъ Гейденштейна, то Поссевину и его комментаріямъ о Московіи онъ, кажется, не мирволилъ. Вскорѣ послѣ ихъ появленія, еще въ 1586 году, до свѣдѣнія іезуитовъ дошло, что съ этой стороны грозитъ опасность. Королевскій секретарь, Матвѣй Пискоржевскій, обязательно сообщилъ отцу Скаргѣ, что канцлеръ сильно негодуетъ на Поссевина за его книгу и открыто, во всеуслышаніе, на него нападаетъ. При этомъ случаѣ, всѣхъ болѣе перепугался добрый отецъ Петръ Скарга. Онъ даже совѣтовался съ орденскимъ генераломъ, Клавдіемъ Аквавивою, какъ бы отвратить предстоящую, пожалуй, бѣду [1]).

Мало-по-малу, эти слухи дошли до Поссевина, по крайней мѣрѣ, отчасти. Хотя онъ и отнесся къ нимъ скептически, однако же просилъ преданныхъ ему друзей провѣрить ихъ на мѣстѣ. Оказалось, что его друзья ничего подобнаго не слышали, и полагали, что Замойскій никогда бы не унизился до такого рода выходокъ.

Поссевино на этомъ не успокоился. Дѣятельность его въ Польшѣ тогда уже закончилась. Онъ временно пребывалъ въ

---

[1]) Письмо Скарги къ Аквавивѣ изъ Кракова отъ 1-го ноября 1586 г. издано Сыганскимъ: Listy ks. Piotra Skargi, Kraków, 1912, стр. 246, п. 113.

Падуѣ и трудился надъ своими сочиненіями вдали отъ міра сего, пока разрѣшеніе отъ ереси Генриха IV не вызвало его снова на видное поле. Тѣмъ не менѣе, не желая, чтобъ Замойскій поминалъ его лихомъ, онъ обратился къ нему съ оправдательнымъ письмомъ 16-го января 1588 года. Это была какъ-бы прощальная грамота [1]). Замѣчательно, что въ ней всѣ трое: Замойскій, Гейденштейнъ и Поссевино, являются поборниками и послѣдователями того же антикритическаго направленія, о которомъ говорилось выше.

На самомъ дѣлѣ, жалобы Замойскаго, по словамъ Поссевина, сводились къ тому, что въ комментаріяхъ о Московіи кое-что помѣщено, что слѣдовало пропустить, и кое-что пропущено, что̀ слѣдовало помѣстить. Такія требованія предъявлялъ бывшій блестящій ученикъ падуанской школы, человѣкъ отлично образованный и, въ свое время, конечно, передовой.

Гейденштейнъ совершенно согласенъ съ своимъ патрономъ и, безъ зазрѣнія совѣсти, примѣняетъ его начала практически, удѣляя и другимъ совѣты въ томъ же смыслѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Поссевино, и можно положиться на его слово, ибо онъ зналъ, что его письму не избѣжать строгой провѣрки. Итакъ, чтобы вполнѣ оправдаться передъ Замойскимъ, онъ не только переслалъ ему письмо къ Гейденштейну отъ 14-го января 1586 года, но даже изложилъ послѣдующій обмѣнъ мыслей съ тѣмъ же кліентомъ великаго канцлера. Случилось такъ, что они оба встрѣтились при королевскомъ дворѣ въ Гроднѣ, въ 1586 году. Несмотря на разногласіе мнѣній и на взаимные недочеты, они относились другъ къ другу почтительно и даже дружественно. Дошло до того, что іезуитъ сообщилъ историку-протестанту свою рукопись съ просьбою ее пересмотрѣть. Такимъ образомъ онъ добровольно подвергался цензурѣ, въ которой ему было отказано, когда онъ самъ вызывался быть цензоромъ чужого труда. Гейден-

[1]) На оборотѣ черновика Поссевино отмѣтилъ собственноручно: Ultima al S-r Cancelliere di Polonia.

штейнъ одобрилъ комментаріи о Московіи, совѣтовалъ только, вѣроятно къ силу государственныхъ соображеній, пропустить нѣкоторыя подробности. Онѣ касались переговоровъ въ Запольскомъ Яму, то-есть такого предмета, который Поссевино считалъ своею собственною областью и въ которомъ онъ охотно расходился. Тѣмъ не менѣе онъ повинуется данному совѣту, зачеркиваетъ намѣченныя предложенія, и лишь въ исправленномъ видѣ отсылаетъ свою рукопись въ типографію. Въ глазахъ Замойскаго такая снисходительность была не безъ значенія, а одобреніе Гейденштейна почти совершенно его обезоруживало. Намъ остается только сожалѣть, что прибѣгалось къ такимъ уступкамъ. Въ данномъ случаѣ онѣ, правда, незначительны [1]). Но пагубна самая теорія, и она чревата печальными послѣдствіями. Такъ Поссевино хотѣлъ было напечатать письмо Стефана Баторія къ Ивану Грозному отъ 2-го августа 1581 года; оно исторически важно и характерно; но онъ подѣлился своимъ намѣреніемъ съ Гейденштейномъ, а тотъ опять-таки задержалъ его и отсовѣтовалъ печатаніе. Другихъ внушеній и нельзя ожидать отъ офиціальнаго историка Московской войны, приступившаго къ своему труду съ предвзятымъ намѣреніемъ восхвалять Замойскаго.

Заручившись авторитетомъ Гейденштейна, Поссевино кромѣ того заявляетъ канцлеру, что въ случаѣ перевода комментаріевъ на другіе языки и даже въ предстоящемъ новомъ изданіи онъ готовъ сдѣлать надлежащія поправки. Къ чести іезуита замѣтимъ, что здѣсь прибавляется важная оговорка, хотя она и выражается единственнымъ словомъ: по возможности [2]). Безусловно подчиняться Замойскому, вслѣдъ за Гейденштей-

---

[1]) Поссевино въ своемъ письмѣ такъ выражается: erasis denique pauculis, quae cum Mosci, dum pax curaretur, objecissent, ille (Гейденштейнъ) censuit omittenda, librum misi typographo edendum...

[2]) Simulque curabo, ut... libri... ad limam Vestrae Dominationis Illustrissimae, quoad ejus fieri poterit, edantur.

номъ, онъ не хотѣлъ, и, конечно, въ существенныхъ вопросахъ остался бы при своемъ.

Покончивъ съ своимъ общимъ оправданіемъ, Поссевино переходитъ къ упрекамъ, въ частности на него взведеннымъ. Если онъ намѣренно ихъ не сокращалъ, то они дошли до него не въ полности. Однако же главное было ему извѣстно. Свои жалобы Замойскій облекалъ отчасти въ политическую форму, обвиняя Поссевина въ раскрытіи государственныхъ тайнъ, какими онъ считалъ королевскую и свою переписку, и вообще, всѣ акты, относящіеся къ перемирію 1582 года. При этомъ обнаруживалась и маленькая человѣческая слабость. Въ числѣ изданныхъ Поссевиномъ актовъ находилось и довольно нескладное латинское посланіе, составленное по приказанію Замойскаго, хотя и не имъ самимъ. Ревнителю классическаго образованія было все-таки очень досадно, что изъ его канцеляріи вышла и по всему свѣту распространялась плохая официіальная бумага. Здѣсь государственная мудрость смахивала на научное самолюбіе.

Но Поссевина трудно было взять въ расплохъ. Онъ былъ человѣкъ предусмотрительный. Въ свое время переговоривъ съ Баторіемъ, онъ получилъ отъ него разрѣшеніе на печатаніе актовъ перемирія 1582 года, о чемъ имѣлъ даже письменное удостовѣреніе. Лучшаго отвѣта нельзя было дать Замойскому. Только изъ вѣжливости Поссевино старался еще его успокоить на счетъ канцелярской невзгоды. Полководецъ во время похода или осады крѣпости,—писалъ онъ,—и не долженъ заботиться о такихъ пустякахъ; а то подумаютъ, пожалуй, что у него есть лишнее время на бездѣліе.

Изъ приведенной переписки видно, какъ относились къ историческому дѣлу даже просвѣщенные люди того времени. Но, упрекая ихъ въ недостаткѣ критическаго духа, не должно вдаваться въ другую крайность и XVI-му вѣку безпощадно примѣнять мѣрку XX-го.

Восточная идея Поссевина [1]).

Вліяніе Гонзаговъ.—Отношенія Поссевина къ нимъ.—Настроеніе въ Мантуѣ и Римѣ.—Поссевино въ Венеціи.—Военныя семинаріи и всеобщая казна.—Libro militare.—Походъ противъ Турокъ.—Новое направленіе въ 1854 г.—Отказъ Григорія XIII-го.—Сикстъ V и Reszka.—Переговоры въ Римѣ.—Требованія Польши.—Предположенія на счетъ Москвы.—Несбыточные планы.

Въ концѣ XVI-го вѣка, поблеклый въ битвѣ при Лепанто оттоманскій флагъ уже гордо развѣвался на водахъ Эгейскаго и Іоническаго моря. Неукротимый и не разъ побѣдоносный врагъ христіанства снова угрожалъ венгерской границѣ, и во всемъ западномъ мірѣ распространялась тревога и чуялась опасность. Неудивительно, что не только правящіе круги, по своей прямой обязанности, но и общественные дѣятели, въ виду важности дѣла, задавались вопросомъ, какъ избавиться отъ нападеній падишаха и сокрушить его могущество? Вслѣдъ за другими, надъ тѣмъ же предметомъ часто и глубоко задумывался Поссевино. Развитіе его мысли можно, до нѣкоторой степени, прослѣдить въ его письмахъ и рѣчахъ. Сперва онъ увлекался международнымъ союзомъ всего запада и даже Персіи противъ турокъ. Но впослѣдствіи, при частыхъ разговорахъ съ Баторіемъ, восточный вопросъ усложнился московскимъ предпріятіемъ. Появились другія вѣянія, раскрытіе которыхъ, по мѣрѣ возможности, не лишено интереса.

Раннія политическія воззрѣнія Поссевина сложились безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ знаменитаго рода Гонзаговъ, съ ко-

---

[1]) Перепечатано изъ Русской Старины, декабрь, 1908 г. стр. 563—573.

торымъ онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ. Будучи самъ мантуанскимъ уроженцемъ, онъ до конца жизни горячо любилъ и родной городъ, и его верховныхъ властелиновъ. Стоитъ взглянуть на великолѣпные, окруженные садами, мантуанскіе дворцы, гдѣ нѣкогда блистала очаровательная Isabella d' Este, гдѣ Torquato Tasso воспѣвалъ своихъ героевъ; полюбоваться фресками такихъ могучихъ мастеровъ, какъ Andrea Mantegna и Giulio Romano, вдуматься въ чудное при дворѣ развитіе наукъ и искусствъ, чтобы понять, какія неразрывныя узы связывали образованнаго обывателя съ выдающимся очагомъ культуры, съ виновниками его процвѣтанія, Гонзагами, которые не безуспѣшно соперничали и съ Medici во Флоренціи, и съ Este въ Моденѣ.

Въ княжеской семьѣ Поссевино былъ свой человѣкъ. Онъ былъ секретаремъ у кардинала Ercole Гонзага, и ему вскорѣ поручили воспитаніе и высшее образованіе двухъ молодыхъ людей изъ того же рода. Дѣло пошло такъ удачно, что умный преподаватель безъ труда завоевалъ особое уваженіе и самихъ юношей и всѣхъ ихъ приближенныхъ [1]).

Такая обстановка не могла остаться безъ воздѣйствія на весь строй его жизни и на теченія его мыслей. Въ Мантуѣ хранилось преданіе о созванномъ тамъ собраніи въ 1459 году. Оно состоялось стараніями кардинала Виссаріона, неутомимаго дѣятеля въ пользу Византіи. На немъ присутствовалъ Исидоръ Кіевскій.

Въ напыщенныхъ, по тогдашнему обычаю, выраженіяхъ, папа Пій II-й лично созывалъ христіанскіе народы на битву противъ турокъ и самъ вызывался быть предводителемъ этого новаго крестоваго похода. Но смѣло задуманное предпріятіе, за вскорѣ послѣдующей смертью папы, кануло въ воду. Осталось только убѣжденіе, переходившее изъ рода въ

1) Въ Брюссельской Славянской библіотекѣ имѣется изданіе Горація съ собственноручными помѣтками Поссевина, которое очевидно служило ему для преподаванія.

родъ, что другого спасенія нѣтъ отъ грознаго и многочисленнаго врага, кромѣ соединенія въ одно могучее ополченіе всѣхъ западныхъ христіанъ. Поссевино вѣроятно съ раннихъ лѣтъ свыкся съ этимъ, тогда годсподствующимъ, взглядомъ.

То же настроеніе, даже въ усиленныхъ размѣрахъ, онъ нашелъ въ Римѣ, гдѣ, будучи уже іезуитомъ, принималъ участіе въ приготовленіяхъ турецкаго похода, и, по порученію Пія V-го, снабдилъ папскихъ солдатъ духовнымъ руководствомъ своего сочиненія. Блестящая побѣда 7-го ноября 1571-го года надъ турками упрочила на долго ходячее мнѣніе о побѣдоспособности христіанскаго союза.

Его всецѣло воспринялъ Григорій XIII-й и, вопреки неудачамъ, никогда отъ него не отступалъ. Онъ же внушилъ Поссевину дѣйствовать въ одинаковомъ направленіи и открылъ ему обширное поле дѣятельности.

Первая такого рода попытка относится къ 1581-мъ году. Сопровождая царскаго гонца Истому Шевригина и отправляясь въ таинственную Московію, Поссевино остановился въ Венеціи. Въ этомъ центрѣ политической жизни, куда стекались извѣстія изъ всего міра, было съ кѣмъ разговориться. Между высшими сановниками Поссевино насчитывалъ того, другого преданнаго друга. Въ качествѣ папскаго уполномоченнаго, ему предоставили возможность высказаться въ сенатѣ и въ совѣтѣ, при чемъ онъ и упомянулъ о союзѣ противъ турокъ. Престарѣлый дожъ Николай da Ponte былъ въ восхищеніи: пусть гибнутъ турки, Венеція заранѣе привѣтствуетъ ихъ побѣдителей, но самой участвовать въ войнѣ ей не удобно. Пользуясь намеками Поссевина, онъ далъ ему такой отвѣтъ: примирите Польшу съ Москвою, займитесь ихъ союзомъ: обѣ вмѣстѣ, безъ посторонней помощи, онѣ могутъ справиться съ турками. Предлагая такую задачу, врядъ ли самъ дожъ воображалъ, что Баторій и Грозный когда-либо встрѣтятся у стѣнъ Константинополя и дружно пойдутъ на осаду города. Съ такими напутствованіями Поссевинъ и уѣхалъ.

Въ слѣдующемъ 1582-мъ году, на обратномъ пути въ Римъ, онъ могъ сообщить дожу, что данное ему порученіе хоть отчасти исполнено: десятилѣтнее перемиріе заключено между Польшею и Москвою. Такой, по правдѣ сказать, неожиданный успѣхъ давалъ ему право заговорить погромче и разсчитывать на бо́льшее вниманіе. Вмѣсто бѣглаго намека на восточный вопросъ, какъ въ прошломъ году, онъ теперь, въ сенатѣ и въ совѣтѣ, подробно излагаетъ состояніе Европы, взвѣшиваетъ препятствія противъ международнаго союза, указываетъ на удобства и выгоды, предупредивъ своихъ слушателей, что съ разныхъ сторонъ ему сообщили драгоцѣнныя свѣдѣнія.

На самомъ дѣлѣ, въ Москвѣ и Краковѣ, въ Вѣнѣ и Прагѣ, повсюду онъ тщательно справлялся о расположеніяхъ руководящихъ круговъ на счетъ турокъ. Не скрылъ онъ отъ венеціанцевъ, что поляки и русскіе сами не начнутъ войны, но вѣроятно не откажутся участвовать въ общемъ походѣ, если таковой состоится съ подходящими для нихъ условіями. Здѣсь уже замѣтно преобладающее вліяніе Баторія, такъ старательно Поссевино его выдѣляетъ передъ другими и расхваливаетъ, намекая мимоходомъ, что, будь у польскаго короля милліонъ дукатовъ въ рукахъ, онъ пожалуй овладѣлъ бы Константинополемъ. Но это покуда только смѣлая выходка. Личное убѣжденіе Поссевина сводилось къ тому, что благопріятное время для полнаго сокрушенія полумѣсяца еще не настало. Зато, онъ тѣмъ сильнѣе настаивалъ на всесторонней и безусловно тайной подготовкѣ къ войнѣ.

Исходя изъ того начала, что необходимо имѣть наготовѣ, если не все войско, то, по крайней мѣрѣ, его главный зародышъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ данную минуту, располагать обильными денежными средствами, онъ предлагалъ устроить «военныя семинаріи», какъ онъ ихъ называлъ, и завести всеобщую международную казну.

Военныя семинаріи—это была завѣтная мысль Поссевина. Убѣдительный примѣръ носился предъ его глазами. Въ силу

распоряженій Тріентскаго собора, во многихъ епархіяхъ возникали духовныя семинаріи въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ существуютъ до сихъ поръ; изъ нихъ выходили священники, отлично подготовленные для своего высокаго призванія, ихъ воздѣйствіе на окружающую среду было замѣтно и благотворно. Этимъ путемъ Григорій XIII надѣялся обновить зараженные невѣріемъ христіанскіе народы. По образцу такихъ-то заведеній, Поссевино мечталъ устроить военныя семинаріи, гдѣ преподаваніе и воспитаніе были бы проникнуты духомъ, вѣющимъ у автора руководства: Il Soldato cristiano [1]). Обстоятельный планъ былъ у него давно обдуманъ и заслужилъ одобреніе сперва Баторія, а потомъ и такого знатока военнаго дѣла, какимъ былъ въ Венеціи Giulio Savorgnano.

Другое предложеніе о всеобщей казнѣ заронили въ его умъ германскіе принцы. Въ цѣляхъ взаимной обороны, нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали складчину, которая постоянно возобновлялась. Оцѣнивъ по достоинству этотъ пріемъ, Поссевино предлагалъ, чтобы соединившіяся противъ турокъ правительства откладывали ежегодно извѣстную сумму на военныя издержки. Образовавшуюся такимъ путемъ казну хранили бы довѣренныя лица, а вносящіе свои деньги имѣли бы право провѣрки. Мало-по-малу накопились бы значительные капиталы и въ случаѣ войны необходимыя средства были бы немедленно подъ рукой.

Выдвигая матеріальную обстановку, Поссевино полагался однако же гораздо больше на силу и мощь религіознаго духа. Глубоковѣрующій человѣкъ, усвоивъ себѣ міровоззрѣніе блаженнаго Августина [2]), онъ преклонялся предъ Божьимъ промысломъ и стремился къ выполненію высшихъ человѣческихъ задачъ, потому онъ и другимъ совѣтовалъ прежде всего заручиться помощью Всемогущаго и дѣйствовать заодно съ

[1]) Это руководство было именно то, которое Поссевино составилъ накануне битвы при Лепанто.

[2]) Изложенное въ книгахъ De Civitate Dei.

папою, какъ представителемъ сверхъестественнаго міра. Въ XVI-мъ вѣкѣ венеціанскіе сенаторы не чуждались такихъ рѣчей и почтительно относились къ христіанскимъ убѣжденіямъ, Поссевину былъ данъ одобрительный отвѣтъ, ему изъявили на словахъ полное сочувствіе, и дважды поднесли подарокъ въ 500 дукатовъ, отъ котораго онъ рѣшительно отказался. Повидимому, ему вполнѣ довѣряли, но вскорѣ, зорко слѣдившій за Поссевиномъ венеціанскій посолъ въ Римѣ, Leonardo Donado, упрекнулъ его и не безъ основанія, въ чрезмѣрномъ оптимизмѣ.

Дѣйствительно, такое настроеніе папскаго посредника, вернувшагося между тѣмъ въ Римъ, бросается въ глаза. Оно безъ сомнѣнія отразилось на его докладахъ Григорію XIII-му и папскому секретарю, кардиналу Коменскому. Доклады дѣлались изустно, но предположеніе наше оправдывается посланіями, врученными Поссевину при новомъ отъѣздѣ въ октябрѣ 1582 года. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что онъ оставилъ въ Римѣ обширную записку съ своими соображеніями о союзѣ противъ турокъ. Самое же заглавіе «Libro militare» указываетъ на то, что авторъ становится на точку зрѣнія военную. Подлиннаго текста мы не имѣемъ.

Во всеоружіи римскихъ порученій, Поссевино снова отправился въ Польшу и Германію. Это было, какъ выше уже сказано, въ октябрѣ 1582 года. Много дѣлъ было у него на рукахъ: завѣдываніе папскими семинаріями, улаженіе распри между Рудольфомъ II-мъ и Баторіемъ, разнородныя римскія порученія, да еще огромная переписка и частыя перемѣщенія. Тѣмъ не менѣе восточный вопросъ оставался у него постоянно на очереди. О немъ онъ толковалъ преимущественно съ Баторіемъ. Императоръ не соблазнялся дальновидными соображеніями и заботился только о полученіи субсидій. Не то польскій король. Онъ также нуждался въ деньгахъ, но это не мѣшало ему вдумываться въ международную политику, подробно и всесторонне ее обсуждать и задаваться вопросомъ о

турецкой войнѣ. Съ Поссевиномъ онъ былъ, можно сказать, въ дружескихъ отношеніяхъ и не скрывалъ отъ него своихъ затаенныхъ мыслей. Это сближеніе состоялось послѣ перемирія въ Киверовой Горѣ. Баторій былъ такъ доволенъ дѣйствіями папскаго посредника, что, превознося его заслуги, изъявилъ ему горячую благодарность, отличилъ его своимъ довѣріемъ, и до самой смерти пребывалъ къ нему неизмѣнно благосклоннымъ. Впервые онъ выразилъ письменно эти чувства въ посланіяхъ, данныхъ въ Ригѣ, 28 апрѣля 1582 года, на имя Григорія XIII-го, королевы Анны, кардинала Фарнезе, Замойскаго, своего племянника Андрея и другихъ.

Поссевино воспользовался этими расположеніями, чтобы настаивать на опасность, грозившую со стороны Востока. Такимъ образомъ онъ отвлекалъ Баторія отъ борьбы съ императоромъ, которая могла вспыхнуть изъ-за личныхъ между ними счетовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлялъ рѣшеніе вѣкового, для всего христіанскаго міра важнѣйшаго, вопроса о торжествѣ креста надъ полумѣсяцемъ. Въ этихъ разговорахъ проводились цѣлые вечера въ Краковѣ, Гроднѣ, Люблинѣ. Поссевино былъ неисчерпаемъ. Онъ восходилъ до крестовыхъ походовъ и кончалъ современными событіями, указывая на Готфрида Бульонскаго и его безсмертную славу, на герцога Баварскаго Вильгельма III, желавшаго устроить военную семинарію и, напрягая всѣ свои усилія, чтобы развить въ своемъ собесѣдникѣ геройскій духъ и вызвать его на міровые христіанскіе подвиги. На такія блестящія предпріятія Баторій былъ чрезвычайно падокъ. Глубоко коренилось въ его душѣ желаніе отличиться на службѣ Церкви и освободить любимую Трансильванію отъ турецкаго ига. Съ искреннимъ усердіемъ онъ предлагалъ свои услуги, посвящалъ себя и свой мечъ на великое дѣло, не жалѣя ни покоя, ни жизни. Конечно, лучшаго и болѣе преданнаго полководца трудно было бы найти въ то время для намѣченной войны. Уже одно его имя ручалось, если не за побѣду, то за неустанное и добросовѣстное

стремленіе къ ней. Но дошло ли до насъ на письмѣ все, что тогда изустно излагалось? Есть основаніе предполагать, что наши увѣдомленія не полны. Поссевино однажды проговорился: Баторію, писалъ онъ, пожалуй, суждено быть болѣе, чѣмъ королемъ. Эти слова, если принять во вниманіе весь ходъ состоявшихся разсужденій, наводятъ на догадку, что оба собесѣдника, не довольствуясь сокрушеніемъ турокъ, мечтали о чемъ-то въ родѣ славяно-византійской имперіи съ гегемоніею, конечно, Польши. Можетъ быть, къ этимъ мечтаніямъ примыкаетъ и то, что въ маѣ 1583 года Поссевино хотѣлъ было затѣять съ венеціанцами. Онъ написалъ посланія дожу и его совѣтникамъ и, сознавая ихъ важность, сообщилъ ихъ предварительно кардиналу Коменскому. Но вмѣсто ожидаемаго одобренія ему рѣзко посовѣтовали отказаться отъ своего намѣренія и впредь не вмѣшиваться въ подобныя дѣла. Что именно предлагалъ Поссевино, остается неизвѣстнымъ, такъ какъ его венеціанскія письма пропали безслѣдно. Однако же позволительно, кажется, предполагать, что и здѣсь восточный вопросъ занималъ главное мѣсто. Послѣ установленныхъ, въ концѣ 1582 года, дипломатическихъ сношеній между обоими государствами, Польша не имѣла другихъ дѣлъ съ венеціанцами кромѣ общаго союза противъ мусульманства, при чемъ Баторій, какъ сейчасъ увидимъ, постоянно разсчитывалъ на ихъ денежную помощь.

Совершенно новое направленіе замѣчается у Поссевино въ 1584-мъ году, на этотъ разъ уже въ полной зависимости отъ Баторія [1]). По смерти Ивана Грознаго, при слабомъ его наслѣдникѣ, польскій король задумалъ походъ противъ Москвы, и, въ случаѣ неодобренія со стороны сейма, хотѣлъ снарядить его на собственное иждивеніе. Но откуда достать необходимыя средства? Ради преуспѣянія Польши никто бы конечно

---

[1]) Здѣсь приводится только общій ходъ событій, подробности можно найти во II-мъ томѣ La Russie et le Saint-Siége.

не раскошелился, необходимо было дать этому предпріятію международную окраску. И вотъ Баторій выступаетъ съ такимъ планомъ: въ три года онъ справится съ Москвою, потомъ соединится съ Персіею и съ кавказскими народами, и, окруживъ турокъ со всѣхъ сторонъ, водрузитъ христіанское знамя на стѣнахъ Константинополя. При такой постановкѣ уже можно было смѣло просить субсидіи въ Римѣ, Венеціи и Флоренціи, имѣлся по крайней мѣрѣ благовидный предлогъ. Это ходатайство возложено было на Поссевина. Съ нимъ король объяснялся свободно, а обращаться прямо къ краковскому нунцію Bolognetti онъ не желалъ, чтобы не казаться нищимъ.

Такое порученіе ставило Поссевина въ затруднительное положеніе. Въ Римѣ увлекались союзомъ Польши съ Москвою противъ турокъ, а теперь приходилось считаться съ войною. Правда, Баторій толковалъ это такъ, что Москва незаконно владѣетъ польскимъ достояніемъ, и что турки завладѣютъ Кремлемъ, если поляки не появятся во-время и не спасутъ его отъ гибели. Хотя вооруженная защита и смѣлыя требованія здѣсь искусно перемѣшивались, однако нельзя было не сознавать, что при такихъ условіяхъ восточный вопросъ обращался въ московскій и что невозможно было удовлетворить поляковъ, не обижая Москвы. Поссевино однакожъ не отчаивался и надѣялся вырваться изъ этихъ тисковъ, отдѣливъ политику отъ войны и предоставивъ Риму возможность завладѣть направленіемъ предпріятія, защищая Москву противъ Баторія и помогая Баторію противъ турокъ. Все это страдало искусственностью и даже противорѣчіемъ.

А между тѣмъ король требовалъ, чтобы Поссевино спѣшно отправился въ Италію, готовилъ для него полномочія и посланія. Такъ какъ эта поѣздка не могла состояться безъ согласія папы, то Поссевино обратился къ кардиналу Коменскому, изложилъ ему суть дѣла и указалъ на необходимость изустныхъ дополненій.

Это совершенно неожиданное и ошеломляющее сообщеніе разразилось въ Ватиканѣ, какъ громовой ударъ. Оно выходило изъ ряду вонъ. Григорій XIII-й все еще полагался на содѣйствіе Филиппа II-го, короля испанскаго, и имѣлъ въ виду подавленіе еретичества въ Англіи, чтобы ускорить соединеніе западныхъ народовъ противъ турокъ. При томъ онъ уже былъ въ преклонныхъ лѣтахъ и, не смотря на его безденежье, со всѣхъ сторонъ у него выпрашивали субсидіи. Понятно, какъ эти новыя просьбы и громадные планы казались обременительны и несвоевременны. Согласиться на нихъ было немыслимо, желательно было только избѣгнуть раздраженія Баторія. Въ виду этого остановились на слѣдующихъ мѣрахъ: Поссевину рѣшительно воспретили путешествіе въ Италію, Баторію предоставили полную свободу дѣйствій, не подсказывая ему никакого рѣшенія, а насчетъ субсидій папа обѣщалъ ихъ только въ томъ случаѣ, если сперва Венеція и Флоренція окажутъ денежное содѣйствіе. Такое обѣщаніе равнялось отказу, ибо легко было предвидѣть, что оба итальянскія государства не рѣшатся на какое-либо подаяніе. А чтобы совершенно прекратить дальнѣйшіе переговоры, Поссевина не замедлили удалить изъ Кракова въ Браунсбергъ съ порученіемъ заниматься устройствомъ семинарій и книжнымъ дѣломъ. Восточный вопросъ предоставлялся нунцію Bolognetti. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшая смерть Григорія XIII-го (10 апрѣля 1585 года) пріостановила на нѣкоторое время развитіе польскихъ замысловъ.

Со вступленіемъ на ватиканскій престолъ Сикста V-го, римская и польская политика опять расходятся. Новоизбранный папа извѣщаетъ о своемъ возвышеніи царя Ѳеодора Ивановича и предлагаетъ ему возобновить бывшія съ его отцомъ дружескія отношенія; Баторій обращается къ папѣ съ своими назрѣвшими воинственными планами.

Какъ измѣнилось направленіе въ Римѣ, и какъ возникъ вопросъ о Москвѣ—дѣло довольно темное. Нѣкоторое духов-

ное родство незамѣтно сближало Сикста V съ Баторіемъ. И тотъ, и другой — выдающаяся, своеобразная личность. Оба преданы сильною волей, ясно сознаютъ свою задачу, неуклонно стремятся къ намѣченной цѣли, и, полагаясь на свою власть, безстрашно прибѣгаютъ къ смѣлымъ и крутымъ мѣрамъ. Въ частности, о международной лигѣ Сикстъ V, на перекоръ своимъ предшественникамъ, отзывался такъ, что она ни къ чему не поведетъ. Побѣду при Лепанто онъ приписывалъ никому иному, какъ Пію V-му, его молитвамъ и благословенію. Самъ онъ намѣревался идти другимъ путемъ: отыскать доблестнаго полководца, келейно сговориться съ нимъ и снабдить его обильными средствами для пораженія турокъ.

Случилось такъ, что до него дошли слухи о московскихъ мечтаніяхъ Баторія, онъ изъявилъ одобреніе и пожелалъ ближе ознакомиться съ переговорами объ этомъ предметѣ, бывшими при Григоріѣ XIII-мъ. Этого было достаточно, чтобы возбудить горячую дѣятельность польскаго короля. Немедленно онъ поручилъ Поссевину доставить въ Ватиканъ всю переписку о московскомъ походѣ. Съ изустными объясненіями отправился въ Римъ королевскій племянникъ, кардиналъ Андрей, въ сопровожденіи Станислава Reszka. Наконецъ, самъ Поссевино долженъ былъ лично изложить папѣ сокровенные планы Баторія. Они сводились опять на устраненіе турокъ отъ Москвы, а потомъ на сокрушеніе самихъ турокъ.

Замѣчателенъ отчетъ Станислава Reszka объ аудіенціи, данной ему въ Ватиканѣ 16-го іюля 1586 года [1]). О туркахъ и помину не было. Рѣчь шла только о Москвѣ. Полякъ заявилъ, что многіе изъ русскихъ желаютъ выбрать Баторія на царство, а такому выбору послѣдовало бы, конечно, введеніе католической вѣры. Предвидѣлась однако же возможность вооруженнаго сопротивленія, для укрощенія котораго потребовалось бы въ крайнемъ случаѣ три года, а пожалуй только

[1]) Отчетъ Станислава Rezska напечатанъ проф. Вержбовскимъ. Materyaly de dziejow Pismiennictwa Polskiego, I, стр. 264.

одинъ годъ. Эти несообразности не поразили Сикста V-го. Другія заботы отвлекали его вниманіе. Онъ справился, будутъ ли, при выборномъ началѣ, преемники Баторія, также католики? И самъ Баторій, вступая на московскій престолъ, не утвердитъ ли какія-либо *Pacta conventa* въ ущербъ истинной вѣры? Застигнутый врасплохъ, Reszka наговорилъ очень много и довольно безтолково. Выходило такъ, что, разъ соединившись съ Польшею, Москва ужъ не отдѣлится отъ нея, и потому цари будутъ во всякомъ случаѣ католики. Насчетъ усердія и преданности Баторія, въ нихъ сомнѣваться нельзя. Стоитъ только припомнить, что онъ сдѣлалъ въ Трансильваніи и Ливоніи, а въ Москвѣ ему предстоитъ задача менѣе тяжкая. Народъ тамъ грубый и невѣжественный, слѣпо довѣряетъ своимъ владыкамъ, которые будутъ мало по малу сами обращаться въ католичество или замѣняться другими. Впрочемъ, Reszka не упустилъ случая замѣтить, что понудительныя мѣры мало примѣнимы. Ему показалось, что Сикстъ V-й остался доволенъ этими объясненіями. Обсуждались потомъ другіе вопросы о размѣрѣ требуемыхъ субсидій и о способахъ пересылки денегъ въ Польшу.

Здѣсь не слѣдуетъ забывать, что Reszka только подготовлялъ почву для дальнѣйшихъ мѣропріятій. Онъ могъ довольствоваться частными вопросами. Главнымъ довѣреннымъ короля былъ Поссевино, который очень заботился, чтобъ для окончательнаго рѣшенія дождались его прибытія въ Римъ. Отъѣздъ его былъ отсроченъ, потому что орденскій генералъ Acquaviva не желалъ его участія въ этомъ дѣлѣ, но, по просьбѣ Баторія, послѣдовало внушеніе папы, и Поссевино отправился въ Италію.

Еще передъ отъѣздомъ онъ писалъ кардиналу Azzolino, замѣнившему кардинала Коменскаго, что всего лучше придерживаться безпристрастной умѣренности: не ссориться съ Москвою и не обижать Баторія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, по обыкновенію, расширилъ во всѣ стороны поднятый вопросъ,

включая въ него разнородныя задачи. 28-го марта 1586-го года король прислалъ ему записочку съ заключеніемъ: etc., etc., etc. Въ этихъ словахъ Поссевино усматриваетъ таинственный намекъ, и цѣлый рядъ смѣлыхъ предпріятій мелькаетъ передъ его глазами.

Въ Римѣ переговоры велись изустно и, кажется, безусловно предполагалось, что въ силу обстоятельствъ москвичамъ не удержаться въ Кремлѣ, а быть тамъ или туркамъ, или полякамъ, что значило или гибель Европы или ея спасеніе. Въ такомъ же духѣ написаны посланія Сикста V къ царю Ѳедору и Стефану Баторію отъ 8-го ноября 1586-го года. Они исходятъ изъ факта, что польскій король, требуетъ обратно все польско-литовское достояніе, которымъ владѣетъ Москва, а такимъ почитались Смоленскъ, Новгородъ и Псковъ. При этомъ папа выступаетъ какъ бы посредникомъ, уговариваетъ Ѳедора согласиться, пойти на уступки, избѣжать опасное соперничество. Такое черезчуръ странное предложеніе отзывается или полнымъ незнаніемъ отношеній между Польшею и Москвою, или слѣпымъ увлеченіемъ и предвзятыми мнѣніями. Турецкій походъ здѣсь также повліялъ. Онъ такъ мерещился въ римскихъ глазахъ, что впослѣдствіи, когда Сигизмундъ III-й, ссылаясь на Сикста V-го, просилъ денегъ на московскую войну, ему отвѣтили, что субсидіи были даны Баторію противъ турокъ, а не противъ Москвы.

Какъ ни какъ, но если Поссевино проводилъ вышеизложенныя мысли, то онъ же за это и поплатился. Дальнѣйшее веденіе этого дѣла свалили на него, и ему поручили отправиться въ Москву и дѣйствовать во имя папы. Узнавъ объ этомъ назначеніи, онъ ужаснулся. Въ преклонныхъ лѣтахъ исчезла прежняя отвага, ему не хватало здоровья и силъ для такого подвига. Онъ умолялъ, чтобы его пощадили, но Сикстъ V-й остался непреклоннымъ.

Но задуманному плану не суждено было осуществиться. Поссевино отправился въ дальній путь вмѣстѣ съ новымъ

польскимъ нунціемъ Annibale di Capua, который долженъ былъ вручить Баторію первую долю папскихъ субсидій. Дорогой, не доѣзжая до Кракова, его настигла печальная вѣсть о неожиданной кончинѣ польскаго короля, послѣдовавшей въ Гродно 12 декабря 1586 года. Съ нимъ угасла путеводительная звѣзда, манившая поляковъ въ глубину Россіи. Его преемникъ въ ту пору еще не смѣлъ подобрать упавшій изъ рукъ Баторія тяжелый мечъ. Сикстъ V-й искренно оплакивалъ умершаго героя и объявилъ кардиналамъ, что съ его помощью можно было надѣяться добраться чрезъ Московію до самаго Константинополя.

Подводя итоги всему сказанному, въ настроеніи Поссевина отмѣчаются два теченія. Сперва, въ духѣ господствующаго стремленія, онъ мечтаетъ о новомъ крестовомъ походѣ подъ предводительствомъ польскаго короля. И Баторій какъ будто поддается его внушеніямъ. Въ 1584 году, происходитъ рѣзкая перемѣна, и въ свою очередь Поссевино поддается внушеніямъ Баторія, но съ надеждой и задней мыслью вывести его на другой путь, и направить противъ турокъ соперника Москвы. Такимъ образомъ, свѣтлая въ началѣ восточная идея Поссевина затмилась. Славяно-византійское государство на польской подкладкѣ осталось въ области блестящихъ, но пустыхъ призраковъ.

Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома [1]).

Скудость извѣстій о Маринѣ.—Потоцкій, Шуйскій, неизданные матеріалы.

I. Ночь 27-го мая 1606 г. Первыя впечатлѣнія.—Ссылка въ Ярославль.—Два года страданій.—Побѣгъ Бильчинскаго.—Сношенія съ Польшею и Римомъ.

II. Отъѣздъ изъ Ярославля.—Пререканія въ дорогѣ.—Марина въ Тушино.—Свиданіе съ Димитріемъ II.—Вѣнчаніе.—Размолвка между отцомъ и дочерью.—Отъѣздъ Юрія Мнишка.

III. Обстановка въ Тушино.—Переписка Марины съ отцомъ.—Рознятовскій отправленъ въ Римъ. — Сношенія съ Сигизмундомъ III.—Марина въ Калугѣ.—Убіеніе Дмитрія II.— Сближеніе съ Заруцкимъ.—Въ Астрахани.—Монахи Иванъ и Николай.—Домовая церковь.—Посольство къ шаху Аббасу II.—Бѣгство изъ Астрахани.—Осада на Медвѣжьемъ островѣ.—Измѣна казаковъ.—Участь Заруцкаго, Ивашки и Марины.—Коломенская башня.—Итоги.

Вопреки скуднымъ извѣстіямъ, оставшимся о Маринѣ, можно смѣло утверждать, что она была не заурядная женщина. Только сильный характеръ можетъ, не сломившись, перенести такія превратности, какъ мгновенное величіе, внезапное несчастіе, долгое плѣненіе и бурная казацкая жизнь.

На русскомъ языкѣ не имѣется особой монографіи о Маринѣ. Между поляками нашелся графъ Артуръ Потоцкій, написавшій о ней цѣлую книгу, довольно, впрочемъ, пустую. Несравненно научнѣе и содержательнѣе статья Шуйскаго, но онъ говоритъ въ ней гораздо больше о самозванцахъ, чѣмъ о Маринѣ.

---

[1]) Перепечатано изъ Русской Старины, февраль, 1903, стр. 235—258, и дополнено.

Упрекать его за это было бы несправедливо, ибо фактическаго матеріала ему дѣйствительно не доставало. Съ тѣхъ поръ, появилось въ печати кое-что новое, какъ-то полныя изданія Велевицкаго и Діаментовскаго, дневники Яна-Петра Сапѣги и Нѣмоевскаго [1]); стали доступны показанія Юрія Мнишка, депеши нунція Симонетты, извѣстія Николая Мело, дневникъ Мартына Стадницкаго, другія мелкія бумаги [2]). Конечно, можно пожалѣть, что и въ этихъ источникахъ нѣтъ большаго обилія, но они все-таки дозволяютъ вернуться снова къ старому вопросу, ибо освѣщаютъ нѣкоторыя, до сихъ поръ, не разъясненныя событія, послѣдовавшія за майскимъ погромомъ.

I.

Роковой день грянулъ для Марины совершенно нежданно, негаданно. Увлекаясь кремлевскими торжествами, среди ежедневныхъ заботъ и увеселеній, она едва-ли сознавала близость и крайность опасности; незамѣтно также, чтобы кто-либо ее предупредилъ. Въ ночь 27-го мая 1606 г., услышавъ отчаянный крикъ Димитрія, понявъ, что ей грозитъ недоброе, она сперва скрылась въ подвальныхъ помѣщеніяхъ; но, спохватившись, вернулась въ свои покои, гдѣ ее окружилъ весь ея женскій штатъ. Наступили геройскія сцены. Разсвирѣпѣвшая толпа тѣснилась со всѣхъ сторонъ, добираясь до внутреннихъ покоевъ, не находя препятствій, пока не наткнулась на молодого Яна Осмольскаго. Онъ стоялъ въ дверяхъ и, въ данную минуту, былъ единственнымъ защитникомъ Марины и ея подругъ. Узкіе проходы облегчали ему оборону. Обнаживъ мечъ, онъ храбро отстаивалъ натискъ черни, которая лишь по его трупу переступила черезъ порогъ. Вмѣстѣ съ

[1]) Wielewicki, Historici Diarii, т. II.—Hirschberg, Polska a Moskwa (содержитъ дневники Діаментовскаго и Сапѣги).—Pamietnik Stanislawa Niemojewskiego (изд. Гиршберга).

[2]) Перечисленные здѣсь памятники, за малыми отрывками, еще не изданы.

нимъ отстранили панну Хмѣлевскую и такъ тяжко ранили ее, что она вскорѣ скончалась отъ нанесенныхъ ударовъ.

Проникнувъ въ царскіе покои, заговорщики увидѣли передъ собою толпу испуганныхъ и полуодѣтыхъ полекъ, и стали требовать «Маринку». Никто ея лично не зналъ, да и узнать ее въ данныхъ условіяхъ было бы трудно. Одно предательское слово, и она пропала: ее ожидала лютая смерть. Къ счастію, измѣнницы не нашлось. Вслѣдъ за чернью, во-время подоспѣли бояре и выручили несчастную царицу. Своимъ спасеніемъ она обязана вѣрности подругъ и мужеству Осмольскаго. Чернь была задержана, а задержка отклонила опасность. Что при этомъ творились безобразія, это очень можетъ быть, хотя польскіе источники ничего о нихъ не знаютъ. Къ числу неудачныхъ анекдотовъ слѣдуетъ отнести разсказъ Буссова, будто Марина спряталась подъ платье своей полнотѣлой охмистжины[1]). Уже если прятаться, такъ лучше выбрать тощую.

Единовременно съ своею дочерью, Юрій Мнишекъ также подвергался опасности, но, миновавъ ее, остался цѣлъ и невредимъ, подъ стражею московскихъ стрѣльцовъ, поплатившись только утратою своего имущества. Въ самый день погрома, князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Михаилъ Игнатьевичъ Татищевъ навѣстили сендомирскаго воеводу. Ему даже дозволили свидѣться съ Мариною, и онъ отправился къ ней по окровавленнымъ улицамъ, не страшась заговорщиковъ[2]).

Мало-по-малу своеобразныя отношенія установились между нимъ и московскими властями. Стало очевидно, что имъ хотятъ воспользоваться, и не доводить до ожесточенія. Въ день своего избранія на царство, Василій Шуйскій поспѣшилъ увѣрить Мнишка, что ему нечего бояться и что все уладится. Позаботились также о Маринѣ, снабжая ее припасами, и

---

[1]) Ochmistrzyna—экономка, ключница.

[2]) Діаментовскій и Нѣмоевскій расходятся въ хронологіи свиданій Марины съ отцомъ. Предпочтеніе даемъ первому.

такъ какъ она не жаловала московской кухни, то ей приносили польскія блюда изъ дома ея отца. Наконецъ, высылая немедленно изъ Москвы военныхъ и челядь, Мнишку и его дочери оставили около трехъ сотъ человѣкъ для охраны и службы, хотя по официальному списку ихъ насчитывалось только двѣсти тридцать. При этомъ, Шуйскій, вѣроятно, руководился двойнымъ соображеніемъ; ему слѣдовало считаться съ горючими элементами, которые еще таились въ Москвѣ, и такъ обходиться съ польскимъ сенаторомъ, чтобы не нашлось предлога для войны.

Юрій Мнишекъ также не растерялся. Разлука съ дочерью продолжалась не долго. Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца, Марину привели къ ея отцу, задержавъ въ Кремлѣ все ея добро. Нѣмоевскій передаетъ характерное ея восклицаніе при этой грустной встрѣчѣ, когда обнаружилось ея бѣдственное положеніе. «Я бы желала, говорила она, чтобы мнѣ отдали моего маленькаго негра, а прочее такъ и быть, хотя было у меня не мало драгоцѣнностей». На другой день ей, однакожъ, выдали кое-что изъ платья и пустые ящики; все цѣнное, изящныя кареты, дорогія лошади, упряжь было задержано, не исключая и того, что Марина привезла съ собою, и что составляло ея неотъемлемую собственность.

Молодая, безпечная женщина легче переносила невзгоду, чѣмъ дряхлый старикъ. Однако же, несмотря на свое огорченіе, сендомирскій воевода все-таки не унывалъ. Преклоняясь передъ своею дочерью, онъ воздавалъ ей царскіе почести и мечталъ о сохраненіи для нея московской короны. Арсеній Элассонскій передаетъ слухъ, будто онъ домогался выдать замужъ Марину за Василія Шуйскаго: она бы передала своему супругу добытое присягою и вѣнчаніемъ право на царство, а супругъ даровалъ бы ей фактическую власть. Само-по-себѣ такая развязка была возможна, хотя и не легко осуществима. Во всякомъ скучаѣ, если Мнишекъ и сдѣлалъ

такое предложеніе, то оно было отклонено: Шуйскій женился впослѣдствіи на княжнѣ Маріи Буйносовой-Ростовской.

Весь іюнь мѣсяцъ прошелъ въ допросахъ и совѣщаніяхъ. Мнишку не трудно было доказать, что во всемъ этомъ дѣлѣ главную и рѣшающую роль играли сами же русскіе. Его слушали, обнадеживали, но не поддавались его разсужденіямъ и не соглашались на отъѣздъ въ Польшу. Отказаться отъ такого заложника было бы не политично. Вмѣстѣ съ Мариною его перевели, 8-го іюля, въ домъ Афанасья Власьева, сосланнаго послѣ паденія Димитрія, на воеводство въ Сибирь. Въ слѣдующіе дни ему дозволили свиданія съ ближайшими родственниками—сыномъ, братомъ, княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, Сигизмундомъ Тарло. 17-го августа Станиславъ Мнишекъ даже переселился къ отцу на жительство.

При этихъ перемѣщеніяхъ сендомирскій воевода утѣшался надеждою, что до отъѣзда въ Польшу его не вышлютъ изъ Москвы. Пребываніе въ столицѣ, гдѣ находились хотя нѣкоторыя медицинскія средства, было необходимо для его здоровья, и Шуйскій обѣщалъ удовлетворить его желаніе, но своего слова не сдержалъ.

Уже въ началѣ августа, въ связи съ политическими событіями и внутренними раздорами, начали отправлять поляковъ въ болѣе отдаленные города. Такъ, князя Вишневецкаго сослали въ Кострому, Стадницкихъ, Нѣмоевскаго и Вольскаго въ Ростовъ, Сигизмунда Тарло съ женою въ Тверь, а другихъ еще гораздо далѣе. 20-го августа очередь дошла до Мнишка. Вопреки данному обѣщанію, его предупредили о предстоящей ссылкѣ въ Ярославль, назначенный для его пребыванія. Туда же направлялась бывшая царица Марина и всѣ члены ея семейства: Янъ, братъ Юрія, съ сыномъ, Станиславъ, сынъ Юрія, и Павелъ, его же племянникъ. Ихъ сопровождали бернардины, пріѣхавшіе съ Мариною въ Москву; если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые. Объ отцѣ Анзеринѣ положительно извѣстно, что онъ не отлучался отъ

Мнишекъ. Кромѣ того, за ними слѣдовали шляхтичи и разнаго рода служители. Всѣхъ отъѣзжающихъ набралось до 375. Въ этомъ числѣ заключались не только женщины и подростки, но и 58 человѣкъ, которые жили на дворѣ Глинскихъ подъ опекою Запорскаго и Двожицкаго и которыхъ, въ послѣднюю минуту, по просьбѣ Мнишка, Шуйскій согласился отпустить съ нимъ.

Выѣздъ состоялся 26-го августа подъ охраною трехсотъ стрѣльцовъ. Недавней пышности, при майскомъ въѣздѣ, не было уже никакихъ слѣдовъ. Поляки передвигались медленно, только днемъ, съ остановками для ночлега. Такимъ образомъ они достигли Ярославля лишь 3-го сентября.

Раскинутый на обоихъ берегахъ Волги, этотъ древній, но тогда невзрачный городъ, произвелъ на нихъ грустное впечатлѣніе. Нѣкогда столица удѣльнаго княжества, Ярославль, начиная съ XV вѣка, часто служилъ мѣстомъ изгнанія. Ссылались туда и русскіе князья, и татарскіе царевичи, и опальные бояре. Еще недавно проживалъ тамъ бывшій женихъ Ксеніи Годуновой, Густавъ, побочный сынъ Эрика XIV, короля шведскаго. Теперь же нахлынуло цѣлое ссыльное населеніе.

Не удивительно, что ему было трудно устроиться и размѣститься. Для Мнишекъ нашлись однако же четыре двора. Три изъ нихъ были смежны. Въ первомъ поселился самъ воевода, въ другомъ—Марина съ своимъ женскимъ штатомъ, въ третьемъ—Станиславъ Мнишекъ съ Павломъ; дальше отъ нихъ, въ четвертомъ—Янъ Мнишекъ съ сыномъ. Впослѣдствіи они перешли въ другое помѣщеніе.

Жили они въ Ярославлѣ безвыѣздно, оберегаемые стрѣльцами и подъ надзоромъ особо для нихъ назначенныхъ приставовъ. Отрѣшенные отъ внѣшняго міра, они только украдкою, но съ большимъ искусствомъ, заводили сношенія съ посторонними. Зато между собою они обращались безъ всякаго стѣсненія. Имъ было даже разрѣшено прогуливаться, а лѣтомъ купаться. Такъ прошло около двухъ лѣтъ.

Вообще, обхожденіе съ ними отличалось нѣкоторыми особенностями. Въ качествѣ сенатора и воеводы, Мнишекъ былъ окруженъ почетомъ. Онъ служилъ какъ бы посредникомъ между правительствомъ и поляками. Ему передавали порученія и тайны, оказывали изрѣдка мелкія царскія милости: однажды позволили писать женѣ, въ другой разъ предложили лѣкарства. Пристава его навѣщали, а онъ ихъ одаривалъ или приглашалъ къ столу, когда не было между ними разлада. Среди поляковъ онъ также сохранилъ свою власть, и нельзя отрицать его вліянія. Такъ, ему удалось предупредить не разъ возникавшіе безпорядки; бѣгство изъ Ярославля, о которомъ многіе мечтали, не состоялось вслѣдствіе его сопротивленія. Былъ даже такой случай, что, задержавъ татарина, бывшаго на его службѣ и хотѣвшаго перебѣжать къ москвичамъ, онъ его заковалъ и посадилъ на цѣпь.

При всемъ томъ, непріятностей было вдоволь. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что поляки, по дорогому для нихъ обычаю, были вооружены. А пристава побаивались, какъ бы не произошелъ бунтъ, и не причинилось бы кровопролитіе. Потому то они неоднократно требовали выдачу оружія, то по собственному почину, то отъ имени московскаго правительства. Вслѣдъ за упорнымъ отказомъ, они предложили сложить оружіе у Мнишка, который взялъ бы на себя всю отвѣтственность. Но и на эту сдѣлку поляки не пошли. Они объявили, что скорѣе положатъ жизнь, чѣмъ отдадутъ оружіе, и дружно его отстояли.

Другое затрудненіе, чисто матеріальнаго свойства, касалось насущнаго хлѣба. Такъ какъ они были на казенныхъ харчахъ, то имъ выдавались припасы и деньги на пищу. Въ два года, по счету самого Мнишка, на нихъ израсходовали 20.000 злотыхъ. Кромѣ того, они имѣли свои собственныя, конечно, ограниченныя средства; да вдобавокъ имъ позволялось продавать остатки своего имущества.

Но все это было ненадежно, неупорядочено и подверга-

лось несноснымъ колебаніямъ. Подчасъ дѣло улаживалось кое-какъ, но вообще поляки много и часто терпѣли отъ голода. Однажды имъ сократили безъ того скромную пищу на одну треть, и это продолжалось долгое время. Случалось и такъ, что нѣсколько дней подъ рядъ имъ выдавали только хлѣбъ и пиво, то за не прибытіемъ обоза, то за повсемѣстнымъ будто-бы недостаткомъ. Поляки сердились, жаловались, неистовствовали, а въ концѣ-концовъ должны были все переносить и подчиняться.

Еще чаще, чѣмъ съ приставами, были столкновенія и ссоры съ стрѣльцами. Непрерывныя сношенія съ ними давали къ тому поводъ. Однако при всей свирѣпости этихъ стражей, нашлась у нихъ и слабая сторона. За ничтожный посулъ они передавали полякамъ извѣстія и ходячіе слухи о военныхъ дѣйствіяхъ, о неудачахъ Шуйскаго, объ успѣхахъ Дмитрія II. Они же, вѣроятно, служили посредниками для тайной переписки, ибо плѣнники какъ-то ухитрились сноситься между собой и съ Польшею. Имъ даже удалось получить письма отъ Николая Мело, августинскаго монаха, сосланнаго Шуйскимъ въ Борисоглѣбскій монастырь близь Ростова. Эти продѣлки доходили до начальства, дѣлались взысканія, стрѣльцовъ приводили къ крестному цѣлованію, что они будутъ молчать, но, вопреки присягѣ, они соблазнялись копѣйками, и сообщенія плѣнниковъ съ посторонними не прекращались.

Между поляками также не все было ладно. Семейный духъ, кажется, одушевлялъ Мнишковъ, и взаимная любовь соединяла ихъ. Самъ воевода постоянно заботился не только о своихъ дѣтяхъ и родныхъ, но и о своихъ спутникахъ и подчиненныхъ. Большое и благотворное вліяніе на всѣхъ имѣлъ отецъ Анзеринъ. Когда онъ скончался въ Ярославлѣ, 6-го августа 1607 года, Діаментовскій посвятилъ ему нѣсколько прочувствованныхъ строкъ. Послѣ него, для исполненія требъ, остались его товарищи, между которыми своею

преданностью Маринѣ отличался отецъ Антоній изъ Люблина. Для молитвы поляки собирались въ маленькой домовой церкви. Даже такъ называемый сорокъ-часовникъ отбывался у нихъ. Онъ состоитъ въ томъ, что Священные Дары выставляются на поклоненіе въ теченіе двухъ сутокъ.

Среди свѣтлыхъ сторонъ были и темныя. Діаментовскій объ этомъ не распространяется, но есть намеки на разнаго рода соблазны, пьянство, непокорность, ссоры, раздоры. Нашлись также перебѣжчики.

Впрочемъ, надо признаться, что имѣются также смягчающія обстоятельства. Положеніе поляковъ было безотрадно. Лишь изрѣдка сверкала надежда на свободу, на возвращеніе въ милую отчизну; гораздо чаще ихъ стращали заговорами противъ нихъ, какъ будто хотѣли ихъ зарѣзать или утопить. Такія вѣсти не мало смущали ихъ и тревожили. Притомъ домашній ихъ обиходъ былъ самый жалкій; они нуждались въ необходимомъ, боролись съ бѣдностью, страдали отъ пожаровъ, ужасно терпѣли отъ сильныхъ морозовъ. Иногда между ними свирѣпствовали болѣзни, которыми они заражались другъ отъ друга. Янъ Мнишекъ такъ опасно захворалъ, что сдѣлалъ свое духовное завѣщаніе. Онъ вскорѣ выздоровѣлъ, но бывали и смертные случаи. Такія обстоятельства не могли не воздѣйствовать на нравственное расположеніе плѣнниковъ, наводя на нихъ печаль и уныніе. Не обошлось также безъ видѣній и бѣсовскихъ прельщеній. Не разъ приводятся у Діаментовскаго чудесныя явленія на небесахъ: кто-то прочелъ стихи на лазурномъ сводѣ, другой видѣлъ саблю съ метлою; особенно волновала поляковъ луна, которая мерещилась имъ окровавленною. Другого рода происшествія приписывались всецѣло нечистому духу: страшный шумъ, неожиданный крикъ, произвольное перемѣщеніе предметовъ и внезапное ихъ паденіе.

Въ такой-то обстановкѣ молодая, жизнерадостная Марина провела около двухъ лѣтъ. Почти никакихъ особыхъ свѣдѣ-

ній о ней за это время не сохранилось, но можно полагать, что въ это именно время въ ней произошелъ переломъ. Сначала, потрясающія московскія событія, повидимому, произвели на нее лишь легкое впечатлѣніе; но въ долгомъ и скучномъ уединеніи, при полномъ отрѣшеніи отъ внѣшняго міра, при жизненныхъ тревогахъ, въ неизвѣстности будущаго, конечно, многое переварилось въ ея головушкѣ, характеръ ея могъ измѣниться, и ею могла овладѣть несбыточная мечта. Были съ нею и другія женщины, но какія именно, неизвѣстно [1]). Впослѣдствіи оказалась при ней панна Казановская; очень вѣроятно, что она была также въ Ярославлѣ.

Въ теченіи этого двухлѣтія встрѣчается одинъ только фактъ, который бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на Марину, да и онъ достовѣренъ только въ общемъ, а не въ подробностяхъ. Дѣло въ томъ, что уже 1-го іюля 1606 года, если не раньше, дошли до Мнишекъ странные слухи: разсказывали, будто Димитрій избѣгнулъ смерти и вскорѣ опять появится. Какъ извѣстно, эти слухи упорно и долго держались въ Польшѣ и въ Москвѣ. Въ связи съ ними является побѣгъ изъ Ярославля Яна Бильчинскаго. Сосланный вмѣстѣ съ Мнишками, онъ, подкупивъ стражу и переодѣвшись въ мужика, бѣжалъ 24-го ноября 1606 года. Узнавъ объ этомъ, пристава не на шутку перепугались и устроили погоню, которая возвратилась ни съ чѣмъ. Тогда они стали увѣрять, что Бильчинскій погибъ дорогою, но на дѣлѣ было иначе.

Замѣтимъ, прежде всего, что самый фактъ побѣга внѣ всякаго сомнѣнія. Его передаетъ Діаментовскій, и его же подтверждаетъ письмо Андрея Лавицкаго къ Децію Стривери отъ 12-го января 1607 года [2]). Андрею же Лавицкому Бильчинскій представлялся самолично во Львовѣ, 5-го

[1]) Послѣ убіенія Димитрія польскіе послы изъявили желаніе отвезти въ Польшу дѣвицъ Декчинскую, Войцеховскую, двухъ Закличанокъ и панну Разводовскую съ дочерью, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ Мариною въ Москву.

[2]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II. 499.

января, наканунѣ Богоявленія. Менѣе достовѣрны тѣ извѣстія, которыя исходятъ отъ самого бѣглеца и не поддаются провѣркѣ. Онъ выдавалъ себя за посланца Марины, которая, говорилъ онъ, совершенно увѣрена, что Димитрій живъ, и, обѣщавъ щедрое вознагражденіе, поручила его разыскать, передать ему нѣкоторыя тайны и умолять, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, явился на помощь. Такое настроеніе не удивительно у Марины: болѣе блестящаго исхода нельзя было себѣ представить, и въ ея измученную душу могли заронитьcя самыя смѣлыя надежды. Къ сожалѣнію, Бильчинскій утверждалъ далѣе, что видѣнный имъ на Лобномъ мѣстѣ трупъ якобы Димитрія былъ трупъ другого человѣка. Онъ клялся, что видѣлъ въ Путивлѣ хорошо ему знакомыхъ лошадей Димитрія, на которыхъ онъ будто бы спасся изъ Москвы. Такія утвержденія подрываютъ авторитетъ Бильчинскаго. Ясно, что на него положиться нельзя, и сказанное о Маринѣ приходится принять только къ свѣдѣнію. Впрочемъ, эта посылка канула безслѣдно въ неизвѣстность.

Пока плѣнники томились въ Ярославлѣ, о нихъ заботились въ Польшѣ и Римѣ. Есть слѣды переписки Сендомирской воеводши съ краковскимъ нунціемъ Рангони, въ которомъ она искала защитника для своего мужа. Въ 1607-мъ году, 5-го іюля, Павелъ V обратился самъ къ польскому королю, упрашивая его вступиться за Марину и ея отца. Онъ признавался, что возлагалъ на Димитрія большія надежды, и послѣ ихъ крушенія утѣшался соизволеніемъ Всевышняго. Въ слѣдующемъ, 1608-мъ, году, два младшіе сына воеводы, Николай и Сигизмундъ, пріѣхавъ въ Римъ, увѣряли, что Димитрій живъ и ходатайствовали за своего отца. Въ виду ихъ настояній, папа возобновилъ, 1-го іюля, свою просьбу при польскомъ дворѣ [1]).

[1]) Ватиканскій архивъ, шкафъ 45, т. III, n.°73, т. IV, n.°46.— Отдѣлъ Боргезе, II, 499, письмо воеводши къ Рангони, 13-го ноября 1606-го года.

Съ своей стороны, и не дожидаясь римскихъ внушеній, Сигизмундъ III безустанно хлопоталъ о несчастныхъ плѣнныхъ. Между Москвою и Варшавою велись переговоры, обмѣнивались посылки, и непремѣнно требовалось освобожденіе задержанныхъ поляковъ. Наконецъ, и до Ярославля сталъ доходить слухъ, что пріѣхало въ Кремль великое польское посольство, и что вскорѣ настанетъ давно желанный день возвращенія на родину. Дѣйствительно, 22-го мая 1608 года послѣдовалъ приказъ готовиться къ отъѣзду въ Москву, и три дня спустя, 25-го мая, Мнишекъ спѣшно выѣхалъ изъ Ярославля съ Мариною, своею роднею и 110 спутниками, преимущественно женщинами, подростками и прислугою. Изъ оставшихся пока на мѣстѣ 162 поляковъ большая часть принадлежала къ шляхтѣ. Мнишекъ ихъ не забывалъ и заботился объ ихъ участи.

Въ Москвѣ сендомирскій воевода пробылъ немного болѣе двухъ мѣсяцевъ. Тамъ находились съ октября предъидущаго года новые польскіе послы—панъ Витовскій и князь Друцкій-Соколинскій. Переговоры съ Василіемъ Шуйскимъ подвигались туго; однакожъ, подъ давленіемъ внѣшнихъ событій и внутренней возрастающей смуты, 25-го іюля 1608 г. было заключено перемиріе на три года и одиннадцать мѣсяцевъ. Въ числѣ условій значилось освобожденіе Мнишка, Марины и вообще всѣхъ задержанныхъ поляковъ. Самому же воеводѣ вмѣнялось въ обязанность не признавать зятемъ Димитрія II, не выдавать за него своей дочери, а Маринѣ не называться московской царицей. Этотъ договоръ дошелъ до насъ только въ русскомъ источникѣ, но сомнѣваться въ его подлинности нѣтъ никакой причины [1]).

Въ виду послѣдующихъ событій, важно было бы опредѣлить, какъ держалъ себя Мнишекъ въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, скудость матеріаловъ не дозволяетъ этого сдѣлать въ желаемой

---

[1]) Бутурлинъ, Исторія Смутнаго Времени, т. II, стр. 59, nº VIII.

мѣрѣ. Намъ доступна только внѣшняя сторона того, что происходило. Послѣ двухлѣтняго заключенія отрадно было свидѣться съ соотечественниками, получить извѣстія изъ Польши, прочесть доставленныя письма. При всемъ томъ Мнишекъ не упустилъ случая свести свои денежные счеты съ московскимъ правительствомъ. Во время майскаго погрома, онъ былъ, какъ извѣстно, обобранъ, и Марина также. Понятно, что они желали возвратить себѣ свое имущество. Съ этою цѣлью сендомірскій воевода сдѣлалъ роспись понесенныхъ ими убытковъ. Московское правительство представило также двѣ росписи: одну лошадямъ, богатой збруѣ и винамъ, а другую драгоцѣнностямъ, захваченнымъ у бывшей царицы и ея отца. Всѣ эти показанія сосредоточивались въ рукахъ пословъ, которымъ, вѣроятно, удалось устроить дѣло къ лучшему, ибо въ этомъ отношеніи Василій Шуйскій оказывался сговорчивымъ. 2-го августа состоялся отъѣздъ изъ Москвы.

II.

Неожиданный поворотъ, о которомъ будетъ вскорѣ рѣчь, находится въ связи съ самыми сокровенными замыслами Юрія Мнишка. Не лишне будетъ вдуматься, по мѣрѣ возможности, въ его настроеніе, и заранѣе отмѣтить его подозрительныя выходки.

Главное недоразумѣніе сводится къ тому, что онъ сначала признавалъ Тушинскаго вора за истиннаго Димитрія и мужа Марины. Воевода и бывшая царица переписывались изъ Ярославля съ Димитріемъ II, а онъ пересылалъ ихъ собственноручныя письма въ Самборъ и утѣшалъ воеводшу [1]). Въ 1608-мъ году, Мнишекъ писалъ въ томъ же смыслѣ

[1]) 2-го іюня 1608 года, Димитрій II писалъ къ воеводшѣ изъ Калуги: Noverit Dominatio Vestra Illustrissima Dominum Palatinum Sendomiriensem una cum serenissima et dilectissima conjuge nostra optime valere, quorum litteras proprias ad nos scriptas D. V. mittimus.—Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, IV, 79.

королю Сигизмунду III и, заботясь о своемъ освобожденіи, обращался къ прежнимъ своимъ планамъ общаго похода противъ турокъ и распространенія римской вѣры, мечтая только, вмѣсто союза съ Москвой, о какомъ-то подчиненіи послѣдней въ пользу Димитрія и съ помощью Рѣчи Посполитой [1]). Даже послѣ заключенія перемирія, несмотря на московскіе доводы, въ душѣ Юрія не угасала надежда, искренняя или напускная, свидѣться съ бывшимъ своимъ самборскимъ гостемъ. Въ Тушинѣ поведеніе его таинственно и замысловато; на сеймѣ же 1611 года, онъ выступилъ, какъ постоянный и безпристрастный обличитель Тушинскаго вора [2]). Что касается до Марины, то она увлекается своимъ правомъ на московскій вѣнецъ: въ ея глазахъ оно неотъемлемо, и почему же не стремиться къ его осуществленію? Имѣя въ виду эти соображенія, легче будетъ вникнуть въ ходъ послѣдующихъ событій.

Освобожденные поляки выѣхали всѣ вмѣстѣ, какъ уже сказано выше, 2-го августа 1608 года. Къ нимъ присоединились бывшіе послы при Димитріи, Николай Олесницкій и Александръ Госѣвскій. Послѣдняго сопровождалъ іезуитъ Савицкій, авторъ утраченнаго дневника, которымъ пользовался Велевицкій. Охрану отъѣзжающихъ поручили князю Владиміру Тимоѳеевичу Долгорукому съ нѣсколькими сотнями ратныхъ людей, ибо дорога была ненадежная: Димитрій II стоялъ въ Тушинѣ, и въ Москвѣ опасались, какъ бы онъ не захватилъ Марину. Само собою казалось ясно, что для него завладѣть личностью бывшей царицы и прослыть за ея мужа было важнѣе, чѣмъ взять любую крѣпость. Поэтому, для большей безопасности, оставивъ въ сторонѣ Смоленскъ, поляковъ направили къ границѣ окольными путями, черезъ Тверь, имъ подчасъ приходилось прорубать проходъ топорами, ночевать подъ открытымъ небомъ и подвергаться всякаго рода лишеніямъ.

---

[1]) Львовъ, Библіотека Оссолинскихъ, 2431.
[2]) Краковъ, Ягеллонская библіотека, 102, л. 457.

Поляки уже приближались къ Волгѣ, какъ вдругъ, 6-го августа, произошла тревога. Развѣдчики донесли, что явилась погоня Димитрія. Московская охрана совѣтовала свернуть съ пути или обождать минованія опасности. Между поляками возникло, по этому поводу, непримиримое разногласіе. Госѣвскій, стороны котораго придерживался Савицкій, довѣряя русскимъ, соглашался на ихъ предложеніе. Напротивъ того, главный посолъ Олесницкій настаивалъ на проѣздѣ по болѣе краткой, но опасной дорогѣ. Того же мнѣнія были Юрій Мнишекъ, его дочь Марина и большая часть шляхтичей. Они разсуждали такъ: единственная угрожающая опасность была бы встрѣча съ погонею Димитрія, но, такъ какъ его войско состоитъ преимущественно изъ поляковъ, то отъ соотечественниковъ бояться нечего, отъ нихъ укрываться не стоитъ. Цѣлыхъ два дня прошло въ препирательствахъ. Обѣ стороны съ жаромъ отстаивали каждая свой взглядъ. Соглашеніе не состоялось. Противники окончательно разошлись [1]. Госѣвскій поѣхалъ обходнымъ путемъ, встрѣтилъ отрядъ, высланный Шуйскимъ, для защиты противъ Димитрія, добрался до границы и, 27-го августа, благополучно достигъ Велижа, хотя и не безъ затрудненій. Иная участь ожидала Олесницкаго и его спутниковъ. 11-го августа они переправились черезъ Волгу. Отрядъ Шуйскаго, узнавъ отъ Госѣвскаго о намѣреніяхъ Олесницкаго, пустился за нимъ, догналъ его и умолялъ не ѣхать на Смоленскъ. Посолъ не сдавался; насиловать его не рѣшались. Такъ онъ и поѣхалъ далѣе по большой дорогѣ.

Случилось то, что можно было предвидѣть и чего надо было опасаться. Погоня Димитрія, нагнавъ Олесницкаго, привела его въ Тушино вмѣстѣ съ Юріемъ Мнишкомъ и Мариною. Въ этомъ вся суть дѣла, не подлежащая сомнѣнію; но каковы были подробности, на комъ лежитъ отвѣтственность и

[1]) Эти пререканія изложены Велевицкимъ по утраченному для насъ дневнику Савицкаго. Historici Diarii, т. II, стр. 276.

какъ она распредѣляется — рѣшить гораздо труднѣе. Въ источникахъ являются противорѣчія, и нѣтъ желаемаго безпристрастія. Въ самомъ дѣлѣ, главная цѣль Мнишка не что иное, какъ собственное оправданіе, Сапѣга страдаетъ пробѣлами, едва-ли не преднамѣренными, а тушинецъ Мархоцкій не достаточно посвященъ въ тайныя продѣлки. Такимъ образомъ, провѣрка усложняется, но она все-таки необходима.

Итакъ, на сеймѣ 1611 года, Мнишекъ разсказывалъ слѣдующее: на нихъ напало трехтысячное войско, посланное Димитріемъ, оно побило челядь, отобрало нѣкоторыхъ женщинъ, обращалось съ ними жестоко, и, чтобы заманить всѣхъ въ Тушино, клялось, что тамъ находится истинный Димитрій. Несмотря на ихъ сопротивленіе, ихъ насильно повели въ Царево-Займище, гдѣ стоялъ Янъ-Петръ Сапѣга. Онъ хотѣлъ было ихъ уволить, но не могъ, имѣя мало войска и бывъ связанъ обѣщаніями. А настроеніе было такое, что даже простые ратники грозили смертью въ случаѣ упорства. Такъ ихъ и довели до Тушина.

Надо признаться, что Мархоцкій подтверждаетъ фактъ насилія. По его разсказу, въ лагерѣ Самозванца не всѣ были одинаковаго мнѣнія. Одни хотѣли непремѣнно завладѣть Мариною, другіе этого вовсе не желали и довольствовались притворствомъ, ибо слишкомъ странно показалось бы, что мужъ не заботится о своей женѣ. Какъ бы то ни было, Димитрій выслалъ сперва Вацлавскаго, а послѣ его неудачи, Зборовскаго съ Стадницкимъ, которые, съ оружіемъ въ рукахъ. принудили отъѣзжающихъ вернуться [1]).

Но если Мархоцкій обѣляетъ Мнишка, то другія показанія крайне для него неблагопріятны. Уже то обстоятельство, что онъ, зная опасность, не хотѣлъ свернуть съ пути, очень подозрительно. Еще болѣе вѣскою уликою служитъ его переписка съ Димитріемъ. Правда, писемъ самого Мнишка

---

[1]) Marchocki, Historya Wojny Moskiewskiéj, стр. 38.

не имѣется налицо, но въ Московскомъ архивѣ хранятся перехваченныя или другимъ путемъ добытыя посланія къ нему Димитрія. Изъ нихъ можно заключить, что между самозванцемъ и воеводою была, по крайней мѣрѣ, попытка соглашенія. Димитрій не скрывалъ, что высылаетъ погоню; а въ другой разъ, предлагалъ Казимірскаго для всякаго рода услугъ. Послѣдующія письма, какъ увидимъ, также предосудительнаго содержанія.

А что думать о пребываніи въ Тушинѣ? Король Сигизмундъ прямо говорилъ нунцію Симоеттѣ, что Мнишекъ сидѣлъ тамъ, ожидая у моря погоды, что онъ сперва предлагалъ свою дочь въ царицы, и, получивъ отказъ, мечталъ теперь о томъ, какъ бы выдать ее замужъ за Димитрія, если онъ взойдетъ на престолъ [1]). На сеймѣ же 1611 года, въ присутствіи короля Сигизмунда, Мнишекъ толковалъ свое поведеніе совершенно иначе. Выдавая себя за безпощаднаго обличителя самозванца, онъ увѣрялъ, что пытался вырваться изъ Тушина, проводить Марину въ Дубровну и тамъ отдаться на монаршую волю. Казалось, за скромный уголокъ въ Польшѣ онъ промѣнялъ бы все Московское Царство! При томъ оправдывать Марину онъ не брался. Въ своихъ письмахъ она будто бы признавала Тушинскаго вора за истиннаго Димитрія. Этого Мнишекъ не одобрялъ; но когда были пущены письма въ ходъ, передъ свиданіемъ или послѣ свиданія подъ Москвою, онъ не говоритъ,—а разница въ этомъ огромная.

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ вытекаетъ такое заключеніе, что Мнишекъ сперва не имѣлъ твердыхъ убѣжденій, а потомъ колебался и велъ себя двусмысленно, хотя заднимъ числомъ, на сеймѣ 1611 года, и хвастался своею выдержкою. Иначе трудно понять противоположные отзывы о немъ, и при этомъ переписка съ Димитріемъ теряетъ всякій смыслъ.

Вернемся теперь опять къ Маринѣ, чтобы установить хоть бы

[1]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, т. III, стр. 450.

хронологическую послѣдовательность ея перемѣщеній до пріѣзда въ Тушино. Первое важное свиданіе послѣ задержки на дорогѣ было съ Сапѣгою, который навѣстилъ Юрія Мнишка и его дочь въ Любеницахъ, 29-го августа. На другой же день, Марина прибыла въ Царево-Займище, гдѣ Сапѣга стоялъ лагеремъ, и гдѣ ее приняли съ подобающею честью. Замѣчательно, что съ этихъ поръ Сапѣга является какъ бы посредникомъ и покровителемъ Марины. Усвоивъ себѣ тушинскую фикцію, онъ постоянно говоритъ о царицѣ и царѣ, какъ будто никакое уже сомнѣніе немыслимо. Оставалось только отправиться въ Тушино. Сапѣга шелъ впереди съ войскомъ. За нимъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, слѣдовала Марина и была предметомъ его постоянныхъ заботъ. 1-го сентября, посѣтивъ ее въ селѣ Добромъ, онъ присутствовалъ при обѣднѣ, а потомъ былъ приглашенъ къ столу. При немъ Заблоцкій привезъ письма отъ Димитрія и вручилъ ихъ воеводѣ и его дочери. Марина и всѣ ее окружающіе якобы очень обрадовались. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Сапѣга.

Дѣйствительно, переписка съ Тушиномъ продолжалась, и кажется, къ обоюдному удовлетворенію. Характерно письмо Димитрія отъ 8-го сентября. Онъ изъявляетъ желаніе, чтобы его «пресвѣтлѣйшая и любезнѣйшая супруга» отправилась въ Звенигородскій монастырь «для положенія одного святого». Религіозное чувство здѣсь было не при чемъ, имѣлись въ виду совсѣмъ другія выгоды. Димитрій глухо напоминалъ, «въ разсужденіи чего» онъ претерпѣлъ величайшую «ненависть и пагубу» въ своемъ государствѣ, а теперь, угождая православнымъ, надѣялся заслужить «почтеніе и удивленіе» въ Москвѣ [1]). Здѣсь бросается въ глаза внушительное совпаденіе. Сапѣга отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, подъ 8-мъ числомъ сентября, что Марина ночевала въ Звенигородскомъ монастырѣ и тамъ же провела весь послѣдующій день. Что она тамъ

[1]) Собраніе госуд. грамотъ и дог., т. II, стр. 339 и 763.

дѣлала, онъ съ обычнымъ лаконизмомъ просто замалчиваетъ. А письмо Димитрія возбуждаетъ подозрѣніе.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ Мнишки приближались къ Тушину, все болѣе и болѣе навязывался вопросъ о личности Димитрія. Былъ ли онъ истинный или подставной? Въ цѣляхъ окончательнаго разъясненія, Юрій Мнишекъ дважды отправлялся въ Тушино, 11-го и 15-го сентября. О поѣздкахъ упоминаетъ Сапѣга, но о вынесенномъ впечатлѣніи онъ опять-таки ни словомъ не обмолвился. Здѣсь говорятъ за себя самые факты, ибо въ послѣдующіе пять дней, вопреки нѣкоторымъ колебаніямъ, все уладилось, и уладилось въ пользу Димитрія.

16-го сентября онъ пріѣхалъ къ Маринѣ. Сапѣга признается, что бывшая царица приняла его не охотно и не выказала благодарности. Важность такого показанія нельзя отрицать. Другой свидѣтель, служитель Олесницкаго, подробно описываетъ первую встрѣчу. Марина будто бы съ ужасомъ отвернулась отъ Димитрія, ножъ засверкалъ въ ея рукахъ, и она воскликнула: «лучше умереть!» [1]). Понятно ея глубокое разочарованіе, если она надѣялась встрѣтиться съ первымъ Димитріемъ. Второй Димитрій былъ человѣкъ грубый, порочный, не имѣвшій ничего привлекательнаго для относительно образованной женщины, да къ тому же явный обманщикъ, ибо, послѣ свиданія съ нимъ, отожествлять его съ самборскимъ гостемъ было невозможно.

А задержать ходъ событій никто уже не смѣлъ. Они шли быстрымъ ходомъ, не давая передышки дѣйствующимъ лицамъ. 17-го сентября велись переговоры между тушинцами и москвичами. Въ нихъ участвовали Юрій Мнишекъ и оба Вишневецкіе, Адамъ и Константинъ. Исходъ былъ отрицательный, но подробности остались неизвѣстными. Только на сеймѣ 1611 года, ссылаясь на Василія Шуйскаго, Мнишекъ утвер-

[1]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 226, 1608, 8-го ноября, депеша Симонетты.

ждалъ, что московскіе люди его спрашивали: тотъ ли или не тотъ Димитрій? и что онъ откровенно и безстрашно отвѣтилъ: не тотъ. Такое заявленіе не могло бы не произвести глубокаго впечатлѣнія на окружающихъ. А съ другой стороны, оно еще болѣе затрудняетъ пониманіе того, что послѣдовало.

Олесницкій откланялся Димитрію 19-го сентября, вмѣстѣ съ нимъ навѣстилъ Марину и на другой день выѣхалъ въ Польшу. Его сопровождали Павелъ Мнишекъ, Сигизмундъ Тарло и многіе другіе, особенно женщины, нѣкогда пріѣхавшія въ Москву на свадьбу самборскаго Димитрія. Того же числа, 20 сентября, Сапѣга проводилъ Марину въ Тушино и передалъ ее Димитрію II.

Тогда рѣшилась участь бывшей царицы. По всему кажется, что она не согласилась быть любовницей Димитрія, а сочеталась съ нимъ бракомъ. Анонимный журналъ нунціатуры говоритъ, что ихъ обвѣнчалъ бернардинскій монахъ сопутствовавшій Маринѣ [1]). Въ томъ же смыслѣ выразился Мнишекъ на сеймѣ, но съ оговоркой, что бракъ былъ заключенъ въ плѣну и по неволѣ. Такимъ образомъ, Марина поступала вполнѣ сознательно, и не трудно угадать ея соображенія. Почитая себя московской царицею, она, обладая правомъ на престолъ, своимъ бракомъ съ самозванцемъ возводила его на степень царицына мужа и законнаго царя.

Конечно, это только предположенія. Размолвка между отцомъ и дочерью и отношенія Димитрія къ Мнишку еще болѣе усложняютъ самъ по себѣ сложный вопросъ. Въ началѣ 1609 года, Мнишекъ уѣхалъ въ Польшу, не простившись съ Мариной и не благословивъ ее. Что же сталось между ними? Пустое разногласіе не могло имѣть такихъ послѣдствій. Надо предположить, что Марина не пошла на условія отца, не послѣдовала его увѣщаніямъ. Уже не оста-

[1]) Тамъ же, IV, 274, л. 95 v.

лась ли она самовольно въ Тушинѣ вопреки отцовской волѣ? Съ этимъ предположеніемъ, однако жъ, какъ-то не клеится то обстоятельство, что Димитрій постоянно благоволилъ Мнишку, высылалъ къ нему своего канцлера, обѣщалъ 300.000 рублей и обширныя области по вступленіи на престолъ. Здѣсь чувствуется недостатокъ свѣдѣній.

Сендомирскій воевода покинулъ Тушино 17-го января 1609 года [1]). 28-го декабря 1608-го года, Станиславъ Мнишекъ давалъ еще обѣдъ, вѣроятно прощальный, на которомъ присутствовалъ Сапѣга. Продолжительные переговоры произвели, по словамъ Мархоцкаго, неблагопріятное впечатлѣніе на тушинцевъ. Казалось, что истиннаго мужа немедленно соединили бы съ его супругой, а долго сговариваться можно было только съ чужимъ и самозваннымъ. Въ такихъ-то затрудненіяхъ Марина осталась въ Тушинѣ одинокой.

III.

Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, съ приходомъ Димитрія и его отрядовъ, Тушино оживилось и отстроилось. Необходимое для войска продовольствіе привлекло туда много торговцевъ; для жительства и обороны возведены были избы и укрѣпленія.

Составъ этихъ таборовъ былъ самый разношерстный. Димитрія окружали польско-литовская вольница, казацкіе удальцы и московскіе перелеты. Между поляками самое видное мѣсто занималъ князь Романъ Рожинскій, возведенный въ санъ гетмана. Отдѣльными отрядами предводительствовали Янъ-Петръ Сапѣга, староста Усвятскій, выступавшій какъ мститель польской чести, и Александръ Лиссовскій, отчаянный рубака, бандитъ, не признаваемый своимъ отечествомъ. Изъ казацкихъ атамановъ самымъ извѣстнымъ былъ Иванъ Мартыновичъ За-

[1]) Эту дату выставляетъ Діаментовскій (Hirschberg, Polska a Moskwa, стр. 164) и на него можно положиться.

рудкій, который впослѣдствіи еще болѣе прославился и совершенно проворовался. Среди русскихъ выдавался нѣкоторое время митрополитъ ростовскій и «нареченный» патріархъ Филаретъ Никитичъ; да кромѣ того были представители всѣхъ слоевъ московской знати.

При такой наличности трудно было для Марины найти подходящее для себя общество. Сначала она, кажется, всего ближе сошлась съ Сапѣгою, который, какъ уже сказано, и привелъ ее въ Тушино. И вотъ какимъ онъ заявилъ себя въ обыкновенномъ обращеніи; 25-го сентября, онъ посѣтилъ Марину, бывъ въ нетрезвомъ видѣ и просидѣлъ у ней съ полчаса; потомъ же онъ такъ напился, что дорогой упалъ съ лошади и расшибъ себѣ голову. Если Сапѣга такъ безчинствовалъ, можно себѣ представить, каковы были другіе тушинцы, съ которыми приходилось уживаться. А изъ бывшихъ спутниковъ и спутницъ Марины, окружавшихъ нѣкогда счастливую царицу, остались при ней лишь очень немногіе, пожалуй только двое. Положительно извѣстно, что въ Тушинѣ находился бернардинъ Антоній изъ Люблина; то же, вѣроятно, должно предположить о Варварѣ Казановской, которую мы встрѣтимъ въ Астрахани.

Очень скоро выяснилось, что положеніе Марины было во всѣхъ отношеніяхъ безотрадное. Сначала для нея выстроили новую избу, и обѣщали озабоченному отцу, что съ его дочерью будутъ обходиться хорошо. Но едва прошло нѣсколько недѣль, какъ все измѣнилось къ худшему: ей не оказывали должнаго уваженія и она подвергалась многимъ лишеніямъ. Немедленно послѣ отъѣзда Юрія Мнишка ею овладѣла горькая печаль, она стала заливаться слезами, письменно просила прощенія у своего отца, обѣщала слѣдовать его совѣтамъ, заручалась его ходатайствомъ, чтобы имѣть «почтеніе и милость» у Димитрія. Въ томъ же письмѣ, какъ бы въ доказательство ея дѣтскаго легкомыслія, встрѣчается такое пожеланіе: «Прошу васъ, милостивый государь, мой

батюшка, чтобы я, по милости вашей, могла получить чернаго бархату узорчатаго... двадцать локтей, прошу усильно» [1]).

Отвѣты изъ Польши рѣдко доходили до Марины. Она жалуется, что не получаетъ никакихъ извѣстій; жалѣетъ, что не имѣетъ средствъ для посылки нарочныхъ. Ея мысль часто переносится въ Самборъ. Она вспоминаетъ о семейномъ кругѣ, какъ имъ привѣтливо жилось, какъ они пили вмѣстѣ старое вино и лакомились рыбою, и, предвидя, вѣроятно, наступающій постъ, она проситъ, чтобъ ее не забывали и подѣлились съ ней. Такія просьбы и мечтанія можно было смѣло поручать бумагѣ, но въ письмахъ Марины есть намеки, что она многое утаивала изъ осторожности, и, конечно, самое важное. Религіозное чувство, какъ увидимъ, ее никогда не покидало. Въ 1609 году, несмотря на свое бѣдственное положеніе, она послала бернардинамъ въ подарокъ серебряныя паникадилы для большого алтаря самборской церкви [2]).

До сихъ поръ предъ нами являлась только полузабытая, полузаброшенная женщина; но въ ней скрывается царица. Вопреки плѣненію и невзгодамъ, царскій духъ не угасалъ въ Маринѣ. Всегда мечтая о престолѣ, она не поступается своими, по ея мнѣнію, непоколебимыми правами. Даже въ письмахъ къ отцу она подписывается «czarowa». Она заботится, чтобы посланцамъ Димитрія оказывались почести въ Варшавѣ. Она обращается къ папѣ, къ папскому нунцію, къ королю, но безъ всякаго раболѣпія, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства.

Сношенія съ Павломъ V относятся къ 1609 году. Одинъ изъ ея приближенныхъ, Абрамъ Рознятовскій, отправлялся въ Римъ для исполненія даннаго обѣта. Вспомнивъ, вѣроятно, о римской перепискѣ при своемъ бракосочетаніи въ Краковѣ и пользуясь случаемъ, Марина написала, 4-го января,

---

[1]) Большая часть писемъ Марины напечатана во II-мъ томѣ Собранія госуд. гр. и дог.

[2]) Самборъ, Архивъ Бернардиновъ, Acta seu Monumenta.

посланіе къ папѣ. Отправленіе Рознятовскаго служило только предлогомъ. О своемъ положеніи она также не распространяется и смѣло обѣщаетъ выслать посольство въ Римъ, коль скоро ея правое дѣло восторжествуетъ. Въ настоящее же время, въ Тушинѣ, она предлагаетъ исполнить всѣ порученія, клонящіяся къ славѣ папской и благу христіанства, которыя папа соблаговолилъ бы ей сообщить письменно или чрезъ посредника. Все это было приправлено обычными просьбами о молитвахъ и благословеніи. Вообще, письмо какъ будто написано по схемѣ, унаслѣдованной отъ самборскаго Димитрія, который такъ искусно умѣлъ вызывать къ себѣ благосклонность. Но не тѣ были уже времена. Письмо дошло до своего назначенія, и въ римской куріи на оборотѣ сдѣлали помѣтку: «не нуждается въ отвѣтѣ» [1]).

Такого исхода Марина, вѣроятно, не предвидѣла, ибо 15-го января она обращается съ тѣми же предложеніями къ варшавскому нунцію Симонеттѣ. Лично она его не знала, но его предшественникъ, Клавдій Рангони, былъ къ ней очень милостивъ, и она разсчитывала на продолженіе такихъ же отношеній съ новымъ нунціемъ.

Царскій духъ Марины еще нагляднѣе выразился въ письмахъ къ королю. Предварительно надо замѣтить, что ея положеніе усложнилось въ 1609 году, когда Сигизмундъ III объявилъ войну Москвѣ и осадилъ Смоленскъ. Онъ нападалъ на страну, которую Марина считала своимъ государствомъ. Притомъ, король выступалъ не только противъ Шуйскаго, но и противъ Димитрія, съ которымъ, однако жъ, не хотѣлъ имѣть прямыхъ сношеній, желая только перетянуть на свою сторону тушинскихъ поляковъ. Что касается до Марины, то онъ старался, кажется, привлечь ее также къ себѣ, какъ свою подданную, не дѣлая никакихъ обѣщаній и не предлагая никакихъ условій.

---

[1]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 499.

На такое намѣреніе указываетъ самый выборъ коммиссаровъ, отправленныхъ въ Тушино. Въ ихъ главѣ находился родственникъ Марины, Станиславъ Стадницкій, кастелянъ премышльскій, прозванный ангеломъ въ противоположность другому Станиславу Стадницкому, котораго именовали діаволомъ. Въ родствѣ съ Мариною и съ ея спутницею Варварою былъ еще другой коммиссаръ, Мартынъ Казановскій. Кровныя связи облегчали взаимныя сношенія. Стадницкій первый обратился къ Маринѣ съ письмомъ, предлагая свои услуги и увѣдомляя о вступленіи короля въ Россію. Она его отблагодарила письмомъ 10-го сентября 1609 года, развивая мысль, что невзгоды проходятъ, а что за правое дѣло вступается Богъ[2]). Не иначе отвѣтила бы истинная царица; въ каждой строчкѣ внушалось Сигизмунду, что на мѣстѣ есть другой хозяинъ. Вскорѣ наступившій новый переворотъ не поколебалъ твердости Марины.

Уже давно поговаривали о томъ, что Димитрій обдумываетъ бѣгство изъ Тушина. Въ январѣ 1609 года предупреждали даже Сапѣгу, чтобы онъ остерегался. И въ самомъ дѣлѣ, положеніе мнимаго царя было невыносимо. Никто его не слушался, къ нему относились съ презрѣніемъ, съ Сигизмундомъ велись переговоры безъ его участія. Димитрій не выдержалъ. 6-го января 1610 года онъ удалился тайкомъ въ Калугу, гдѣ надѣялся найти безопасность, матеріальное изобиліе и стратегическія выгоды.

Марина отдавалась такимъ образомъ на произволъ судьбы. Что ей было дѣлать? Для нея представлялся только двоякій исходъ; или передаться Сигизмунду, что повлекло бы за собою отреченіе отъ московскаго престола, или бѣжать въ Калугу, гдѣ еще можно было защищать свои права. Марина выбрала послѣднее, при чемъ выказала большую смѣлость характера.

[1]) Marchocki, стр. 161.

Предпріятіе было трудное. За покинутой супругой Димитрія зорко слѣдили. Гетманъ Рожинскій былъ не прочь доставить ее въ королевскій лагерь подъ Смоленскъ. Марина ему не довѣряла, и ей приходилось отъ него укрываться. Она прибѣгнула къ хитрости. Переодѣвшись въ мужское платье, въ сопровожденіи женщины, вѣроятно, Казановской, и одного подростка, она тайно бѣжала въ Калугу чрезъ Дмитровъ, гдѣ стоялъ Сапѣга, и куда она прибыла 26-го февраля. Немедленно было созвано генеральное коло. Оно очень обрадовалось, услышавъ неожиданную новинку, и уполномочило нѣкоторыхъ товарищей изъявить Маринѣ всеобщую благодарность. Извѣстили также тушинцевъ объ ея пріѣздѣ, которымъ она, впрочемъ, сама оставила очень странное, приводимое Кобержицкимъ дословно, письмо [1]). Около того же времени, 16-го января, она писала королю Сигизмунду, жалуясь на свою горькую участь, и только условно поступаясь своими правами [2]).

Въ Дмитровѣ Марина оставалась недолго. По свидѣтельству Мархоцкаго, она тамъ отличилась: узнавъ, 1-го марта, что сапѣжинцы замялись въ стычкѣ съ русскими, она выскочила изъ своего помѣщенія, добралась до вала, и ей удалось одушевить ратниковъ. Сапѣга умалчиваетъ этотъ фактъ и отмѣчаетъ только, что Марина уѣхала въ Калугу 7-го марта. По другимъ источникамъ, онъ старался всѣми силами хотя и тщетно, задержать ее [3]).

Между тѣмъ смута все росла и росла. Тушино мало-помалу опустѣло. Въ іюнѣ 1610 года Жолкѣвскій отпраздновалъ Клушинскую побѣду. Москва оставалась безъ защиты.

---

[1]) Kobierzycki, Vita Vladislai, стр. 203. Письмо это вращалось въ польскомъ обществѣ, ибо нунцій Симонетта переслалъ копію съ него въ Римъ 4-го марта 1610 года. Ватиканскій архивъ, Polonia, 37, A, л. 234.

[2]) Римъ, архивъ Бонкомпаньи, E, 35.

[3]) 17-го іюня 1610 года Марина обратилась къ Сапѣгѣ съ письмомъ, гдѣ возлагала на него всю свою надежду. Kognowicki, Zycia Sapiehow, т. II, стр. 9 и VII.

Это подало Димитрію новую надежду; онъ опять приблизился къ столицѣ, его приверженцы встрепетнулись, нѣкоторые города цѣловали ему крестъ, и онъ дошелъ до села Коломенскаго. Но подъ стѣнами Москвы уже стоялъ Жолкѣвскій, русскій вѣнецъ предназначался Владиславу, а Димитрію, въ лучшемъ случаѣ, уступили бы Самборъ или Гродно. Димитрій понялъ, что въ данныхъ условіяхъ борьба становилась ему не по силамъ и, взявъ съ собою Марину, бѣжалъ опять въ Калугу, въ августѣ 1610 года. Съ своей стороны Марина не бездѣйствовала; она чего-то домогалась, ибо послала преданнаго ей бернардина Антонія къ Сапѣгѣ для переговоровъ, которые длились нѣсколько дней, отъ 28-го ноября до 4-го декабря. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, въ чемъ они состояли.

Пока Жолкѣвскій торжествовалъ въ Москвѣ, присягая Владиславу, Димитрію грозила трагическая смерть. Извѣстно, что онъ былъ зарѣзанъ Петромъ Урусовымъ 11-го (22-го) декабря 1610 года. Въ данную минуту эта потеря была для Марины неожиданнымъ ударомъ. Какъ она при этомъ вела себя, мы узнаемъ только изъ польскихъ источниковъ, которые вообще ее не жалуютъ. Вѣрный отголосокъ ходячихъ слуховъ слышится въ депешахъ нунція Симонетты. По его словамъ, Марина, тогда уже беременная, предалась большому горю, почти отчаянію, требуя, чтобъ ее также лишили жизни. По другой депешѣ она будто-бы сама нанесла себѣ раны, хотя и не смертельныя [1]). Какъ бы то ни было, но отъ царской мечты она, кажется, не отказалась. Узнавъ объ убіеніи Димитрія, Сапѣга подступилъ съ войскомъ къ Калугѣ. Въ Польшѣ надѣялись, что, завладѣвъ Мариною, Сапѣга упразднитъ самозванство. Дѣйствительно, гетманъ обмѣнялся письмами со вдовою Димитрія, вызывалъ калужскихъ бояръ и весь міръ на совѣщаніе, но въ назначенный день никто не

---

[1]) Римъ, архивъ Бонкомпаньи, E, 37, депеши 9-го января 1611 года.

явился. Сапѣга такъ и ушелъ, ничего не сдѣлавъ. Вскорѣ Марина родила сына, котораго бояре окрестили по греческому обряду, назвали Иваномъ Дмитріевичемъ и провозгласили царевичемъ. Это была уже только тѣнь самозванца.

Здѣсь является около Марины новая личность, о которой мелькомъ упоминалось выше — Иванъ Мартыновичъ Заруцкій, красивый и статный мужчина, типичный казацкій удалецъ. По свидѣтельству Мархоцкаго, лично его знавшаго, онъ былъ родомъ изъ Тарнополя. Плѣненный въ юности татарами, онъ бѣжалъ отъ нихъ къ донскимъ казакамъ и такъ отличился между новыми товарищами, что его выбрали въ атаманы. Въ смутное время онъ рыскалъ съ своими шайками по всей Россіи. И кому онъ только не служилъ? И Димитрію II-му, и Сигизмунду III-му. Теперь онъ перешелъ на сторону Марины и сдѣлался приверженцемъ ея сына Ивана. На такое рѣшеніе повліяли, конечно, внѣшнія обстоятельства, но могло заговорить и личное чувство. Не разъ выражалось предположеніе, что Заруцкій былъ въ связи съ Мариной, а по испанскимъ источникамъ она просто вышла за него замужъ. Такой бракъ былъ для нея выгоденъ, ибо доставлялъ ей не малое число защитниковъ. Но время самозванщины и казацкаго своеволія уже клонилось къ концу. Не долго Заруцкій держался во главѣ движенія вмѣстѣ съ Трубецкимъ и Ляпуновымъ. Пожарскій рѣшительно возсталъ противъ «Маринкина сына»; населеніе тяготилось казацкими грабежами и насиліями. Заруцкій послѣ многихъ перемѣщеній и окончательной неудачи, скрылся въ 1611 году въ Рязанской украйнѣ.

О дѣятельности Марины въ это время намъ почти ничего неизвѣстно. Въ 1613 году мы ее встрѣчаемъ въ Астрахани, куда она должна была удалиться вмѣстѣ съ Заруцкимъ. Несмотря на тогдашнія тяжелыя обстоятельства, она и здѣсь выступаетъ со своими характерными чертами.

При Маринѣ находился въ качествѣ духовнаго отца, какъ выше уже сказано, бернардинъ Антоній, котораго она

употребляла когда-то для переговоровъ съ Сапѣгою. Дозволительно предположить, что онъ былъ ея довѣреннымъ человѣкомъ. Кромѣ отца Антонія, Марину въ то время окружали еще два другіе монаха. Послѣ убіенія Димитрія II, проѣздомъ чрезъ Нижній-Новгородъ, она, при содѣйствіи Заруцкаго, освободила изъ темницы и приняла на свою службу Николая Мело, который когда-то переписывался съ сендомирскимъ воеводою въ Ярославлѣ. Какимъ образомъ прежній узникъ Борисоглѣбскаго монастыря перешелъ въ Нижній, опредѣлить довольно трудно, но о пребываніи его въ Астрахани нельзя сомнѣваться. Тамъ же случайно находился кармелитъ Иванъ-Ѳаддей, посланный Аббасомъ II въ Польшу и почему-то задержанный на пути. Эти три монаха жили мирно и дружно между собою, и были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Мариною. Для нихъ она устроила домовую церковь, посвященную Божіей Матери, которую отецъ Николай обновилъ 28-го августа 1613 года, въ день святого Августина, отслуживъ въ ней обѣдню. Какъ члену августинскаго ордена, этотъ праздникъ былъ ему особенно дорогъ. Отецъ Николай восхваляетъ усердіе и набожность Марины. Но болѣе съ нимъ сблизилась ея родственница Варвара Казановская. Она даже вступила въ такъ называемый третій августинскій орденъ, установленный для міранъ. Такимъ образомъ, въ татарскомъ городѣ, среди казаковъ, образовался маленькій католическій кружокъ.

Между тѣмъ внѣшнія грозныя обстоятельства ставили неотложно на очередь вопросъ о самосохраненіи. Пока Заруцкій мечталъ о походѣ подъ Самару и Казань, и отчаянно боролся съ своими врагами въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ, возникла мысль обратиться къ персидскому шаху Аббасу II съ просьбою о помощи. Кто впервые задавался такимъ планомъ? Очень можетъ быть, что онъ созрѣлъ въ умѣ Марины, вслѣдствіе обмѣна мыслей съ отцами Иваномъ и Николаемъ. Оба были въ Персіи, знали лично Аббаса II, вы-

соко его цѣнили и заботились объ его союзѣ съ христіанскими государствами противъ турокъ. Впрочемъ, еще Димитрій I пытался завести сношенія съ Персіею. Какъ бы то ни было, посольство къ шаху состоялось, и даже двоякое [1]). Заруцкій выслалъ въ Испагань Якова Глядкаго съ товарищами, всего до двадцати человѣкъ. Съ ними отправили также бывшаго въ Астрахани персидскаго купца Хаджи-Муртаза, котораго Марина привела къ шерти, чтобы онъ просилъ отъ ея имени у шаха денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ. Кромѣ того, Марина предложила монахамъ Ивану и Николаю ѣхать съ тою же цѣлью къ Аббасу. Они посовѣтовались между собою и рѣшили, что въ виду угрожающихъ опасностей имъ не слѣдуетъ удаляться. Но Марина не согласилась съ такимъ рѣшеніемъ и, упорно настаивая на своемъ, увѣряла преданныхъ ей отцовъ, что они принесутъ ей больше пользы въ Персіи, чѣмъ въ Астрахани. Оба монаха изъявили тогда полную готовность исполнить ея волю. Спрашивалось только: кому ѣхать, отцу Ивану или отцу Николаю? Выборъ палъ на перваго, который и пустился въ дорогу, одинъ или съ Глядкимъ, и каковъ былъ его личный успѣхъ остается неизвѣстнымъ. Якова Глядкаго шахъ принялъ благосклонно и, несмотря на продѣлки Хаджи-Муртаза, распорядился выслать въ Астрахань деньги, дары и запасы. Онъ увлекался особенно Мариною и справлялся «какова она лицомъ и сколько хороша, молода или стара... и горячи-ли у нея руки?».

Всѣ эти мѣропріятія оказались тщетными. Ихъ предупредили дѣйствія московскаго правительства. Вслѣдъ за избраніемъ Михаила Ѳедоровича и умиротвореніемъ страны, рѣшено было покончить съ Заруцкимъ. Царскія и соборныя грамоты на него не подѣйствовали; но высланные противъ

[1]) Акты историческіе, т. III, дополненія, стр. 412.—Веселовскій, Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей, т. II, III.—Синюхаевъ. Марина Мнишекъ и шахъ Аббасъ II (Русская Старина, апрѣль, 1903. стр. 156).— Письмо П. Пирлинга о Маринѣ (Русская Старина, май, 1903, стр. 303).

него отряды и возстаніе въ Астрахани сдѣлали его болѣе податливымъ. Въ концѣ мая 1614 года, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ Мариною на Яикъ. Ихъ сопровождали нѣсколько сотенъ казаковъ. Московскіе воеводы устроили немедленно погоню за ними, которая очень скоро настигла ихъ на Медвѣжьемъ островѣ. Стрѣльцы осадили бѣглецовъ, и на другой день, 25-го іюня, смекнувъ, что имъ не устоять, казаки выдали Заруцкаго, Марину и Николая Мело, а сами цѣловали крестъ Михаилу Ѳедоровичу. Бывшая московская царица находилась опять, и на сей разъ, уже въ окончательномъ плѣну. Ей не было суждено возвратиться въ Польшу [1]).

Какова была послѣдняя судьба Марины съ достовѣрностью неизвѣстно. По русскимъ источникамъ, плѣнники были скованы, отправлены въ Астрахань, а оттуда въ Казань съ такимъ наказомъ, чтобы, въ случаѣ нападенія, ихъ «побили до смерти», а живыхъ никакъ бы не выдавали. Такъ ихъ довезли до Москвы, гдѣ Заруцкаго посадили на колъ, пятилѣтняго Ивашку умертвили, а Марину, всего вѣроятнѣе, держали въ заключеніи. Очень поучительны въ этомъ отношеніи наблюденія г. Синюхаева надъ Коломенской, кирпичной, многогранной башней, и предпринятыя имъ раскопки въ связи съ мѣстнымъ преданіемъ, по которому Марина умерла именно въ этой башнѣ «съ тоски по волѣ [2])».

Менѣе обоснованы и на первый взглядъ менѣе правдоподобны другіе разсказы. Такъ между польскими бернардинами сохранилось извѣстіе, что Марину утопили вмѣстѣ съ отцомъ Антоніемъ. Сынъ же ея, по словамъ Ростовскаго, сданный на попеченіе Сигизмунда III-го и Льва Сапѣги, былъ помѣщенъ въ виленскую іезуитскую коллегію, гдѣ и числился между хорошими учениками.

---

[1]) Акты историческіе, т. III, стр. 23.

[2]) Синюхаевъ, Башня Марины Мнишекъ (Русская Старина, сентябрь, 1903, стр. 635). — Пирлингъ. Замѣтка по поводу статьи: Башня Марины Мнишекъ (Русская Старина, ноябрь, 1903, стр. 272).

Испанскіе источники, исходящіе отъ кармелита Ивана-Ѳаддея, упоминаютъ также о гибели Марины, и утверждаютъ, кромѣ того, что Николай Мело и Варвара Казановская были сожжены живыми. Такое жестокое обращеніе приписывается ненависти къ католической вѣрѣ.

Подводя теперь итоги, надо признаться, что окончательный приговоръ надъ Мариной пока едва-ли можно сдѣлать. Въ ея жизни есть слишкомъ много темнаго и не разъясненнаго.

Въ общемъ выносится такое впечатлѣніе, что воспитаніе въ набожномъ Самборѣ наложило на Марину неизгладимую печать. Церковная обстановка была для нея необходима.

Съ религіозной идеей сочеталась мечта о царскомъ вѣнцѣ. Если и отбросить недоказанный анекдотъ о Краковѣ и Варшавѣ, то все-таки у Марины повсюду пробивается стремленіе къ защитѣ своего права на московскій престолъ.

Было-ли честолюбіе единственнымъ поводомъ ея брака съ самборскимъ Димитріемъ, это подлежитъ еще сомнѣнію. Вѣдь Андрій Бульба сумѣлъ же завоевать сердце Ковенской воеводзянки, и глубокій знатокъ русской души прекрасно описалъ весь процессъ такого сближенія. Исторія же часто развивается на романической подкладкѣ. Во всякомъ случаѣ, въ виду превратныхъ обстоятельствъ своей бурной жизни, Марина заслуживаетъ хоть нѣкотораго снисхожденія.

Николай Мело, «Гишпанскія земли» чернецъ [1]).

Невыясненная личность.—Упоминается въ португальской агіологіи.—Качество источниковъ.—Первые годы Николая Мело.—Дѣятельность въ Америкѣ.—Отъѣздъ въ Европу съ японцемъ Николаемъ.—Пребываніе въ Персіи.—Порученія Аббаса II.—Разладъ съ Ширлеемъ.—Въ Москвѣ, у Павла Читадинъ.—Ссылка въ Соловки.—Призваніе въ Москву.—Ссылка въ Борисоглѣбскій монастырь.—Переписка съ Юріемъ Мнишкомъ.—Казнь японца Николая.—Освобожденіе Николая Мело.—Сближеніе съ Мариною.—Пребываніе въ Астрахани.—Бѣгство.—Плѣненіе и смерть.—Двѣ записки.

Въ нѣкоторыхъ памятникахъ Смутнаго времени встрѣчается имя Николая Мело, католическаго монаха, прожившаго около четырнадцати лѣтъ въ Россіи и ведшаго переписку послѣ майскаго погрома 1606 года, съ сендомирскимъ воеводою Юріемъ Мнишкомъ. Діаментовскій приводитъ въ своемъ дневникѣ три изъ его посланій, но, къ сожалѣнію, только въ извлеченіи. Костомаровъ обратилъ на нихъ вниманіе, довольствуясь, однако-жъ, кое-какими выдержками изъ упомянутыхъ извлеченій. Никто еще, сколько мнѣ извѣстно, не позаботился выяснить личность Николая и познакомиться съ нею ближе. А съ критической точки зрѣнія, это вовсе не безразлично. Въ дошедшихъ до насъ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ есть, хотя и не многія, но за то цѣнныя данныя. Къ слову сказать, бывало и такъ, что письма Николая Мело приводились сплошь и рядомъ съ текстомъ Діаментовскаго,

[1]) Перепечатано изъ Русской Старины, 1902 г., май, стр. 303—312, съ измѣненіями и дополненіями.

безъ всякой оговорки и къ не малому ущербу научной точности [1]).

На Западѣ, въ Испаніи и Португаліи, укоренилось мнѣніе о Николаѣ, что онъ погибъ въ Астрахани мученическою смертью, исповѣдуя христіанскую вѣру; вслѣдствіе чего уже Кардозо внесъ его имя въ португальскую агіологію. Вообще, для его жизнеописанія, въ періодъ пребыванія въ Россіи, главнымъ источникомъ послужила его собственная переписка особенно съ Алексѣемъ Менезіемъ, бывшимъ тогда архіепископомъ въ Гоѣ, и письма кармелита Ивана-Ѳаддея, того самаго, который представлялся Димитрію въ Москвѣ, а потомъ миссіонерствовалъ въ Испагани.

Въ настоящее время мы не имѣемъ въ нашемъ распоряженіи этихъ прямыхъ свидѣтельствъ; мы должны почерпать извѣстія изъ вторыхъ и третьихъ рукъ [2]). Но, и такимъ путемъ, какъ оказывается, можно достичь нѣкоторыхъ новыхъ результатовъ.

Николай Мело былъ родомъ изъ Португаліи, по всей вѣроятности, изъ города Кавилхао [3]). Семейство его принадлежало къ высшей знати. Мѣстомъ его дѣятельности были испанскія владѣнія, а такъ какъ Испанія и Португалія были тогда соединены подъ властью единаго короля, то, несмотря на свое португальское происхожденіе, онъ слылъ повсюду за испанца. Еще юношей, въ Пуэблѣ, около 1578 года,

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просв., октябрь, 1901 г., стр. 513.

[2]) Изъ печатныхъ иноземныхъ источниковъ назову здѣсь: Pineyro, Relacion del successo que tuvo nostra santa fe en los reynos del fapon, Madrid, 1617, стр. 446—456.—Trigauet, De Christianis apud japonios triumphis, Monachii, 1623, стр. 288—292.—Antonio de Govea, Triumfo glorioso de tres Martyres espanoles, Madrid, 1623, стр. 1—30.—Gaspar de San Augustin, Conquistas de las islas Philipinas, Madrid, 1698, стр. 537 и слѣд.—Postrema saecula sex Religionis Augustinianae, Tolentini, 1859, т. II, стр. 346 и слѣд.

[3]) Фамилія Николая пишется различно. Самъ онъ подписывался Nicolas Melo.

вступилъ онъ въ орденъ отшельниковъ св. Августина, который былъ очень распространенъ во всей Америкѣ.

Пребываніе его въ Мексикѣ продолжалось не долго. И по истеченіи четырехъ лѣтъ въ 1582 году, онъ былъ переведенъ на Филиппинскіе острова, гдѣ, изучивъ мѣстныя нарѣчія, съ успѣхомъ занимался проповѣдываніемъ христіанской вѣры. Тамъ онъ пробылъ до самаго конца XVI столѣтія.

За это время, кромѣ сказаннаго, о немъ извѣстно, что онъ снискалъ всеобщее уваженіе, и, занимая отвѣтственныя должности, не чуждался литературныхъ занятій. Отъ него осталось одно или два житія [1]). По всему замѣтно, что онъ былъ человѣкъ образованный, преданный своему призванію, одушевленный высоконравственнымъ стремленіемъ.

Немаловажное порученіе, которое выпало на его долю, подтверждаетъ такое о немъ мнѣніе. Когда, согласно обычаю, пришлось посылать представителя къ орденскому начальству въ Европу, то выбранъ былъ Николай Мело, и на него возложили разнаго рода ходатайства при папской куріи и при испанскомъ дворѣ.

Николай пустился въ путь около 1599 года, въ сопровожденіи молодого японца, съ которымъ онъ былъ очень друженъ. Вся семья этого спутника переселилась изъ Японіи въ Манилью и обратилась въ христіанство при посредствѣ Мело, при чемъ одному изъ сыновей дали имя Николая въ честь и память его духовнаго отца. Новокрещенный юноша вскорѣ вступилъ въ орденъ св. Августина, что еще болѣе скрѣпило узы, связывавшія его съ своимъ просвѣтителемъ. Трудно было найти лучшаго спутника. Оба, отецъ Николай и братъ Николай, который въ отличіе отъ перваго называется обыкновенно Nikolaus a Sancto Augustino, поѣхали сперва въ Гою. Тамъ они свидѣлись съ мѣстнымъ архіепископомъ, знаменитымъ Алексѣемъ Менезіемъ, принадлежав-

[1]) Antonio, Biblioteca Hispana nova, Madrid, 1788, т. II, стр. 152.

шимъ также къ ихъ ордену и бывшимъ усерднымъ возвѣстителемъ христіанскаго ученія въ Индіи. Къ ихъ несчастію, готовыхъ къ отплытію кораблей не нашлось, и, не теряя времени, они рѣшились ѣхать сухимъ путемъ.

Сначала обстоятельства сложились благопріятно, особенно въ Персіи. Шахъ Аббасъ II принялъ ихъ очень милостиво, такъ что у нихъ зародились большія надежды относительно будущаго. Мело писалъ своему орденскому генералу, 24-го мая 1599-го года, что на востокѣ восходитъ свѣтило, которое порадуетъ все Христіанство[1]). Именно въ то время шахъ отправлялъ посольство въ Европу для заключенія союза противъ турокъ. Главными виновниками этого предпріятія были два англичанина, братья Антоній и Робертъ Ширлей. Счастливые проходимцы занимали высокое мѣсто при персидскомъ дворѣ. Антонія Ширлей Аббасъ поставилъ во главѣ отправляемаго посольства, а Николай Мело, во-время появившійся, былъ назначенъ комиссаромъ на равныхъ съ нимъ правахъ для представительства въ Римѣ и Мадридѣ. Эти распоряженія имѣли весьма печальныя послѣдствія.

Здѣсь источники расходятся. Антоній Ширлей и его приближенные вовсе не лестно отзываются объ отцѣ Николаѣ. Они приписываютъ ему неблаговидные поступки, и относятся къ нему съ крайнимъ недоброжелательствомъ[2]). Совсѣмъ иначе дѣло представляется испанскими писателями. Они обѣляютъ отца Николая и сваливаютъ всю вину на протестанта Ширлея, на его зависть, религіозную нетерпимость и неохоту раздѣлять своего представительства съ латинскимъ монахомъ. Онъ всячески притѣснялъ и огорчалъ своего спут-

[1]) Римъ, Biblioteca Angelica, Mss. Fondo Antico, 60.

[2]) Sir Anthony Sherley, his Relation of his Travels into Persia, London, 1613, стр. 129.—The three Brothers or the Travels and Adventures of sir Anthony, sir Robert, et sir Thomas Sherley, in Persia, Russia, Turkey, Spain, etc, London, 1825, стр. 98. Это послѣднее сочиненіе компилятивнаго характера и содержитъ также выдержки изъ George Manwaring, A true Discourse of sir Anthony Sherley's Travel into Persia.

ника, покушался даже, будто, на его жизнь, и, только благодаря случайности, отецъ Николай не погибъ въ волжскихъ водахъ. Какъ бы то ни было, но персидское посольство, въ 1600 году, добралось до Москвы.

Въ русской столицѣ Мело отказался отъ сожительства съ своими товарищами и поселился въ домѣ Павла Читадинъ. Это былъ медикъ, католикъ, родомъ изъ Милана, уже преклонныхъ лѣтъ. Еще въ 1595-мъ году Генрихъ IV обращался къ царю Ѳедору съ просьбой отпустить его во Францію, гдѣ у него были друзья и родственники [1]); но желаннаго разрѣшенія не послѣдовало. Читадинъ все еще оставался на мѣстѣ, и, пребывая у него, отецъ Николай не только совершалъ домашнее богослуженіе, но даже крестилъ новорожденную дѣвочку по римскому обряду.

Это дошло до свѣдѣнія Бориса Годунова. Предателемъ оказался Антоній Ширлей, а сообщниками его были англійскіе купцы, на происки которыхъ жаловался еще Поссевино при Иванѣ Грозномъ. Вслѣдъ за доносомъ произведено было слѣдствіе. Въ старой Москвѣ существовало своего рода третье отдѣленіе; были и жандармы, хотя и не въ синихъ мундирахъ. У отца Николая сдѣлали обыскъ, при чемъ нашли грамоты шаха Аббаса, посланія къ папѣ и къ испанскому королю. Все это показалось крайне подозрительнымъ, и, безъ дальнѣйшихъ разъясненій, нисколько не заботясь о международномъ правѣ, Борисъ Годуновъ сослалъ мнимаго преступника въ Соловецкій монастырь. Такъ повѣствуютъ испанскіе источники, совершенно замалчивая разсказъ, который встрѣчается у Манверинга, приверженца и спутника Ширлея. По его словамъ, между монахомъ и посломъ, въ присутствіи русскихъ, разыгралась безобразная сцена. Отецъ Николай выдалъ Антонія Ширлея за шпіона и человѣка низкаго происхожденія, а Ширлей, въ порывѣ негодованія, нанесъ Нико-

[1]) Richter, Geschichte der Medicin in Russland, т. I, стр. 322, 438.

лаю ударъ въ лицо [1]). Какимъ образомъ дѣло дошло до ссылки, однако, не объясняется.

Шесть цѣлыхъ лѣтъ оба Николая провели въ Соловкахъ. Память объ ихъ пребываніи тамъ сохранилась въ грамотѣ 1600 года «о присылкѣ въ монастырь подъ началъ Гишпанскія земли чернца Николая съ человѣкомъ его [2])».

Можно себѣ представить, какъ мучились и томились въ суровомъ сѣверномъ климатѣ непривычные къ нему иностранцы. Но пока они тамъ бѣдствовали, о нихъ шли переговоры въ Краковѣ. Неизвѣстно какими путями свѣдѣнія о невзгодахъ отца Мело дошли до Рима, но папская курія заинтересовалась его участью. Въ 1604 году, краковскій нунцій Рангони обратился къ польскому правительству съ просьбою вступиться за невиннаго страдальца и выручить его изъ плѣненія. Поляки отнеслись доброжелательно къ дѣлу и дали ему канцелярскій ходъ, что, конечно, не обѣщало быстраго успѣха [3]).

Между тѣмъ Климентъ VIII пытался достичь своей цѣли еще другимъ путемъ. Онъ поручилъ кармелитамъ, ѣхавшимъ въ Персію чрезъ Россію, замолвить доброе слово въ пользу изгнанника. Какъ извѣстно, кармелиты не могли проникнуть въ Москву при Годуновѣ и явились туда только при названномъ Димитріи. Съ новымъ царемъ дѣло уладилось немедленно. Николай Мело былъ вызванъ обратно въ Москву; ему ставилась на видъ поѣздка въ Испанію съ важными предложеніями для короля и обѣщалось милостивое содѣйствіе.

Но злой рокъ преслѣдовалъ несчастнаго монаха. Пока онъ спѣшилъ въ столицу, въ Кремлѣ совершился кровавый переворотъ 27-го мая 1606 года. По своемъ пріѣздѣ онъ нашелъ на престолѣ уже не предпріимчиваго Димитрія, а

[1]) The three Brothers, стр. 102

[2]) Казань, Духовная Академія, Соловецкій Сборникъ, № 18, грамота № 98, л. 7. Самой грамоты въ Сборникѣ нѣтъ. Сообщеніе С. Θ. Платонова.

[3]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, III. 90, b., л. 266 v., 279.

Василія Шуйскаго, который вовсе не задавался мыслью объ испанскомъ посольствѣ. Пришлось вступить съ нимъ въ переговоры и объясниться насчетъ прошлаго. Посредниками и переводчиками явились опять-таки неизбѣжные англичане. Ихъ коварству отецъ Николай приписываетъ новый печальный исходъ своего дѣла: его опять удалили изъ Москвы и, вмѣстѣ съ товарищемъ, сослали въ Борисоглѣбскій монастырь, основанный еще въ 1363 году близъ Ростова, при рѣкѣ Устьѣ.

Пребываніе въ монастырѣ было не что иное, какъ тюремное заключеніе, да къ тому же очень тяжкое, особенно для брата Николая. Его назойливо преслѣдовали и старались переманить въ православіе. Такимъ притѣсненіямъ отецъ Николай почему-то не подвергался, въ чемъ онъ самъ сознается. Оба страдали отъ всякаго рода лишеній, не рѣдко голодали и содержались вообще довольно строго. Однако-жъ, съ теченіемъ времени наступило, кажется, нѣкоторое послабленіе. Сохранилось извѣстіе, что латинскій чернецъ былъ друженъ съ затворникомъ того же монастыря Иринархомъ[1]).Этотъ бывшій земледѣлецъ Ростовской области, деревни Кондаково, причисленный впослѣдствіи къ лику мѣстно чтимыхъ святыхъ восточной церкви, былъ тогда въ большомъ почетѣ, сносился съ Василіемъ Шуйскимъ, принималъ однажды у себя Димитрія Пожарскаго, благословилъ его крестомъ и получилъ отъ него льготу для своего монастыря. Такая обстановка отчасти объясняетъ обиліе извѣстій, которое поражаетъ въ дошедшей до насъ отрывочной перепискѣ отца Николая съ Юріемъ Мнишкомъ. Очевидно, онъ передаетъ ходячіе монастырскіе слухи, хотя однажды ему удалось даже самому сойтись съ постороннею личностью. Во всякомъ случаѣ, письма эти заслуживаютъ полнаго вниманія и даютъ кое-какія разъясненія.

Поводомъ къ перепискѣ послужило, вѣроятно, сосѣдство

---

[1]) Сообщеніе А. А. Титова по мѣстнымъ источникамъ.—Амфилохій. Жизнь преподобнаго Иринарха Затворника.

польскихъ пановъ, сосланныхъ 14-го августа 1606 года въ Ростовъ. Отъ нихъ можно было узнать окольными путями о пребыванiи Мнишка въ Ярославлѣ, объ его надеждѣ возвратиться въ Польшу. Заманчиво было вступить въ сношенія съ нимъ, обмѣняться мыслями. Какъ Мело взялся за это дѣло, догадаться трудно. Несомнѣнно, однако-жъ, что, вопреки строгому надзору и строжайшимъ запрещеніямъ, три изъ его посланій дошли благополучно до Мнишка. Кромѣ того, онъ какъ-то ухитрился сблизиться съ Андреемъ Стадницкимъ, однимъ изъ ростовскихъ плѣнниковъ.

Первое посланіе отца Николая пришло въ Ярославль, 12-го іюля 1607 года [1]). Оно было написано на французскомъ языкѣ. Въ немъ забытый узникъ разсказывалъ всю свою жизнь: пребываніе въ Америкѣ и московскія превратности, и свидѣтельствовалъ о своей непоколебимой преданности римской церкви. Ближайшая цѣль его посланія была просьба о ходатайствѣ въ Римѣ и Мадридѣ. Предвидя или только соображая, что польскому сенатору будетъ легче вырваться изъ русскаго плѣненія, онъ умолялъ пана Мнишка, въ случаѣ освобожденія, вступиться за него и напомнить папѣ и испанскому королю о долголѣтнемъ его заключеніи и печальной судьбѣ. Въ томъ же пакетѣ находилось письмо Андрея Стадницкаго съ извѣстіями о польскихъ неустройствахъ.

Совсѣмъ другого рода и съ исторической точки зрѣнія гораздо важнѣе второе посланіе отца Николая на испанскомъ языкѣ, полученное въ Ярославлѣ 25-го октября того же 1607 года [2]). Здѣсь онъ мало что сообщаетъ о себѣ и, упомянувъ вскользь объ Андреѣ Стадницкомъ, распространяется о текущихъ событіяхъ. По свидѣтельству Діаментовскаго,

[1]) Діаментовскій (Hirschberg, Polska a Moskwa) стр. 103.—Есть извѣстіе, что Мело былъ также въ перепискѣ съ отрядомъ Лиссовскаго.—Въ Борисоглѣбскомъ обиходникѣ подъ 115 годомъ (1607) существуетъ запись, что «Латынянинъ Николай, попъ, усланъ въ пустынь Спасскую», приписанную къ тому же Борисоглѣбскому монастырю.—Ивановскій, Село Веска, стр. 30.

[2]) Діаментовскій, стр. 112.

борисоглѣбскіе чернецы были гораздо лучше освѣдомлены, чѣмъ ярославскіе узники, а Мело самъ признается, что, несмотря на препятствія, онъ узнавалъ все, что происходило въ Москвѣ. И вотъ какъ онъ описываетъ тамошнее состояніе умовъ въ маѣ мѣсяцѣ 1607 года.

Вслѣдствіе постоянныхъ успѣховъ Ивана Болотникова и пораженія царскихъ войскъ, знатнѣйшіе изъ бояръ—ихъ насчитывается десятеро—обратились къ Василію Шуйскому и убѣждали его постричься въ монахи, предоставивъ престолъ тому, кто имѣетъ на него право. А сдѣлать такое предложеніе, говорили бояре, они рѣшились потому, что другого исхода не было. Повсюду кровопролитіе и неукротимое возстаніе на царя: кто явно ведетъ войну противъ него, кто тайно подготовляетъ измѣну, кто перебѣгаетъ на сторону непріятеля: да и самые царскіе сторонники только ради страха пребываютъ въ вѣрности, чтобъ дѣтей не погубить и самимъ не пропасть. Понятно, что такія рѣчи раздражили Шуйскаго. Онъ засадилъ въ темницу слишкомъ смѣлыхъ бояръ и отобралъ ихъ имущество въ свою казну.

Загадочное сообщеніе! Конечно, всѣ подробности не выдерживаютъ провѣрки; но не странно ли, что событія 1610 года излагаются съ удивительною точностью ровно три года раньше? И не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что враждебное настроеніе противъ Шуйскаго созрѣвало долго въ боярскомъ кругу, что его насильственное постриженіе и заточеніе въ Чудовъ монастырь было намѣчено давно и имѣлось въ виду съ самаго начала его правленія?

Далѣе отецъ Николай разсказываетъ, что, разославъ повсюду патріаршія грамоты съ угрозами и анаѳемами, Шуйскій собралъ значительное войско и, выступивъ съ нимъ 14-го (по другимъ источникамъ, 21-го), мая изъ Москвы, торжественно клялся въ Серпуховѣ, что вернется только побѣдителемъ. Между тѣмъ Болотниковъ, выручениый изъ Калуги княземъ Телятевскимъ, перешелъ въ Тулу, соединился тамъ съ

самозваннымъ царевичемъ Петромъ Өедоровичемъ и счастливо отбивалъ приступы царскихъ сторонниковъ. На этихъ военныхъ успѣхахъ обрывается разсказъ. Скораго паденія Тулы Мело не предвидѣлъ и, быть можетъ, мечталъ о совсѣмъ другой развязкѣ.

Дѣло въ томъ, что, въ теченіе октября мѣсяца, онъ имѣлъ ночное таинственное свиданіе съ какимъ-то московскимъ бояриномъ, «большимъ пріятелемъ воеводы князя Өедора»,—какого именно Өедора, Мстиславскаго или другого, къ сожалѣнію, умалчивается. Этотъ бояринъ подѣлился съ нимъ такими новостями: «вотъ осьмнадцатый день, говорилъ скрытый, вѣроятно, сторонникъ самозванца, что я покинулъ Путивль. Тамъ живетъ царь Димитрій, окруженный войскомъ тысячъ въ девять. Онъ писалъ Шуйскому, что могъ бы добыть престолъ оружіемъ, но, будучи наслѣдственнымъ государемъ, чуждается насилія и потому совѣтуетъ не вызывать его на борьбу, а сдаться на его милосердіе. Съ этимъ письмомъ посланецъ Димитрія отправился сперва въ Тулу, а потомъ въ Москву, гдѣ 4-го октября, въ присутствіи бояръ и войска, справилъ свое посольство и, получивъ отвѣтъ, возвратился въ Путивль. За тѣмъ послѣдовали переговоры и стали воздерживаться отъ взаимныхъ нападеній».

Если отецъ Николай соблазнился этими новостями, то ему вскорѣ пришлось разочароваться. Въ посланіи, доставленномъ въ Ярославль 7-го февраля 1608 года [1]), онъ передаетъ, что Тула взята, Петрушка повѣшенъ, Болотниковъ въ оковахъ; удивляется, что, при всеобщемъ разстройствѣ, Шуйскому хватило духу на женитьбу; жалуется на свою горькую участь,— подчасъ два, три дня проводитъ безъ пищи,—наконецъ возобновляетъ просьбу о доброй памяти въ случаѣ избавленія.

Всматриваясь ближе въ эту переписку, можно сказать,

[1]) Діаментовскій, стр. 123, Afferetur въ приведенномъ здѣсь евангельскомъ текстѣ—безсмыслица. Слѣдуетъ читать auferetur.

что Мело добросовѣстно отмѣчалъ все, чтó слышалъ, и безъ дальнѣйшаго разсчета слышанное передавалъ Юрію Мнишку. Въ этой безусловной откровенности и состоитъ главное достоинство его посланій. По всей вѣроятности, онъ самъ ничего не сочинялъ, а приводимые имъ слухи были дѣйствительно въ ходу. Въ монастырской кельѣ врядъ-ли удалось бы иностранцу выдумывать отчасти совершенно вѣрныя свѣдѣнія. Сличеніе съ другими источниками свидѣтельствуетъ также въ пользу отца Николая. Во второмъ его посланіи есть само по себѣ не важное извѣстіе, которое указываетъ на точность въ подробностяхъ. Говорится тамъ, что при выступленіи изъ Москвы Василій Шуйскій посадилъ въ тюрьму двухъ медиковъ, Давида и Кристофа. И дѣйствительно, въ русской столицѣ находились тогда медики Давидъ Вазмеръ изъ Любека и венгерецъ Кристофъ Ристленгеръ. Ихъ имена вѣрно упоминались въ Борисоглѣбской обители.

Переписка съ сендомирскимъ воеводою имѣла для монастырскаго узника важныя, но лишь отдаленныя послѣдствія. Участь его покуда не измѣнилась. Ему прислали, по крайней мѣрѣ, однажды отвѣтъ и денежную помощь. Мнишекъ писалъ о немъ Сигизмунду III въ прочувствованныхъ выраженіяхъ и докладывалъ, что онъ имѣетъ тайныя порученія, которыя, не дай Богъ, чтобы погибли вмѣстѣ съ нимъ въ Россіи. Повторилъ ли онъ изустно въ Варшавѣ то, что писалъ изъ Ярославля, и какъ на это откликнулся польскій король, остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, выручка пришла не съ этой стороны.

Въ 1611 году, 30-го ноября, случилось происшествіе, которое сильно потрясло и опечалило отца Мело. Выше уже было упомянуто, что брату Николаю навязывали переходъ въ православіе. Впослѣдствіи стали докучать и самому отцу Николаю. Иноземные источники утверждаютъ даже, что ему обѣщали архіерейство въ случаѣ согласія. Отъ словъ перешли къ дѣйствіямъ: начались притѣсненія, преслѣдованія и даже

всякаго рода мученія. Съ особою жестокостью обрушились на брата Николая. Его разлучили съ отцемъ Николаемъ, увѣряли, что послѣдній уже принялъ православіе, подвергли истязаніямъ и, наконецъ, грозили лютою смертью. Молодой японецъ оставался непоколебимымъ въ страданіяхъ, имѣлъ случай свидѣться съ отцомъ Николаемъ, убѣдился, что онъ не измѣнилъ своей вѣры, и вскорѣ передъ глазами своего спутника былъ безпощадно казненъ. Та же участь ожидала Мело, но ради поляковъ и по ихъ просьбѣ его избавили отъ смерти. Таковъ разсказъ иноземныхъ писателей. Надо признаться, что онъ теменъ, сбивчивъ и не поддается удовлетворительной критикѣ.

Другой фактъ представляется въ условіяхъ большей достовѣрности, хотя въ подробностяхъ его также нельзя прослѣдить. По смерти дорогого товарища, Мело еще нѣкоторое время томился въ заключеніи, но уже не въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, а въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ и былъ передъ тѣмъ замученъ его спутникъ. Только около 1612 года наступила давно желанная минута избавленія. Виновницею этого событія является бывшая царица Марина. Что вызвало ея заступничество, остается для насъ тайною. Можетъ быть, самъ отецъ Мело обратился къ ней съ просьбою; можетъ быть, проѣздомъ черезъ Нижній, она со стороны узнала о плѣнномъ монахѣ и вспомнила объ его перепискѣ съ сендомирскимъ воеводою.

Какъ бы то ни было, но, по настоянію Марины, атаманъ Заруцкій взялся за дѣло, и успѣшно его выполнилъ. Отца Николая освободили; онъ пріѣхалъ къ Маринѣ и вмѣстѣ съ ней перекочевалъ въ Астрахань.

Новая обстановка ему, кажется, понравилась. Посреди казацкаго войска образовался маленькій католическій очагъ. Ихъ было тамъ трое монаховъ: кромѣ отца Николая, при Маринѣ постоянно находился ея исповѣдникъ, бернардинъ Антоній изъ Люблина, да еще случайно присоединился къ

нимъ кармелитъ Иванъ-Өаддей, котораго шахъ Аббасъ посылалъ къ Сигизмунду III въ Польшу, но который былъ задержанъ въ Астрахани [1]). Марина не мало обрадовалась присутствію такихъ гостей; они были для нея желанными утѣшителями. Она завела у себя домовую церковь, посвященную Богородицѣ, гдѣ, въ день св. Августина 1613 года, отецъ Николай впервые отслужилъ литургію. То же радушіе, кромѣ Марины, оказывала и ея родственница, Варвара Казановская, которая даже примкнула къ августинскому ордену.

Это относительно счастливое время продолжалось не долго. Извѣстно, въ какомъ безвыходномъ положеніи очутилась вскорѣ Марина. Она поняла, что Россія передъ нею закрывается навсегда, и стала думать о переселеніи въ Персію. На эту мысль ее навели, пожалуй, побывавшіе при испаганскомъ дворѣ монахи. Прежде всего, она рѣшила отправить посланца къ шаху Аббасу, чтобы сговориться съ нимъ. Выборъ ея колебался между отцомъ Николаемъ и Иваномъ-Өаддеемъ, и остановился, наконецъ, на послѣднемъ, который вскорѣ и уѣхалъ въ Персію.

Между тѣмъ въ Астрахани обстоятельства сложились такъ грозно, что Марина принуждена была покинуть городъ и спасаться бѣгствомъ. Она направилась съ Заруцкимъ на Яикъ. Только немногіе согласились ее сопровождать. Какъ извѣстно, бѣглецы были настигнуты на Медвѣжьемъ островѣ. Окруженные царскими войсками, казаки защищались не долго и выдали Заруцкаго, Марину и Николая Мело. Это извѣстіе, заимствованное отчасти у иностранныхъ писателей, подтверждается отпискою 11-го іюля 1614 года астраханскихъ воеводъ князя Одоевскаго и Головина къ казанскимъ воеводамъ, князю Воротынскому и Ушатову, гдѣ упоминается, какъ

[1]) Krusinski, De legationibus Polono-Persicis dissertatio (въ сочиненіи Prodromus ad tragicam vertentis belli Persici historiam, Leopoli, 1733) стр. 247.

спутникъ Марины, плѣненный вмѣстѣ съ ней, «чернецъ Миколай» [1]).

Что случилось затѣмъ и какая участь постигла Мело, трудно установить съ должною точностью. Иноземная версія сводится къ тому, что Марина была умерщвлена, отцу же Николаю и Варварѣ Казановской предлагали сперва перейти въ православіе; потомъ, въ виду ихъ рѣшительнаго отказа, ихъ стали немилосердно мучить и, наконецъ, живыхъ сожгли на кострѣ. Источникомъ для этой версіи послужило, вѣроятно, письмо кармелита Ивана-Ѳеддея, бывшаго тогда въ Испагани и слѣдившаго за астраханскими событіями. Вообще необходимо замѣтить, что иноземные писатели придаютъ своему изложенію исключительно религіозную окраску. О свирѣпствовавшей тогда національной борьбѣ и ея проявленіяхъ они имѣютъ лишь очень поверхностное понятіе.

Что же касается до русскихъ извѣстій объ отцѣ Николаѣ, то они скудны и разнорѣчивы. Не знаю, на какомъ основаніи г. Лѣствицынъ утверждаетъ, что Мело «по ходатайству сына индѣйскаго раджи, пріѣхавшаго съ нимъ въ Россію и остававшагося въ Москвѣ, былъ освобожденъ потомъ Шуйскимъ изъ заточенія и возвращенъ въ Москву, но тамъ вскорѣ умеръ и погребенъ, а бывшій его спутникъ выѣхалъ въ Польшу [2])». По испанскимъ памятникамъ, кромѣ брата Николая, другого спутника не было, да и тотъ погибъ въ Россіи еще прежде своего духовнаго отца.

Самъ Николой Мело оставилъ, кромѣ упомянутыхъ выше Житій Святыхъ, послѣ себя двѣ записки: одну—о своей личной миссіонерской дѣятельности; другую—о казни упомянутаго спутника своего [3]). Но были-ли онѣ когда-либо на-

---

[1]) Акты историческіе, т. III, стр. 33, № 33.

[2]) Сапѣга въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, стр. 10, примѣчаніе.

[3]) D. B. Machado, Bibliotheca Lusitana, т. III, стр. 495.—Ossinger, Bibliotheca Augustiniana, стр. 579.

печатаны, этого библіографы положительно не высказываютъ. Очень можетъ быть, что онѣ хранятся въ рукописи, хотя предпринятыя въ Римѣ и Мадридѣ поиски ихъ до сихъ поръ еще не обнаружили. Для полнаго освѣщенія этого эпизода Смутнаго времени желательно было бы найти переписку отца Николая съ Алексѣемъ Менезіемъ, своими собратьями и кармелитами. Но это, пожалуй, только pium desiderium.

Альберто Вимина [1]).

Сношенія Венеціи съ Украйною и Москвою. 1650—1663.

I. Микеле Біанки мѣняетъ свое имя на Альберто Вимина.—Пребываніе въ Польшѣ.—На венеціанской службѣ.—Поѣздка въ Украйну.—Переговоры съ Хмельницкимъ.—Казацкія условія.—Указаніе на татаръ.—Отзывъ о Хмельницкомъ.—Надежда на союзъ съ запорожцами.—Гетманъ данникъ султана.—Венеція прекращаетъ сношенія съ запорожцами.

II. Вимина въ Швеціи.—Венеція обращается къ Донскимъ казакамъ.—Вимина отправляется въ Московію.—Переговоры въ Смоленскѣ.—«Допрашиванія» Перфильева.—Отзывъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.—Чемодановъ въ Венеціи.—Посольство Желябужскаго.—Записки Вимины.

Въ научной литературѣ труды Альберта Вимины пользуются нѣкоторою извѣстностью. Гораздо менѣе вниманія обращалось на его личную, политическую дѣятельность. Знаютъ, что онъ посѣтилъ Московію, хотя и не доѣхалъ до Кремля; но до сихъ поръ никто еще ни словомъ не обмолвился объ его переговорахъ съ Богданомъ Хмельницкимъ. А это едва ли не самая интересная страничка въ его жизни, ярко освѣщающая неутомимую предпріимчивость Синьоріи и двуличіе казацкаго гетмана. Относящіяся до этого свѣдѣнія хранятся въ богатѣйшемъ Венеціанскомъ архивѣ, откуда и были мною почерпнуты.

---

[1]) Перепечатано изъ Русской Старины, 1902 г., январь, стр. 57-70 и дополнено.

I.

Около половины XVII-го столѣтія нѣкто Микеле Біанки, поселившись въ Римѣ, велъ тамъ свою скромную жизнь [1]). Былъ онъ родомъ венеціанецъ и происходилъ изъ почтеннаго Беллунскаго семейства. Одинъ изъ его братьевъ состоялъ протоіереемъ въ Тарзо, а другой, покинувъ канцелярскую службу, жилъ безбѣдно съ женою и дѣтьми въ Ченедѣ. Самъ Микеле, передъ отъѣздомъ въ Римъ, исправлялъ должность приходскаго священника въ Болзано. Невыясненное еще происшествіе вывело его изъ обычной колеи, принудивъ его даже измѣнить свое имя: онъ сталъ называться Альберто Вимина, и это прозвище осталось ему навсегда. По этому поводу нельзя, кажется, взводить на него позорныхъ упрековъ. Онъ откровенно сознается въ ошибкѣ, но открещивается отъ вины и ссылается, для своего оправданія, на епископа Ченеды, Пизани, и на близкаго себѣ доктора Санфіоре. При всемъ томъ, дѣло было однако-жъ довольно важное, ибо венеціанскій посолъ въ Римѣ, Фоскарини, тайно увѣдомилъ Вимину, что его жизнь въ опасности, и совѣтовалъ удалиться [2]). Несчастный повиновался безпрекословно: уѣхалъ сперва въ Неаполь, а оттуда отправился въ Вѣну и, наконецъ, въ Варшаву, гдѣ немедленно пристроился къ папской нунціатурѣ.

Появленіе его въ Польшѣ должно отнести приблизительно къ 1648-му году. Въ томъ же году скончался Владиславъ IV. Наступило пресловутое «bezkrolewie». Оба брата усопшаго короля выступили кандидатами на тронъ. Сеймъ выбралъ Яна II Казиміра. Бывшій іезуитъ, бывшій кардиналъ, отрѣ-

---

[1]) Для настоящаго очерка послужили: Pellegrini, Michele Bianchi, Studi Bellunesi, 1897, № 9); A. Buzzati, Bibliografia Bellunese, стр. 75. Ciampi, Bibliografia critica, т. III, с. 124. Многія свѣдѣнія были мнѣ доставлены G. C. Buzzati, которому и приношу должную благодарность.

[2]) Венеція, Государственный архивъ, Dispacci Germania, 98, f. 105, Vimina a Sagredo, 1650, 19 marzo.

шенный отъ своихъ обѣтовъ, новый король женился на вдовѣ своего брата, Маріи Гонзага, и придворная жизнь закипѣла попрежнему. Немного лѣтъ передъ тѣмъ, при своемъ прибытіи въ Варшаву, прямо изъ Парижа, королева привезла съ собою цѣлый штатъ очаровательныхъ женщинъ. И безъ того не скучный за́мокъ оживился еще болѣе и повеселѣлъ. Отчаянно храбрые въ битвахъ, поляки легче поддавались обаянію безоружной красоты. Между тѣмъ вдали уже слышалось зловѣщее бряцаніе казацкихъ сабель, Украйна волновалась, а Петръ Скарга еще гораздо раньше пророчилъ неизбѣжный раздѣлъ Польши.

По своему положенію Вимина имѣлъ доступъ въ высшее общество; но онъ не погрузился въ водоворотъ свѣтскихъ интригъ и пустыхъ забавъ. Талантливый, неутомимо дѣятельный, во цвѣтѣ лѣтъ [1]), любящій науку, имѣя бойкое перо, онъ сталъ всматриваться въ общественные порядки и писать свою исторію польскихъ междоусобныхъ войнъ. Она была напечатана только послѣ его смерти, но вѣроятно вращалась уже прежде въ отборномъ кругу. Положительно извѣстно, что Вимина читывалъ выдержки своего труда Оссолинскому, Онѣ такъ понравились послѣднему, что при появленіи направленной противъ него полемической брошюры польскій канцлеръ тайно обратился къ итальянскому историку для отвѣта и защиты, что и было немедленно и успѣшно выполнено [2]).

---

[1]) Вимина родился 1-го марта 1603 года, какъ значится въ Registro dei nati соборной церкви въ Беллуно.

[2]) Kochowski, Annalium Poloniae... Climacter primus, стр. 166.— Венеція, Государственный архивъ, Dispacci Germania, 98, f. 239, Vimina a Sagredo, 1650, 29 aprile.—Въ предисловіи къ сочиненіямъ Вимины говорится, что онъ писалъ также драмы для вѣнскаго театра. До насъ дошла и имѣется въ Славянской библіотекѣ въ Брюсселѣ его переводная пьеса: Wett Streit. Ein.. zu Wien... vorgestelltes. Schawspiel. Aus dem Jtaliänischen gedeutschet... Dem... Marggraffen von Castell-Rodrigo... Zu Ehren geschrieben und dedicirt worden von Alberto Vimina. Wienn, 1652.

Вступленіе Вимины на венеціанскую службу произошло при слѣдующей обстановкѣ [1]). Въ ожесточенной борьбѣ съ Турціею, кончившейся впослѣдствіи геройскимъ паденіемъ Кандіи. Синьорія искала повсюду союзниковъ. Дошла до нея молва о «генералѣ Хмельницкомъ»; опустошительные набѣги «господъ казаковъ» до самыхъ стѣнъ Константинополя были ей давно извѣстны. И вотъ въ сенатѣ назрѣла мысль сблизиться съ этими отважными наѣздниками и направить ихъ на ненавистнаго врага. Первая попытка какъ-то не удалась. Дѣло сложилось гораздо благополучнѣе въ 1650 году.

Взялся за него венеціанскій посолъ въ Вѣнѣ, Николо Сагредо, и вступилъ въ сношенія съ папскимъ нунціемъ въ Польшѣ, Джіованни Торресъ. Начали издалека, сперва хлопоча только о томъ, какъ бы получить достовѣрныя свѣдѣнія объ Украйнѣ, пославъ туда ловкаго нарочнаго. Вполнѣ сочувствуя этой мѣрѣ, Торресъ однако-жъ сознался, что на поляковъ полагаться нельзя, рекомендовалъ Вимину, какъ человѣка способнаго, надежнаго, искренно преданнаго своему отечеству. Съ своей стороны и Вимина охотно вызывался на исполненіе какихъ-либо порученій въ самыхъ отдаленныхъ странахъ и увѣрялъ, что за его усердіемъ дѣло не станетъ.

26-го марта послѣдовало офиціальное рѣшеніе сената, одобряющее посылку Вимины въ Украйну. Сагредо составилъ инструкцію, написалъ письмо къ Хмельницкому и выдалъ 600 талеровъ. На эти средства Вимина обзавелся коляской, лошадьми, возницей, съѣстными припасами и поторопился выѣхать.

Между тѣмъ, въ теченіе апрѣля мѣсяца, нунцій Торресъ счелъ нужнымъ увѣдомить короля и канцлера о поѣздкѣ своего гостя. Дѣло было деликатное: казацкій вопросъ послѣ

---

[1]) Всѣ подробности о поѣздкѣ Вимины въ Украйну находятся въ Венеціи въ Государственномъ архивѣ: Dispacci Germania 97, 98, 99; Dispacci Polonia, 6, ann. 1650—1652; Senato Deliberazioni. Corti. ann. 1650.

Зборовскаго договора превратился въ сущую злобу дня. Хотя поляки сами и желали отвлечь своихъ грозныхъ подданныхъ къ Черному морю и даже далѣе, но заискиваніе со стороны Венеціи могло вскружить голову Хмельницкому, который и безъ того своевольничалъ и держалъ себя гордо. Однако-жъ, ни король, ни канцлеръ не сдѣлали никакихъ возраженій. Оба согласились, совѣтуя только измѣнить одѣяніе и не выступать католическимъ священникомъ. Вимина все-таки изрядно перепугался. Ничего добраго не ожидая отъ такого сообщенія, онъ особенно недоумѣвалъ насчетъ Оссолинскаго и остался при убѣжденіи, что канцлеръ ему противодѣйствовалъ. Первымъ слѣдствіемъ этихъ переговоровъ была отсрочка отъѣзда; только въ началѣ мая Вимина пустился въ путь черезъ Львовъ.

Счастіе ему повезло. Никакихъ задержекъ не было. На казацкой границѣ онъ выдалъ себя за венеціанскаго посланца, и всѣ подумали, что ѣдетъ онъ съ порученіями о турецкихъ дѣлахъ. Повсюду его ласково привѣтствовали, и только въ одной мѣстности ему надѣлали грубостей, за которыя виновные были потомъ жестоко наказаны.

Та же предупредительность проявилась и у Хмельницкаго, въ Чигиринѣ. Окруженный полковниками и старшинами, гетманъ принялъ посланца, если не торжественно, то внушительно, съ полнымъ сознаніемъ своей силы. По казацкому обычаю, немедленно подали горѣлку, стали пить и разсуждать. Вимина представилъ вѣрительную итальянскую грамоту въ латинскомъ переводѣ. Это произведеніе Сагредо изобиловало лестными выраженіями. Цѣлуя заочно руку «его превосходительства», посолъ щедро расточалъ всевозможныя похвалы, говорилъ о недосягаемой доблести, о всемірной славѣ и особенно объ упованіи и надеждахъ всего христіанства: Хмельницкому видимо предлагалась роль какого-то искупителя съ обѣщаніемъ искренней благодарности.

Завязались переговоры. Главною цѣлью Вимины было устроить походъ противъ турокъ или, по крайней мѣрѣ, на-

бѣгъ запорожцевъ, и, если возможно, втянуть въ то же дѣло крымскихъ татаръ. Для побужденія Хмельницкаго на этотъ подвигъ, слѣдовало, по указанію инструкціи, распространиться о слабости Турція, подвластной малолѣтнему султану да еще погруженной въ междоусобицы, а также о военныхъ успѣхахъ венеціанцевъ, которые цѣлые двадцать два мѣсяца держали Дарданеллы въ своихъ рукахъ. Такимъ образомъ, Оттоманская имперія представлялась, какъ легкая добыча, которая пала бы на долю казачества; а это стяжало бы побѣдителю полумѣсяца безсмертное имя въ памяти христіанскихъ народовъ. Насчетъ денежныхъ пособій соблюдалась большая сдержанность: Вимина долженъ былъ ограничиться неопредѣленными, общими намеками... Наконецъ, ему предписывалось подробно освѣдомиться о планахъ и намѣреніяхъ казаковъ, объ ихъ отношеніяхъ къ полякамъ и татарамъ, къ Молдавіи и Валахіи.

Удостоившись двухъ аудіенцій, Вимина имѣлъ возможность изъяснить всѣ свои соображенія. Онъ даже проговорился, откровенно сознавшись, что Польша находится въ плачевномъ состояніи: безъ денегъ и безъ войска. Словоохотливый Хмельницкій не остался у него въ долгу: онъ просто закидалъ своего собесѣдника разными рѣчами. Въ сущности онѣ сводились къ тому, что казаки смертельно ненавидятъ басурмана и всегда готовы бороться за вѣру и правду,—надо только условиться и сговориться. Трудно было при этомъ обойтись безъ жалобы на поляковъ: Хмельницкій обратился къ прошлому, къ своимъ воспоминаніямъ, къ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ Варшавы. Къ покойному королю онъ относился съ большимъ почтеніемъ. Когда-то Владиславъ выдалъ 18.000 флориновъ на турецкій походъ, запорожцы встрепетнулись, нарубили чаекъ, которыя такъ и стоятъ себѣ на Днѣпрѣ, потому что паны побоялись войны и затормозили предпріятіе [1]). Всѣ эти польскіе магнаты были гетману бѣль-

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, 2-ое изд., т. II, ст. 1560.

момъ на глазу, и онъ относился къ нимъ съ крайнею подозрительностью. Къ тому же условія Зборовскаго мира еще не были выполнены, пожалуй, также по ихъ винѣ. Несмотря на эти выходки, и ни словомъ не намекая на слабость Польши, Хмельницкій обѣщалъ посовѣтоваться съ радой и устроить все къ лучшему.

Дѣйствительно, венеціанскія предложенія обсуждались въ казацкомъ кругу, и отвѣтъ былъ таковъ: воевать съ турками можно, только для этого требуется соизволеніе польскаго короля и содѣйствіе татаръ. Намеки на эти условія Хмельницкій дѣлалъ еще прежде; теперь же онъ ихъ намѣренно подчеркивалъ, предоставляя венеціанцамъ заботу о ходатайствахъ: пусть-де сговорятся съ Ордою и съ Польшею, а потомъ казаки уже сами сумѣютъ расправиться съ басурманомъ.

Всеобщее возбужденіе противъ турокъ придавало этимъ словамъ особое значеніе. Турецкая война казалась у всѣхъ завѣтною, задушевною мечтою. Вимина всего чаще сходился съ гетманскимъ «секретаремъ» и съ «артиллерійскимъ генераломъ [1])». Оба только о томъ и разсуждали, какъ бы сразиться съ невѣрнымъ и стереть его съ лица земли. Артиллерійскій генералъ къ тому же отличался своею истинно казацкою любезностью: онъ повелъ Вимину въ кабакъ, потребовалъ горѣлки, устроилъ музыку, затѣмъ пляски и сталъ угощать проходящихъ молодцовъ. Непривычному итальянцу все это показалось грубо, дико и несносно. Однако-жъ, несмотря на эти недочеты, онъ остался довольнымъ. Его отпустили со всѣми знаками почтенія, одарили оружіемъ, снабдили припасами, да прибавили «на горѣлку» шесть талеровъ. Хмельницкій вручилъ ему отвѣтное письмо на грамоту Сагредо съ обычными жалобами на поляковъ и съ изъявленіемъ готовности воевать противъ турокъ при указанныхъ выше условіяхъ.

---

[1]) Вѣроятно, здѣсь разумѣются писарь Иванъ Выговскій и обозный Ѳедоръ Коробка.

Возвратившись благополучно во Львовъ, Вимина посиѣшилъ написать обстоятельные доклады, помѣченные 28-мъ іюня 1650 года, о которыхъ Сагредо отозвался съ восхищеніемъ, препровождая ихъ въ сенатъ, хотя судить о нихъ, при отсутствіи должной провѣрки, было преждевременно. Окруженный воинскимъ блескомъ, довольно высокаго роста, грубаго и крѣпкаго тѣлосложенія, Хмельницкій сдѣлалъ на Вимину впечатлѣніе человѣка способнаго и хитраго, въ трезвомъ видѣ дѣловитаго, но очень склоннаго къ горячимъ напиткамъ. Простымъ и любезнымъ обращеніемъ онъ подкупалъ своихъ подчиненныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ крутыми мѣрами поддерживалъ порядокъ. При всей своей строгости, любому казаку онъ подавалъ руку, и усаживалъ его подлѣ себя. Домашняя обстановка гетмана не отличалась богатствомъ: не было ни ковровъ, ни затѣйливой утвари. Вдоль стѣнъ тянулись самыя обыкновенныя скамьи съ кожанными подушками. Шелковая занавѣсь прикрывала маленькую кровать, у которой въ головахъ висѣли сабля и лукъ. За столомъ подавали горѣлку, пиво, медъ, и только изрѣдка вино, велись оживленные разговоры. Спутникъ Вимины какъ-то, расхваливая Венецію, говорилъ, что при множествѣ улицъ тамъ легко можно заблудиться. Нѣтъ, подхватилъ казакъ, это ничего не значитъ, я и здѣсь съ похмѣлья дверей не нахожу [1]).

Шутка шуткой, а отъ пререканій осторожный венеціанецъ старательно уклонялся подъ тѣмъ предлогомъ, что съ «варваромъ» разсуждать неудобно, и что «великіе тираны» не терпятъ противорѣчія. Насчетъ отношеній къ Польшѣ онъ не ошибся, замѣтивъ что они натянуты, что Яна Казиміра не долюбливаютъ. Впрочемъ, на Украйнѣ это и не всегда скры-

[1]) Эти подробности заимствованы изъ особаго доклада Вимины о казакахъ: Relazione dell'origine e dei costumi dei Cosacchi fatta l'anno 1656 da Alberto Vimina, Ambasciatore della Republica di Venezia, e pubblicata dal Prof: G. Ferraro Reggio nell' Emilia, 1890. Современный списокъ этой записки находится въ Ватиканскомъ архивѣ Relazioni di Corte, 160, f. 1.

валось. Однажды, за обѣдомъ, Хмельницкій, поднявъ чашу за здравье короля, взглянулъ украдкой на свою жену, которая отвѣсила ему сейчасъ же насмѣшливый и вовсе не двусмысленный поклонъ.

Вимина убѣдился также, что съ пустыми руками являться въ Чигиринъ неловко. Онъ совѣтовалъ не только адресовать письмо Хмельницкому отъ имени Синьоріи, но поднести ему и войсковымъ старшинамъ подарки, какъ-то: бархатныя и шелковыя матеріи, разнаго рода оружіе, аугсбургскіе часы, стѣнные и карманные, и цѣлые десятки банокъ съ знаменитой въ то время «teriaca». На Украйнѣ очень дорожили этимъ заморскимъ продуктомъ. Его приправляли горѣлкой и употребляли въ видѣ лѣкарства. Какъ человѣкъ практичный, Вимина внушалъ сенату назначить опредѣленную сумму на походъ и выслать ее немедленно. Въ возможности самаго похода противъ турокъ онъ былъ увѣренъ, даже предлагалъ свои услуги для поѣздки въ Крымъ, чтобы устроить, по мысли Хмельницкаго, общее, единовременное наступленіе, казацкое и татарское, на злѣйшаго врага всѣхъ христіанъ.

Вопреки своей прославленной мудрости, венеціанскій сенатъ попался также на удочку лукаваго гетмана. Онъ отнесся очень серьезно къ докладамъ Вимины и съ обычною энергіею приступилъ, не мѣшкая, къ исполненію намѣченныхъ мѣропріятій. Секретарь, графъ Жироламо Кавацци, очень кстати находился тогда безъ спѣшнаго дѣла въ Баваріи. Ему поручили ѣхать въ Варшаву для воздѣйствія на короля и попутно закупить подарки для будущихъ союзниковъ. Кавацци прискакалъ въ Вѣну, съ помощью Сагредо добылъ всякаго добра на 1.628 талеровъ и, уложивъ его въ два огромные ящика, отправился въ Польшу по дурнымъ дорогамъ и при еще болѣе дурной, дождливой погодѣ.

Переговоры съ татарами выпали на долю Вимины, мечтавшаго о посѣщеніи дальняго и незнакомаго края. Не упустилъ сенатъ приготовить грамоты, помѣченныя 30-мъ іюля

1650 года, на имя Хмельницкаго и крымскаго хана, Исламъ-Гирея, съ должными любезностями. Плодовитый Сагредо сочинилъ новую инструкцію для Вимины. Ему предписывалось заѣхать въ Чигиринъ, осыпать «господина генерала» похвалами за благія намѣренія «господъ казаковъ», обѣщать денежное пособіе, а потомъ, при содѣйствіи Хмельницкаго, добраться до Крыма и уговорить татаръ идти войной на Полумѣсяцъ. Настаивая на слабости турокъ, Сагредо доходилъ до того, что предлагалъ казакамъ завоевать въ четыре дня всю Оттоманскую имперію, съ помощью, конечно, венеціанцевъ, которые наступали бы со стороны Дарданеллъ.

Такимъ образомъ, все казалось было устроено къ лучшему; но подобнаго рода иллюзіи долго существовать не могли. Польша не уживалась съ Украйною; готовилось новое казацкое возстаніе; паны чуяли недоброе и вооружались. Уже въ августѣ мѣсяцѣ 1650 года Вимина предупредилъ Сагредо, что положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось, что нельзя разсчитывать ни на Хмельницкаго, ни на татаръ. Вскорѣ послѣ того получились извѣстія, которыя совершенно разрушили венеціанскіе планы. 13-го сентября, королевскій секретарь Дони, охотившійся съ Яномъ Казиміромъ въ литовскихъ дремучихъ лѣсахъ, писалъ оттуда Сагредо слѣдующее: король узналъ, что турецкій султанъ посылалъ къ Хмельницкому довѣренное лицо съ такими порученіями: поздравить гетмана съ побѣдою надъ поляками, требовать прекращенія набѣговъ вдоль Чернаго моря, удостовѣрить въ покровительствѣ Порты, которое испрашивали казацкіе посланцы, совѣтовать войну съ Польшею и обѣщать подкрѣпленіе въ 100.000 человѣкъ. Далѣе утверждалось, что Хмельницкій согласился на эти условія и принялъ турецкую помощь.

Доставленныя поляками свѣдѣнія совершенно согласны съ тѣми, которыя Н. И. Костомаровъ извлекъ изъ турецкихъ грамотъ, впервые обративъ на нихъ вниманіе историковъ [1]).

---

[1]) Богданъ Хмельницкій данникъ Оттоманской Порты.—Вѣстникъ Европы, 1878 т. VI, стр. 806.

По этимъ источникамъ видно, что казаки уже давно заискивали въ Константинополѣ; окончательно же установились ихъ добрыя отношенія къ Портѣ въ концѣ 1650 года. Хмельницкій призналъ себя данникомъ султана Мехмета, который въ знакъ согласія прислалъ ему дорогой кафтанъ. Отъ своего подчиненія гетманъ ожидалъ большихъ выгодъ: турки и татары становились его союзниками противъ Польши. Такимъ данникомъ Порты Хмельницкій остался и послѣ переяславскаго договора 1654 года, въ силу котораго онъ поступилъ съ Запорожскимъ войскомъ и со всею Малороссіею въ подданство Московскаго царя Алексѣя Михайловича, обязуясь, по 14-ой статьѣ договора, «съ турскимъ салтаномъ и польскимъ королемъ безъ государева указа не ссылаться»[1]).

Турецкія извѣстія были вѣроятно недоступны для венеціанцевъ; но того, что они узнали отъ поляковъ, уже было достаточно для прозорливыхъ дипломатовъ. Сенатъ пріостановилъ предписанныя мѣропріятія впредь до новыхъ распоряженій. Сагредо очень жалѣлъ о такой внезапной перемѣнѣ. Кавацци занялся сбереженіемъ уже никому не нужныхъ подарковъ. Вимина сталъ думать о возвращеніи въ Италію. Его заслуги были признаны и оцѣнены: Синьорія выдала ему золотую цѣпь въ 300 дукатовъ. Вернувшись на родину, онъ получилъ около 1652 года прибыльную бенефицію въ Альпаго, гдѣ и вступилъ въ должность приходскаго священника. Сношенія его съ Хмельницкимъ доказываютъ, до какой степени изворотливый малороссъ умѣлъ хитрить и какъ это ему удавалось.

II.

Въ 1653 году новое поприще открылось для дѣятельности Вимины, Синьорія послала его въ Швецію, но съ какими именно порученіями — неизвѣстно. Ни въ Венеціи, ни

[1]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, ч. I, стр. 77, прим. 323.

въ Стокгольмѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ объ этихъ переговорахъ.

Нѣсколько болѣе свѣдѣній имѣется о дипломатической миссіи въ Москвѣ [1]). Она состоялась по рѣшенію высшаго начальства.

Не поладивъ съ Запорожскими казаками, Синьорія задумала обратиться къ Донскимъ, и поставила Виминѣ соотвѣтствующій запросъ. 9-го ноября 1654 года онъ отвѣтилъ докладомъ, въ которомъ проводилъ мысль, что, прежде всего, слѣдуетъ заручиться согласіемъ и содѣйствіемъ московскаго царя, а то вмѣсто похода получится, пожалуй, только безцѣльный набѣгъ.

Сенатъ одобрилъ это мнѣніе и уполномочилъ самого же Вимину отправиться къ Алексѣю Михайловичу, снабдивъ его, на всякій случай, письмомъ для Хмельницкаго. Вимина выѣхалъ въ Москву въ началѣ 1655 года. До тѣхъ поръ онъ только однажды имѣлъ случай встрѣтиться съ московскими людьми. Въ 1650 году, въ бытность его въ Варшавѣ, туда прибыло посольство, состоявшее изъ боярина Гаврила Пушкина, окольничаго Степана Пушкина и дьяка Леонтьева [2]). Переговоры шли главнымъ образомъ о царскомъ титулѣ, неполно и неправильно написанномъ, и о книгахъ, напечатанныхъ въ Польшѣ и оскорбительныхъ для Алексѣя Михайловича. Вимина слѣдилъ за преніями, доносилъ о нихъ Сагредо и вынесъ лично впечатлѣніе, что московскіе послы съ виду величавы, а на самомъ дѣлѣ грубы и необтесаны. Теперь ему предстояло болѣе короткое знакомство съ русскимъ міромъ.

---

[1]) Венеція, Государственный архивъ, Senato Corti, Reg. 31, 32, 33; Senato Rettori, filza 40; Dispacci Germania, filza 104, 105, 106, 107.—Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи, т. X, ст. 809—930.—Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. II, стр. 207. 262.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. II, ст. 1594.—Венеція, Государственный архивъ, Dispacci Germania, 98, f. 105, депеши Вимины 19-го и 26-го марта 1650 года.

Въ Вѣнѣ онъ видѣлся съ венеціанскимъ посломъ Баттиста Нани, который руководилъ московскими дѣлами, и, съ его согласія, уѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ надѣялся вскорѣ получить дорожныя деньги. Къ несчастью, вслѣдствіе недоразумѣній, ему пришлось просидѣть тамъ цѣлыхъ пять или шесть недѣль. Здѣсь сказался его живой, итальянскій характеръ. Онъ ужасно скучалъ отъ бездѣйствія и пустому мѣшканію предпочелъ бы всякаго рода путевыя опасности. Наконецъ, устроивъ кое-какъ свои дѣла, онъ отправился въ Ревель и прибылъ туда 5-го іюня 1655 года. Въ концѣ этого же мѣсяца онъ былъ во Псковѣ, гдѣ для него начались новыя мытарства.

Москва воевала тогда съ Польшею. Алексѣй Михайловичъ неоднократно выѣзжалъ, какъ говорилось, «въ станъ», оставляя столицу и царское семейство на попеченіе патріарха Никона. Въ томъ же 1655 году въ Москвѣ появилась моровая язва. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такихъ осложненій были частыя перемѣны правительственныхъ распоряженій. Вимину направили сперва прямо въ Москву, но дорогой повернули въ Смоленскъ, оттуда его повезли въ Шкловъ и, наконецъ, доставили обратно въ Смоленскъ, гдѣ обѣщана была царская аудіенція.

Дѣйствительно, 21-го (11-го) ноября Алексѣй Михайловичъ прибылъ въ недавно отвоеванную у Польши крѣпость; Вимина же очень не кстати заболѣлъ и долженъ былъ слечь въ постель. Чтобъ не терять времени, онъ письменно просилъ «Его Императорское Величество» принять вѣрительную грамоту отъ имени дожа Франческо Молины и назначить третье лицо для переговоровъ [1]).

Эта просьба была уважена и дьякъ Перфильевъ, котораго Вимина величаетъ вице-канцлеромъ [2]), явился «допра-

[1]) Итальянскій текстъ письма Вимины напечатанъ въ Пам. дипл. снош. т. X, ст. 907, съ изумительною небрежностью.

[2]) Онъ былъ дьякъ приказа Казанскаго дворца.

шивать» венеціанскаго посла и «отбирать отвѣтныя статьи». Не обошлось, конечно, безъ пререканій о слишкомъ скромномъ титулѣ. Но вскорѣ приступили къ главному, къ вопросу турецкому. Вимина затянулъ избитую пѣсенку о побѣдахъ Венеціи и о слабости Оттоманской имперіи, убѣдительно доказывая, что Москва въ полномъ правѣ воевать противъ турокъ, посылавшихъ татаръ на помощь полякамъ. Наговоривъ очень много по этому поводу, онъ выступилъ съ предложеніемъ о Донскихъ казакахъ, настаивая на томъ, что такой походъ былъ-бы чрезвычайно полезенъ для самой Москвы.

Вѣроятно, онъ былъ нѣсколько смущенъ, когда, вмѣсто подходящаго отвѣта, Перфильевъ, вынувъ изъ-за пазухи бумажечку, принялся за свой допросъ: съ какихъ поръ Венеція воюетъ съ турками? Какіе у ней союзники? Зоветъ ли дожъ другихъ князей своими друзьями или братьями? Считается ли Молина царемъ? Каковъ его титулъ? Сколько у Венеціи войска? Каково протяженіе страны? Какіе у ней союзники? Въ дружбѣ ли она съ Цезаремъ? Какіе вообще у ней недруги и съ кѣмъ она въ войнѣ?

Вимина воспользовался случаемъ, чтобъ расхвалить Венецію, ея несмѣтное богатство и непобѣдимое войско. Насчетъ титула, онъ осторожно замѣтилъ, что, хотя дожъ и не именуется королемъ, однакожъ Венеціи подвластно не одно королевство, какъ-то Кандія и Далмація. Изъ его рѣчей оставалось заключить, что любаго короля дожъ можетъ заткнуть за поясъ.

Зашла также рѣчь и о торговлѣ, которая обѣимъ странамъ обѣщала большія выгоды. Венеціанцы привозили бы шелкъ и шерсть и закупали бы соболи, икру, сало, кожи и всякое сырье. Складочные пункты предполагалось устроить на Днѣпрѣ и въ Архангельскѣ: отважные моряки не постращились бы поплыть и въ Бѣлое море.

Перфильевъ почтительно выслушалъ своего собесѣдника и ушелъ, ничего ему не сообщивъ, кромѣ офиціальныхъ

порученій. Затѣмъ, онъ возвратился съ угощеніемъ, а въ другой разъ съ новостями о московскихъ побѣдахъ надъ Польшею. 28-го ноября дошла очередь до отвѣта, и онъ былъ таковъ: положительнаго рѣшенія царь покуда постановить не можетъ, занятый войною съ Польшею; что же касается до крымскихъ татаръ, то ихъ ожидаетъ та же участь, какъ астраханскихъ и казанскихъ; а когда и какъ они будутъ наказаны, про то знаютъ Богъ и Божія Матерь. Впрочемъ, царь посовѣтуется съ своими боярами и вышлетъ въ Венецію своего уполномоченнаго.

Такой уклончивый отвѣтъ никакъ не могъ удовлетворить Вимину, тѣмъ болѣе, что о туркахъ и помину не было. Онъ всячески старался разузнать, по крайней мѣрѣ, царское настроеніе и ходячія мнѣнія при дворѣ; но Перфильевъ упорно отмалчивался, какъ будто бы вдругъ онѣмѣлъ. Онъ обѣщалъ только, что вскорѣ послѣдуетъ новое сообщеніе и дана будетъ возможность отбыть.

Вечеромъ того же 28-го ноября пришелъ навѣстить и утѣшить больного венеціанца царскій переводчикъ, вѣроятно, Иванъ Ѳанъ Делдинъ. По его мнѣнію, отвѣтъ Перфильева совершенно согласовался съ данными обстоятельствами. Не упоминая ни словомъ о туркахъ, онъ увѣрялъ, что всѣ, безъ исключенія, желали бы отмстить татарамъ за ихъ набѣги, но войнѣ препятствуетъ не Польша, какъ говорилъ Перфильевъ, а Швеція, которая дерзко предъявляетъ грозныя требованія.

Вимина не долго покоился на этихъ словахъ. Нѣсколько дней спустя, 4-го декабря, вице-канцлеръ, то-есть опять-таки Перфильевъ, принесъ отвѣтную грамоту Алексѣя Михайловича, запечатанную государственною большою печатью на красномъ воску «подъ кустодіею» и вложенную въ червчатую тафту[1]). Итальянскій переводъ грамоты тутъ же былъ сообщенъ Виминѣ и возбудилъ его неудовольствіе: слишкомъ много го-

[1]) Венеція, Государственный архивъ, Czar di Moscovia 1655—1740. Пам. дипл. снош., т. X, ст. 918.

ворилось о торговлѣ и слишкомъ мало о татарахъ. Московскій царь—писалъ венеціанскій посланецъ—скорѣе отличный купецъ, чѣмъ великій государь. Всѣ сдѣланныя предложенія, очевидно, отлагались до поѣздки въ Венецію московскаго повѣреннаго. Такимъ образомъ, при русскомъ дворѣ, какъ въ Чигиринѣ у Хмельницкаго, успѣхъ Вимины былъ чисто отрицательный.

На другой день послѣ выдачи грамоты Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ въ Москву, а 6-го декабря 1655 года Вимина, несмотря на лихорадку, также покинулъ Смоленскъ, не представившись лично царю. Пошатнувшееся его здоровье окрѣпло дорогой, чему онъ не мало удивлялся. Однакожъ, медленно передвигаясь, онъ только въ маѣ слѣдующаго года прибылъ въ Вѣну, да къ тому же въ такомъ плохомъ состояніи, что посолъ Нани сжалился надъ нимъ и задержалъ его у себя нѣсколько дней на покоѣ. Самъ Вимина, въ письмѣ изъ Медлинга къ пріятелю, сѣтовалъ на то, что напрасно потерялъ много времени въ Смоленскѣ, и заболѣлъ не отъ работы, а отъ удручающей неподвижности [1]).

По возвращеніи въ Италію, Вимина занялся своимъ приходомъ въ Альпаго, и жизнь его потекла обычной чередой. Какъ и чѣмъ на сей разъ его отблагодарила Синьорія неизвѣстно, но благосклонность правительства къ нему не измѣнилась. При случаѣ за него даже стояли горой [2]). Такъ, еще во время путешествія въ Швецію, новый епископъ Беллуно потребовалъ, подъ угрозою каноническихъ взысканій, чтобы онъ возвратился въ Альпаго, давъ ему на это пятнадцатидневный срокъ. Немедленно за него вступился сенатъ и объяснилъ епископу, что для исполненія такого приказанія

---

[1]) Письмо Вимины къ аббату Перзико, 5-го мая 1656 года, находится въ Беллуно и принадлежитъ Г. Буццати. Напечатано въ Lettere inedite del secolo XVII, Belluno, 1842.

[2]) Венеція, Государственный архивъ, Senato, III, Secreti, Belluno, 1653, 1656; Senato, Terra, filza 599, 613; Dispacci Germania, filza 105, f. 172, 174.

едва-ли хватитъ шести мѣсяцевъ. Другія непріятности возникли впослѣдствіи, съ тѣмъ же епископомъ, въ то время какъ Вимина бѣдствовалъ въ Россіи, и сенатъ снова его выручилъ, усердно за него ратуя. Наконецъ, и это особенно для него почетно, при появленіи московскихъ посланцевъ, Вимина дважды вызывался въ Венецію для участія въ переговорахъ.

Алексѣй Михайловичъ сдержалъ данное слово [1]). Въ январѣ 1657 г. прибылъ въ Венецію стольникъ Иванъ Ивановичъ Чемодановъ съ дьякомъ Алексѣемъ Постниковымъ. Своими требованіями они удивили венеціанцевъ, запрашивая очень много и ничѣмъ не поступаясь. Такъ, они объявили, что посылать Донскихъ казаковъ противъ турокъ нельзя изъ опасенія Польши и Швеціи. Сами же они домогались займа «золотыхъ и ефимковъ, сколько мочно», для ратнаго дѣла. Предложеніе о взаимной торговлѣ было еще безцеремоннѣе: Чемодановъ желалъ купить безпошлинно въ Венеціи «аксамитокъ и бархатовъ», за что венеціанцамъ дозволили бы «всякіе въ Россіи покупать и мѣнять товары съ платежемъ указной пошлины». Такъ проявлялась уже тогда свирѣпствующая нынѣ тарифная борьба. Венеціанцы, ничего не добившись для себя, въ свою очередь, учтиво отклонили московскія просьбы.

Для насъ интересъ сосредоточивается на степени участія въ этомъ Вимины. Ему было поручено привѣтствовать посольство и состоять при немъ. По выраженію Чемоданова, онъ былъ ихъ «приставомъ», и, какъ видно, исполнялъ свою обязанность съ большимъ усердіемъ. На его долю выпало также улаживаніе обычныхъ недоразумѣній при представленіи посольства дожу, передачѣ грамотъ и посѣщеніи другихъ

---

[1]) Памятники дипл. снош., т. X, ст. 1002—1096. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ, т. II, стр. 207, 163. Венеція, Государственный архивъ, Ceremoniali, III, f. 140 verso; Esposizioni Principi, filza 70. Брикнеръ, Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи въ XVII столѣтіи, стр. 22.

пословъ. Чемодановъ былъ въ этомъ отношеніи такъ же чувствителенъ и чутокъ, какъ и всѣ его сотоварищи.

Этими формальностями и ограничилось вмѣшательство Вимины; собственно политику ему не удалось затронуть. При первой попыткѣ онъ получилъ такой отвѣтъ: «съ повелѣнія его царскаго величества посольскія дѣла слѣдуетъ объявить «думнымъ людемъ», а не вамъ». А въ другой разъ, когда Вимина спросилъ: «за то ль государь у насъ проситъ казны, что хочетъ намъ помочи дать на турокъ?» Чемодановъ возразилъ съ негодованіемъ: «ты, Альбертусъ, говоришь непристойныя слова, простыя... а то, ты тѣ слова говоришь бездѣльныя».

Взаимныя отношенія, однакожъ, не пострадали отъ этихъ выходокъ. Какъ съ самаго начала Вимина пилъ чашу «про государское многолѣтное здравье», такъ и напослѣдокъ онъ поднесъ муро св. Николая Барскаго, съ просьбою передать его Алексѣю Михайловичу, на что послы охотно согласились. Другое предложеніе было ими отвергнуто безъ всякаго колебанія. Вимина доложилъ имъ однажды, что папа Александръ VII прислалъ нарочно гонца и велѣлъ провѣдать, будутъ ли посланники къ нему, въ Римъ? А онъ, папа, велѣлъ въ городахъ и заставахъ пути отпереть, и кормы довольные, и подводы, и встрѣчи въ городахъ изготовить. На это лестное приглашеніе Чемодановъ отвѣтилъ, что ѣхать въ Римъ у нихъ указу нѣтъ, «а безъ его государскаго повелѣнія и указу его государевымъ посланникомъ ѣхать невозможно, и то дѣло не сбыточное». Вимина не обидѣлся, не настаивалъ и, при отъѣздѣ пословъ, провожалъ ихъ до Тріента.

Другое московское посольство появилось въ Венеціи въ 1663 г.[1]) Главнымъ лицомъ въ немъ былъ Иванъ Аѳанасье-

---

[1]) Памятники дипл. снош., т. X, ст. 671—802. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ. т. II. стр. 208, 263. Венеція, Государственный архивъ, Ceremoniali, III, f. 151 verso. Въ запискахъ Желябужскаго (1682—1709) объ этомъ посольствѣ не упоминается. Брикнеръ, Русскіе дипломаты, стр. 27.

вичъ Желябужскій. Ему сопутствовалъ дьякъ Иванъ Давыдовъ. Въ статейномъ спискѣ упоминается также Вимина, но только дважды и какъ бы мимоходомъ. Въ венеціанскихъ документахъ имя его даже совершенно отсутствуетъ. Значитъ, на этотъ разъ ему не пришлось часто и дѣятельно выступать. Здѣсь и заканчиваются его сношенія съ Москвою.

Вимина скончался 11-го января 1667 года въ Альпаго и былъ похороненъ въ мѣстной приходской церкви[1]). Надгробная надпись, которая приводится въ его посмертныхъ запискахъ, теперь болѣе не существуетъ. Можетъ быть, она погибла при перестройкѣ церкви, жестоко пострадавшей отъ землетрясенія 29-го іюля 1873 года.

Нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Альберта Вимины, въ 1671 году, вышли въ свѣтъ его записки о Польшѣ, Московіи и Швеціи[2]). Издателями ихъ были братъ усопшаго, Леонардо Вимина, и юристъ Джіованни Баттиста Казотти. Надо признаться, что большого значенія этимъ запискамъ придавать нельзя, главнымъ образомъ, потому, что авторъ не указываетъ на свои источники, а значительная часть его матеріала очевидно, заимствована изъ вторыхъ и даже третьихъ рукъ, Свою поѣздку къ Хмельницкому и вообще сношенія Венеціи съ Украйною онъ совершенно замалчиваетъ, вслѣдствіе, конечно, политическихъ соображеній. Между тѣмъ, именно личныя его наблюденія и замѣтки были бы для насъ самымъ цѣннымъ вкладомъ.

Въ частности, что касается до Московіи, онъ могъ имѣть лишь мало непосредственныхъ свѣдѣній, пробывъ всего нѣсколько недѣль въ Смоленскѣ, да къ тому же въ полномъ бездѣйствіи и въ болѣзненномъ состояніи. При составленіи

---

[1]) Такъ значится въ Registro morti di Pieve d'Alpago.

[2]) Historia delle Guerre civili di Polonia, divisa in cinque libri. Progressi dell'Armi moscovite contro Polacchi. Relatione della Moscovia e Svetia e loro governi. Di Don Alberto Vimina, Bellunese. In Venetia. M DC LXXI.—Бирше перепечаталъ записку о Московіи въ 1861 г. въ Миланѣ.

своей записки, онъ имѣлъ въ виду описать положеніе Россіи, ея климатъ, нравы, религію, правленіе, силы и богатство. Обширную эту задачу авторъ исполнилъ въ скромныхъ размѣрахъ. Замѣтно вліяніе Герберштейна и Поссевина, къ мнѣнію которыхъ онъ часто примыкаетъ, хотя ссылается на нихъ всего на всего одинъ разъ. Впрочемъ, ничего особенно выдающагося по новизнѣ или важности у него не встрѣчается. Его наблюденія сводятся къ замѣткамъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ и правдивымъ, которыя по плечу всякому образованному путешественнику.

Всего интереснѣе описаніе личности Алексѣя Михайловича, хотя и сдѣланное, безъ сомнѣнія, понаслышкѣ [1]). Вимина изображаетъ московскаго царя человѣкомъ набожнымъ и благочестивымъ, преданнымъ молитвѣ и постничеству, чуждымъ праздныхъ увеселеній, характера тихаго и мягкаго, но съ проблесками жестокости.

Главный упрекъ, возводимый имъ на царя, состоитъ въ ненасытной алчности. Ради пополненія своей казны, онъ будто бы прибѣгалъ, безъ зазрѣнія совѣсти, къ самымъ беззаконнымъ и даже позорнымъ мѣрамъ.

На этомъ описаніи обрывается записка о Московіи.

---

[1]) Historja, стр. 321.

Паисій Лигаридъ [1]).

Новыя свѣдѣнія изъ римскихъ архивовъ.

I. Лигаридъ въ коллегіи св. Аѳанасія.—Его блестящіе успѣхи въ наукахъ.—Отзывы о немъ.—Дѣятельность въ Константинополѣ.—Перемѣщеніе въ Молдо-Валахію.—Постриженіе въ Іерусалимѣ.—Возведеніе въ санъ Газскаго митрополита.—Доносы на него.—То грекъ, то латинянинъ.—Денежныя просьбы.

II. Лигаридъ въ Москвѣ.—Подложныя грамоты.—Особый почетъ при дворѣ. — Безстыдное вымогательство. — Щедроты Алексѣя Михайловича.—Единовременное заискиваніе въ Римѣ.—Польскія вѣсти о возможномъ соединеніи церквей.—Сообщенія Варшавскаго нунція. — Переговоры съ восточными патріархами.—Обращеніе къ нимъ Яна-Казиміра.—Мнѣніе нунція.—Римскія предписанія.—Письмо Лигарида.—Окончательный отзывъ кардинала Альбани.

Въ 1673 году, въ Римъ, къ папскому двору, прибылъ посланецъ Алексѣя Михайловича, маіоръ Павелъ Менезій. Шотландскій выходецъ, образованный и благовоспитанный, представитель православнаго царя былъ католикъ, и даже очень усердный. На престарѣлаго Климента X, на его племянника, кардинала Альтіери, и вообще на всю римскую курію онъ произвелъ самое отрадное впечатлѣніе. Не удивительно потому, что его словамъ придавалось высокое значеніе. Между прочимъ, рѣчь коснулась и Паисія Лигарида, пребывавшаго тогда въ Москвѣ. Менезій высказалъ мнѣніе, что газскій митрополитъ можетъ доставить много пользы или нанести

---

[1]) Перепечатано изъ Русской Старины, февраль 1902, стр. 337—351 и дополнено.

много вреда католицизму въ Россіи, смотря по тому, придерживается ли онъ истиннаго ученія или же ложнаго [1])?

Вслѣдствіе этого заявленія наведены были справки въ конгрегаціи Пропаганды, отъ которой Лигаридъ нѣкогда зависѣлъ, въ качествѣ миссіонера на Востокѣ. Добытыя такимъ путемъ свѣдѣнія выясняютъ его личность и особенно освѣщаютъ еще мало извѣстную его жизнь до пріѣзда въ Россію.

Долгое время всѣ эти сокровища лежали подъ спудомъ. Только благодаря содѣйствію кардинала Рамполлы, занимавшаго тогда постъ секретаря Пропаганды, удалось ими воспользоваться. Документы, сообщенные мною г. Леграну, были имъ напечатаны въ 1896 году [2]). Для составленія своего очерка, этотъ авторъ имѣлъ доступъ въ римскій архивъ коллегіи св. Аѳанасія.

Однако же, съ тѣхъ поръ нашлось еще кое-что новое. Потому не лишне будетъ, сопоставивъ всѣ римскія свѣдѣнія о Лигаридѣ, представить ихъ въ цѣльномъ видѣ. Ни Горскій, ни Лавровскій не могли этого сдѣлать. Да и вообще эти свѣдѣнія, кажется, мало извѣстны въ русской наукѣ. По поводу дѣла Никона всѣмъ историкамъ приходится упоминать о Лигаридѣ, но даже въ такихъ спеціальныхъ монографіяхъ, какъ изслѣдованіе Гиббенета, дается лишь скудный и отрывочный матеріалъ.

Въ общихъ же исторіяхъ, у Соловьева и у другихъ, Лигаридъ и дѣйствующіе заодно съ нимъ восточные патріархи проходятъ передъ читателемъ, какъ китайскія тѣни и мало даютъ знать о себѣ. Замѣтимъ здѣсь, что обширная записка Лигарида о Никонѣ была напечатана въ Лондонѣ, и перевелъ ее на англійскій языкъ незабвенный Вильямъ Пальмеръ [3]).

---

[1]) Архивъ Пропаганды, Registro di Lettere, т. LXI, стр. 141.
[2]) Bibliographie Hellénique du dix-septième siècle, т. IV, стр. 17, 56, 59.
[3]) The Patriarch and the Tsar, т. III.

Нашему очерку не чуждъ и психологическій интересъ. Тонкій разборъ душевныхъ стремленій Лигарида, конечно, немыслимъ; но поразительно его гнусное корыстолюбіе, неожиданно проявляющееся послѣ долгаго и честнаго служенія наукѣ и церкви. Врядъ ли можно допустить, что, начиная съ тринадцатилѣтняго возраста, Лигаридъ притворялся и лицемѣрилъ цѣлые десятки лѣтъ, да еще такъ искусно, что самымъ опытнымъ лицамъ не удалось его раскусить. Избитые намеки на іезуитскую гибкость мало что разъясняютъ. Слѣдуетъ вдуматься въ различныя обстановки, въ которыхъ вращался Лигаридъ. Отрицать ихъ вліяніе невозможно. Въ этой живой и богато одаренной натурѣ были разнородные зачатки, которые, смотря по обстоятельствамъ, развивались въ противоположныхъ направленіяхъ, доходя до крайностей.

I.

Съ ранняго дѣтства Пантелеймонъ Лигаридъ, уроженецъ острова Хіоса, предназначался для духовнаго званія, и врядъ ли безъ честолюбивыхъ расчетовъ. Уже въ 1623 году получается въ Римѣ просьба, скрѣпленная мѣстнымъ епископомъ, Марко Джустиніани, о принятіи тринадцатилѣтняго мальчика въ коллегію св. Аѳанасія, основанную Григоріемъ XIII для греческихъ уніатовъ [1]).

Просьба была уважена, и Лигаридъ получилъ все свое образованіе въ такъ называемомъ Collegio greco, на папскомъ иждивеніи. Тамъ онъ обучался грамматикѣ и риторикѣ, тамъ же онъ прошелъ трехлѣтній философскій и четырехлѣтній богословскій курсъ подъ опекою іезуитовъ, которые тогда завѣдывали коллегіею. Ректоромъ былъ отецъ Андрей Евдемонъ, выдающійся богословъ, другъ Беллармина и въ родствѣ съ Палео-

[1]) Главнымъ источникомъ для первой части этого очерка послужили вышеупомянутые документы Пропаганды, напечатанные у Леграна.

логами [1]); а протекторомъ кардиналъ Барберини, которому постоянно докладывали о важнѣйшихъ дѣлахъ и происшествіяхъ. Питомцы коллегіи св. Аѳанасія обучались отчасти у себя дома, отчасти въ Римской коллегіи, гдѣ преподавали также іезуиты на университетскихъ правахъ.

Успѣхи Лигарида въ наукахъ были до того блестящи, что его выбрали для публичнаго испытанія или, какъ говорится, для «защиты» всего пройденнаго, высшаго схоластическаго курса. Такого рода «atto publico» дѣлался всегда торжественно, въ присутствіи кардиналовъ, знатныхъ особъ, посторонннихъ лицъ и учащейся молодежи. Обыкновенно онъ держался въ церкви, какъ бы для нагляднаго доказательства неразрывнаго союза между вѣрою и наукою, и давалъ испытуемому право на степень доктора философіи и богословія. 27-го сентября 1636 года Лигаридъ выступилъ на этомъ поприщѣ въ смежной съ коллегіею церкви св. Аѳанасія [2]). Неизбѣжныя при этомъ издержки покрылъ его соотечественникъ, маркизъ Джустиніани, которому не пришлось каяться въ своей щедрости, ибо молодой докторантъ превосходно разрѣшилъ свою задачу. Съ одинаковою легкостью изъясняясь на латинскомъ и греческомъ языкѣ, онъ мѣткими отвѣтами очаровалъ своихъ слушателей, и школьная лѣтопись записала на свои страницы замѣчательный успѣхъ.

Къ этому времени относится анонимная оцѣнка Лигарида, исходящая отъ его ближайшаго начальства, вѣроятно, отъ самого ректора Евдемона [3]). Въ силу устава, питомцы коллегіи св. Аѳанасія должны были, по окончаніи курса, возвращаться на родину. Между тѣмъ, Лигарида желали задержать на нѣкоторое время, ибо онъ преподавалъ греческій языкъ, и замѣнить его было бы не легко. И вотъ предста-

---

[1]) Legrand, Bibliographie Hellénique, т. III, стр. 193.
[2]) Она находится въ улицѣ Babuino.
[3]) Эта оцѣнка нашлась между іезуитскими бумагами коллегіи св. Аѳанасія и хранится въ славянской библіотекѣ.

вляется записка кардиналу-протектору съ подходящей просьбой, основанной на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Уставъ допускаетъ исключеніе въ пользу тѣхъ изъ бывшихъ учениковъ, которые могутъ быть полезными для коллегіи.

Лигаридъ одаренъ всѣми качествами, требуемыми отъ оставляемыхъ при заведеніи: онъ кроткаго нрава, добродѣтеленъ, послушенъ, набоженъ, горячо любитъ латинскую церковь, отлично владѣетъ греческимъ языкомъ, который и преподаетъ около пяти лѣтъ къ общему удовлетворенію.

Отецъ Лигарида, Иванъ, также желаетъ, чтобы его сынъ вернулся на родину не слишкомъ молодымъ, а бородатымъ и представительнымъ, ибо онъ прочитъ свое чадо въ подручники, и пожалуй, въ преемники мѣстнаго епископа. Поэтому заботливый отецъ совѣтуетъ сыну упражняться въ проповѣдничествѣ и заняться изученіемъ каноническаго права, хотя самъ не можетъ доставлять средствъ для дальнѣйшаго пребыванія въ Италіи.

Авторъ записки приходитъ къ тому выводу, что оставленіемъ Лигарида въ Римѣ будутъ удовлетворены и желаніе отца и потребности коллегіи. Къ тому же дорожныя деньги для возвращенія на родину еще не высланы, говоритъ тотъ же авторъ, и въ текущемъ году уже не могутъ быть доставлены во-время, почему, во всякомъ случаѣ, отъѣздъ долженъ быть отложенъ.

Кардиналъ-протекторъ безъ сомнѣнія согласился на эту просьбу, ибо Лигаридъ провелъ еще нѣсколько лѣтъ въ коллегіи, и, какъ именно предполагалось, въ качествѣ преподавателя греческаго языка. Въ 1639 году, 31-го декабря, онъ былъ поставленъ въ священники русскимъ уніатскимъ митрополитомъ Рафаиломъ Корсакомъ, который самъ нѣкогда обучался въ коллегіи св. Аѳанасія. Два года спустя, во всеоружіи классическаго и богословскаго образованія, Лигаридъ простился навсегда съ Римомъ и выѣхалъ на Востокъ съ ежегоднымъ

пособіемъ отъ Пропаганды въ размѣрѣ 50 скуди. Въ томъ же 1641 году знаменитый впослѣдствіи Юрій Крижаничъ вступилъ въ покидаемую Лигаридомъ коллегію; встрѣтились ли они тамъ, объ этомъ нѣтъ никакихъ указаній.

Въ Римѣ отъѣзжающій миссіонеръ оставилъ по себѣ самую лучшую память. Прочувственныя похвалы Петра Аркудія, заклятаго уніата, печатно выраженныя въ 1637 году, достаточно выясняютъ, какимъ идеаломъ онъ тогда задавался и каково было его душевное настроеніе [1]). Дѣйствительно, талантливый, преданный наукѣ, онъ отличался также своимъ усердіемъ въ благочестіи. Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ такъ называемая конгрегація Божіей Матери, установленная въ коллегіи св. Аѳанасія, числила его между своими сочленами, и не разъ его выбирали въ префекты, совѣтники или ассистенты. Такая честь иначе не доставалась какъ путемъ безупречности между товарищами и постоянной выдержки, ибо конгрегація была своего рода закрытымъ братствомъ, гдѣ всего болѣе уважали отличное поведеніе, и гдѣ неизмѣнно примѣнялось выборное начало. А всѣмъ извѣстна чуткость молодежи и какъ она умѣетъ ею пользоваться.

Но не одни товарищи были хорошаго мнѣнія о Лигаридѣ. Выше былъ приведенъ одобрительный отзывъ начальства коллегіи, заинтересованнаго въ безпристрастной оцѣнкѣ питомца, предназначеннаго для домашней должности. Не иначе свидѣтельствовалъ Леонъ Аллацій, свѣтлая личность котораго выдается между его сверстниками. Настоящій безсребренникъ, нисколько не тщеславный, всепреданный наукѣ и греческой коллегіи, гдѣ нѣкогда самъ воспитывался, онъ близко зналъ своего соотечественника Лигарида, слѣдилъ за его успѣхами, велъ съ нимъ дружескую переписку, и въ 1645 году такъ его обрисовывалъ: «Умъ проницательный, характеръ твердый, начитанность особенно по церковной части, искусный и

---

[1]) Palmer, The Patriarchand the Tsar, т. III, стр. 2.

изящный ораторъ на греческомъ языкѣ, новомъ и древнемъ, не чуждый классической поэзіи, готовый пролить свою кровь за католическую вѣру» [1]).

Пришедшія годомъ раньше съ Востока извѣстія были того же утѣшительнаго свойства. Лигаридъ развивалъ большую дѣятельность, жаловался на преслѣдованіе греческаго духовенства, участвовалъ въ распряхъ латинскаго, побывалъ въ Константинополѣ, сблизился съ французскимъ посломъ при оттоманской Портѣ, Жаномъ de la Haye, который писалъ о немъ въ Римъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Такъ какъ съ другихъ сторонъ поступали тождественные отзывы, то Пропаганда пожелала вознаградить столь усерднаго труженика и повысила его жалованье, назначивъ ему 60 скуди ежегодно на трехлѣтіе.

Такимъ образомъ, нѣкоторое время казалось, будто Лигаридъ оправдываетъ возложенныя на него надежды. Вслѣдствіе непріятностей съ константинопольскимъ духовенствомъ, онъ послѣдовалъ призыву воеводы Ивана Матвѣя Басарабъ, самовольно удалился въ Валахію, и прибылъ 1-го ноября 1647-го года въ Терговищы. Узнавъ отъ него самого о совершившемся перемѣщеніи, Пропаганда дозволила ему продолжать свою дѣятельность и даже расширить ея кругъ на этомъ новомъ поприщѣ. Уцѣлѣла, по крайней мѣрѣ отчасти, его переписка съ Римомъ въ 1647 году [2]). Она производитъ на читателя непріятное впечатлѣніе. Здѣсь уже ярко выступаютъ неприглядныя стороны Лигаридова характера: безсовѣстное самовосхваленіе и денежное вымогательство: ему-де дается вездѣ первое мѣсто, воевода жалуетъ его своимъ учителемъ, на его проповѣди стекается вся мѣстная знать, открытую имъ школу посѣщаютъ дѣти лучшихъ семействъ,

[1]) Allatius, De Ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione, ст. 1654.

[2]) Архивъ Пропаганды. VII. Lettere di Polonia, Vallachia, Moldavia, Russia, Moscovia, Persia, Armenia, Soria, Egitto, Etiopia e Barbaria, 1647, vol. 64, f. 119, 120, 121, 122.

а между тѣмъ онъ нуждается въ средствахъ, ему недостаютъ необходимыя книги, его племянника Михаила слѣдовало бы выслать на обученіе въ Римъ. Въ Пропагандѣ отлично поняли значеніе этихъ словъ и навели справку. Выдаваемое пособіе оказалось достаточнымъ и послѣдовалъ отказъ въ дальнѣйшихъ щедротахъ.

Въ 1650 году, Лигаридъ встрѣтился въ Терговищахъ съ Арсеніемъ Сухановымъ, посланнымъ на Востокъ для изученія греческаго чина. 24-го апрѣля, онъ даже участвовалъ, но только мелькомъ, въ преніяхъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія. Призванный греками на помощь и объяснившись съ Арсеніемъ, онъ одобрилъ русскій обычай, сказавъ: «добро у нихъ, такъ еще и лучше нашего [1])». Правда, что эти слова передаетъ одинъ Сухановъ, и что провѣрка ихъ невозможна.

Нѣкоторое время Лигаридъ провелъ въ Яссахъ, гдѣ былъ опредѣленъ преподавателемъ вмѣстѣ съ Игнатіемъ Петрици [2]). Съ тѣмъ же соотечественникомъ онъ занялся переводомъ на румынскій языкъ и изданіемъ «Кормчей», отпечатанной въ 1652 году. Кромѣ того, ему хватало еще времени для сочиненія доселѣ неизданныхъ обличеній противъ лютеранъ и кальвинистовъ, ученіе которыхъ быстро распространялось въ придунайскихъ областяхъ.

Однакожъ вскорѣ Лигаридъ отважился на очень двусмысленный шагъ, повліявшій на всю его жизнь. Подружившись съ Паисіемъ, патріархомъ іерусалимскимъ, который чаще бывалъ въ Молдо-Валахіи, чѣмъ въ Палестинѣ, и доѣзжалъ до Москвы, онъ отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Іерусалимъ около 1651 года. Тамъ, 16-го ноября, въ присутствіи Суханова, патріархъ Паисій постригъ Лигарида въ монахи, передавъ ему свое собственное имя Паисія. Затѣмъ предусмотрительный іерархъ отдалъ его на искусъ тому же Суханову, съ пору-

---

[1]) Бѣлокуровъ, Арсеній Сухановъ, ч. I, стр. 210.
[2]) Xénopol, Histoire des Roumains, т. II, стр. 34, 172.

ченіемъ, «чтобы онъ держалъ его подъ началомъ крѣпко, какъ держатъ на Москвѣ въ великихъ монастыряхъ» [1]). Искусъ, сколько бы ни былъ строгъ, что, впрочемъ, неизвѣстно, продолжался не долго, по крайней мѣрѣ подъ руководствомъ Суханова, который покинулъ Іерусалимъ 26-го апрѣля слѣдующаго 1652 года.

Съ богословской точки зрѣнія, принятіе Лигаридомъ монашества отъ руки православнаго архіерея (котораго онъ при случаѣ выдавалъ за католика), было не что иное, какъ отпаденіе отъ римской вѣры. Онъ не остановился однакожъ на этой ступени: схима была только средствомъ для достиженія другой цѣли. 14-го сентября 1652 года тотъ же Паисій посвятилъ Лигарида въ митрополиты города Газы, гдѣ новый владыка, вѣроятно, не желалъ, подобно Самсону, похоронить себя живымъ, да врядъ-ли онъ когда-либо самолично и показывался въ своемъ бѣдномъ и заброшенномъ архіерейскомъ городкѣ: его прельщали многолюдныя, блестящія столицы. Для іерусалимскихъ католиковъ посвященіе Лигарида было, по свидѣтельству очевидца, дѣломъ преступнымъ. Они отворачивались съ негодованіемъ отъ непомѣрно честолюбиваго іерарха.

Между тѣмъ вѣсть объ этихъ неблаговидныхъ поступкахъ дошла до Рима, до самой Пропаганды. Разнесся слухъ, что, при своемъ посвященіи, Лигаридъ топталъ ногами изображеніе папы и кардиналовъ; что онъ въ Іерусалимѣ фактически отрекся отъ католицизма, а въ Константинополѣ даже формально, въ доказательство чего высылалась копія съ его православнаго вѣроисповѣданія. Его характеристика заключалась въ двухъ словахъ: грекъ между греками и латинянинъ между латинянами.

Эти доносы очень огорчали Лигарида и, задѣвая его за живое, надѣлали ему не мало хлопотъ. Они разрушали его хитро задуманный планъ, ибо онъ, дѣйствительно, какъ окажется, желалъ угодить и Риму, и Востоку, и повсюду до-

---

[1]) Бѣлокуровъ, l. c. стр. 277, 292.

биваться почета и щедротъ. Здѣсь наглядно рисуется двуличность Лигарида, сопряженная съ неизсякаемымъ корыстолюбіемъ. Нельзя сказать, что онъ былъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Многіе изъ его соотечественниковъ страдали тѣмъ же недугомъ. Но обстоятельства сложились такъ, что у Лигарида, при его безспорныхъ способностяхъ и высокомъ положеніи, эти порочныя стороны являются особенно грустными и позорными. По римскимъ документамъ можно прослѣдить его уловки для сохраненія благорасположенія Пропаганды, отъ которой зависѣла выдача пособій.

Уже въ 1654 году, 15 апрѣля, вслѣдствіе возникшихъ затрудненій, онъ обратился къ Леону Аллацію съ очень колкимъ для Пропаганды письмомъ, помѣченнымъ съ острова Хіоса, откуда онъ снова отправился въ Молдо-Валахію: «Радуюсь, пишетъ на сей разъ уже архіепископъ газскій, что теперь католики выдаются въ Римѣ за еретиковъ, что они исключаются изъ миссіи и считаются врагами и змѣинымъ исчадіемъ, а явные еретики, которые пріобщались съ лютеранами, а съ кальвинистами ἐκρεωφάγησαν τῇ μεγάλῃ Παρασκευῇ, получаютъ жалованье въ 12 скуди ежемѣсячно отъ священной конгрегаціи Пропаганды. Это очень хорошо сдѣлано. Они заслуживаютъ еще больше: для нихъ—опасныя грамоты; для насъ—вѣчная ссылка. Я не думалъ, чтобы возможенъ былъ ens rationis a parte rei, вижу однако-жъ, что онъ существуетъ».

«Патріархъ іерусалимскій (котораго я же побудилъ писать) хорошъ и католикъ, и онъ бы заставилъ меня объявляться противъ католиковъ? Кто можетъ этому повѣрить? А между тѣмъ это сказалъ одинъ только Сатурнино, и ему довѣряютъ, какъ будто онъ былъ глашатаемъ истины. Τῶν φρονίμων ὀλίγα, и то, что я написалъ, уже черезъ-чуръ много»[1]).

[1]) Legrand, т. IV, стр. 56.—Ens rationis a parte rei есть философская шутка, которая сводится на то, что высказанное предложеніе ни что иное какъ безсмыслица.

Изъ этого письма видно, каково было положеніе дѣлъ и какіе именно интересы стояли на очереди. Полагая, что Лигаридъ измѣнилъ католической вѣрѣ и перешелъ въ православіе, Пропаганда прекратила свое пособіе. Въ самомъ дѣлѣ это такъ и было, ибо іерусалимскій патріархъ былъ православнымъ и немыслимо, чтобы онъ посвятилъ католика въ архіереи. Но Лигаридъ не могъ примириться съ такимъ чувствительнымъ для него убыткомъ. И вотъ начинается длинный рядъ неустанныхъ просьбъ съ увѣреніями въ преданности, съ оправданіями всякаго рода. Нѣкоторые отголоски этихъ домогательствъ дошли до насъ.

Такъ въ 1655 году, Лигаридъ, обращаясь къ Пропагандѣ, впервые, кажется, именуетъ себя газскимъ митрополитомъ и проситъ о выдачѣ якобы неправильно задержаннаго жалованья. Ему отвѣтили, что Пропаганда никакого газскаго митрополита не признаетъ, а что онъ, Лигаридъ, много странствуетъ и мало работаетъ въ духѣ своего призванія. Нисколько не смущенный, и не отрекаясь отъ своего архіерейства, Лигаридъ заявилъ, что его епархія въ долгахъ, что онъ желаетъ ихъ уплатить, и потому разъѣзжаетъ съ цѣлью изысканія необходимыхъ для этого средствъ.

Въ 1658 году, новое письмо къ Пропагандѣ и новая просьба, разумѣется, денежная. Чувствуя, однакожъ, что ему болѣе не довѣряютъ, Лигаридъ заручился свидѣтельствомъ софійскаго архіепископа, Петра Адеодата, вѣдомству котораго подлежали тогда молдо-валахскіе католики. Этотъ духовный сановникъ пишетъ, что Лигаридъ состоитъ при князѣ богословомъ, исповѣдникомъ и проповѣдникомъ. Трудно опредѣлить, какой именно князь здѣсь подразумѣвается, при частыхъ переходахъ дѣйствующихъ лицъ изъ Молдавіи въ Валахію. Далѣе, о Лигаридѣ утверждается, что онъ помнитъ кто его вскормилъ, что, по возможности, служитъ церкви, и, участвуя въ мѣстномъ соборѣ, ратовалъ за введеніе благихъ

преобразованій, хотя изъ осторожности и не упоминалъ о соединеніи церквей.

При такомъ похвальномъ отзывѣ легче было защищаться, и за этимъ дѣло не стало. Газскій митрополитъ упорно выдавалъ себя за католика, увѣряя, что никогда не отрекался отъ католической вѣры, и ссылаясь на гвардіана францисканцевъ въ Іерусалимѣ, отца Малько. Выборъ этого свидѣтеля былъ крайне неудаченъ. Посвященіе Лигарида происходило дѣйствительно предъ его глазами, и, на запросъ Пропаганды, онъ, не запинаясь, отвѣтилъ, что оно было не что иное, какъ величайшій соблазнъ для всего Іерусалима. Вслѣдствіе такой провѣрки, Пропаганда встревожилась, дала объ этомъ знать въ Молдо-Валахію и всячески старалась заманить Лигарида въ Римъ. Лигаридъ же уѣхалъ въ Москву.

II.

Этотъ отъѣздъ состоялся при слѣдующей обстановкѣ. Послѣ счастливаго начала много невзгодъ обрушилось на Лигарида въ Молдо-Валахіи. Хотя онъ, по свидѣтельству Павла Алеппскаго, и занимался ученымъ дѣломъ, составилъ даже о пророчествахъ замысловатую книгу, передъ которой благоговѣлъ архіепископъ антіохійскій, Макарій [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, кажется, вдался въ политику, участвовалъ въ заговорахъ и подвергался неминуемымъ послѣдствіямъ такихъ смѣлыхъ шаговъ. По всему этому можно предположить, что ему было на-руку удалиться изъ Молдо-Валахіи, а Россія была у него намѣчена съ давнихъ временъ.

Еще будучи въ Римѣ, онъ могъ много наслышаться о ней. Одновременно съ нимъ въ коллегіи св. Аѳанасія были малороссы, бѣлоруссы, литовцы. Нѣкоторые изъ нихъ были базиліане, другіе предназначались для бѣлаго духовенства.

[1]) Муркосъ, Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, вып. 3, стр. 199; вып. 5, стр. 27.—Palmer, т. Ш, стр. 7.

Между прочими выдавались Гаврiилъ Коленда, будущiй митрополитъ русскiй, Пахомiй Оранскiй, Андрей Слоти, Алексѣй Дубовица, занявшiе впослѣдствiи высшiя духовныя должности. Въ сожитiи съ ними, бесѣды о Россiи напрашивались сами собою. Имѣется письмо Лигарида къ Аллацiю, гдѣ онъ обстоятельно говоритъ объ Іосафатѣ Кунцевичѣ, тогда еще не причисленномъ къ лику святыхъ, и выказываетъ хорошее знакомство съ унiею [1]).

Іерусалимскiй патрiархъ, Паисiй, бывшiй въ личныхъ сношенiяхъ съ московскимъ дворомъ, вѣроятно, еще болѣе возбудилъ его любознательность. Положительно извѣстно, что Лигаридъ говорилъ съ Сухановымъ о Никонѣ, изъявляя желанiе познакомиться и сблизиться съ нимъ. Такое желанiе пришлось Никону по сердцу. Онъ нуждался въ ученыхъ духовнаго званiя для исправленiя богослужебныхъ книгъ, и 1-го декабря 1657 года письменно обратился къ Лигариду съ приглашенiемъ прiѣхать въ Москву, а къ молдо-валахскимъ властямъ съ просьбою облегчить этотъ отъѣздъ. Но газскiй митрополитъ почему-то тогда не принялъ лестнаго приглашенiя, и только пять лѣтъ спустя, въ 1662 году, отправился въ Москву при совсѣмъ другихъ обстоятельствахъ.

Нѣкогда всемогучiй патрiархъ впалъ въ немилость у царя. Церковный вопросъ въ Россiи крайне запутался. Тутъ, званый или незваный, явился Лигаридъ, и, примкнувъ къ боярской партiи и къ сильнымъ мiра сего, сталъ злѣйшимъ врагомъ того же Никона, котораго прежде всячески превозносилъ.

Въ задачу настоящаго очерка не входитъ описанiе участiя Лигарида въ осужденiи патрiарха всея Руси, не разъ подробно и отлично сдѣланное. Нечего также повторять то, что Каптеревъ, на основанiи греческихъ статейныхъ списковъ,

---

[1]) Palmer, т. III стр. 5.

мастерски изложилъ о его корыстолюбіи [1]). Пріѣхавъ въ Москву съ подложными грамотами, газскій митрополитъ вскорѣ добился особаго почета. Если Алексѣй Михайловичъ его и не слушалъ, «какъ пророка», по выраженію Никона, то, конечно, очень долгое время подчинялся его вліянію и слѣдовалъ его совѣтамъ. А Лигаридъ пользовался своимъ положеніемъ, чтобы выманивать деньги и обогащаться легкою наживою. И къ какимъ только средствамъ не прибѣгалъ этотъ жалкій «богомолецъ»! Онъ былъ не обыкновенный попрошайка или дилеттантъ нищенства, а мастеръ своего дѣла. Оно ведется у него сознательно, систематически, съ какимъ-то художествомъ и какъ бы безъ зазрѣнія совѣсти. Онъ проситъ для себя и для своихъ служекъ, для племянника и для... лошадей. Царю приходится выкупать христіанъ отъ турокъ, погашать епархіальные долги, выплачивать султану дань, размѣнивать мѣдныя деньги на серебряныя, снабжать архіепископа одеждою, саккосомъ, митрою и домашнимъ обиходомъ. Поочередно выпрашиваются карета, сани, лошади, кормъ, дрова и соль. И этого еще мало! Лигаридъ торгуетъ соболями, узорочнымъ товаромъ, каменьями, занимается маклерствомъ, беретъ взятки, дѣлаетъ доносы и насилія, чтобы добыть лишнюю копѣйку, хотя онъ и живетъ на царскомъ содержаніи въ 361 рубль ежегодно. Два раза онъ отправляется на Востокъ; ему уплачиваютъ заранѣе путевыя издержки, и каждый разъ онъ ѣдетъ не далѣе Кіева. Новый іерусалимскій патріархъ, Нектарій, дважды его проклинаетъ, Алексѣй Михайловичъ вступается безустанно за него, и только напослѣдокъ является сомнѣніе въ нравственномъ достоинствѣ Лигарида.

Для насъ особенно интересны его отношенія къ Риму во время пребыванія въ Россіи. Страннымъ образомъ Никонъ и Лигаридъ взаимно обвиняли другъ друга въ латинствѣ.

---

[1]) Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку, стр. 181 и слѣд.

Газскій митрополитъ явно открещивался отъ папы, а тайкомъ усердно заискивалъ у него.

Денежный бѣсъ не давалъ покоя даровитому греку. Очень скоро послѣ пріѣзда въ Москву, въ 1662 году, онъ обратился къ Пропагандѣ и къ варшавскому нунцію Пиньятелли, который впослѣдствіи былъ папою подъ именемъ Иннокентія XII [1]). Несмотря на царскія милости, Лигаридъ скорбѣлъ о потерѣ римскаго пособія. Узнавъ, какія именно обвиненія взводились на него, онъ спѣшилъ представить соотвѣтствующее оправданіе. Главное обвиненіе сводилось на его самозванное архіерейство. Объ этомъ онъ предпочиталъ молчать и настаивалъ на обстоятельствахъ своего посвященія, увѣряя, что все происходило по законному восточному обычаю, что онъ топталъ ногами не изображеніе папы и кардиналовъ, а двуглаваго орла въ знакъ неустрашимости предъ царями, когда защищаются права церкви. Впрочемъ, онъ былъ готовъ и на покаяніе въ случаѣ ошибки, а между тѣмъ своихъ клеветниковъ отлучалъ отъ церкви. Послѣ оправданія слѣдовалъ разсказъ о перенесенныхъ трудахъ и всякаго рода гоненіяхъ. А неизбѣжнымъ исходомъ такихъ рѣчей была убѣдительная грошевая просьба съ обѣщаніемъ остаться навсегда неизмѣннымъ приверженцемъ Рима.

Слабая сторона Лигаридовыхъ грамотъ слишкомъ ярко бросалась въ глаза, чтобы пройти незамѣченною. Пропаганда подчеркнула ихъ финансовый характеръ. Тѣмъ не менѣе рѣшились навести новыя справки. Самому же Лигариду отвѣтили, что за Пропагандой дѣло не станетъ, коль скоро онъ самъ раскается насчетъ своего прошлаго и будетъ поступать впредь какъ истинный католикъ.

Несмотря на сдержанную суровость этого отвѣта, газскій митрополитъ не унывалъ. Онъ даже до того отличался своимъ усердіемъ, что польскій король обратился къ нему по поводу

---

[1]) Legrand, т. IV, стр. 57.

соединенія церквей. Эта новая попытка совершилась при странныхъ условіяхъ.

Для подтвержденія андрусовскаго перемирія, два польскихъ посла, Станиславъ Бѣневскій и Кипріанъ Брестовскій, пріѣхали въ Москву въ 1667 году. Довольно неожиданно, послѣ тринадцатилѣтней войны изъ-за религіозныхъ цѣлей, приправленныхъ, конечно, политикою, при заключеніи перемирія, разнесся слухъ о церковномъ сближеніи. Виновниками такихъ иллюзій были, кажется, польскіе послы. Имъ повѣрили на-слово сперва францискане, а потомъ и самъ король Янъ-Казиміръ. Съ той и съ другой стороны рѣшились на нѣкоторыя мѣропріятія.

Одинъ изъ пословъ, глухо называемый польскимъ комиссаромъ, сообщилъ монаху fra Mario da Lucca самыя утѣшительныя вѣсти о Московіи [1]). По его словамъ, тамъ открывалось широкое поле для духовной дѣятельности. Насильственно перекрещенные охотно бы вернулись, еслибъ имѣли священника для исполненія требъ. При томъ дозволенъ проѣздъ въ Персію, а черезъ Персію можно добраться до Тартаріи. Таковы были задатки успѣха въ будущемъ.

Какъ разъ въ то же время францискане отправляли свой генеральный капитулъ. Польскіе отцы внесли докладъ о Московіи, дошедшій до насъ только въ извлеченіи, гдѣ дѣло представлялось въ еще болѣе привлекательномъ видѣ. Въ немъ утверждалось, между прочимъ, что Алексѣй Михайловичъ отличается отъ своихъ предшественниковъ бóльшею мягкостью, дозволяетъ свободное исполненіе вѣры и возвращеніе литовскихъ монаховъ въ свои монастыри. Въ виду такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, Mario da Lucca предлагалъ Пропагандѣ образовать московскую миссію и назначить миссіонеровъ изъ францисканскаго ордена. Онъ даже выработалъ свой планъ и намѣтилъ своего кандидата. Но Пропаганда не вы-

---

[1]) Архивъ Пропаганды, т. 31, Acta, 1667, л. 176, nº 13.

казала поспѣшности и ограничилась тѣмъ, что передала всѣ эти соображенія варшавскому нунцію для свѣдѣнія. Этимъ все и кончилось.

Польскій король, Янъ-Казиміръ, взялся за это дѣло гораздо энергичнѣе [1]). Въ январѣ 1668 года, нунцій Пиньятелли передавалъ изъ Варшавы такого рода вѣсти: польскіе послы въ Москвѣ имѣли тайный разговоръ съ Ордынъ-Нащокинымъ, который предлагалъ сліяніе Россіи съ Польшею подъ условіемъ, чтобъ кандидатомъ на престолъ объединеннаго государства былъ русскій. Завѣтная мысль! О томъ же мечталъ когда-то Иванъ Грозный, и такую же точно мечту Стефанъ Баторій перелагалъ на польскій ладъ. Историческое чутье подсказывало выдающимся дѣятелямъ, что полякамъ и русскимъ вмѣстѣ не ужиться, что настанетъ роковой часъ поглощенія одной стороны другою.

Алексѣй Михайловичъ возобновилъ съ послами тотъ же разговоръ и совѣтовалъ переговорить съ восточными іерархами для устраненія вѣроисповѣднаго препятствія.

Два патріарха пребывали тогда въ Москвѣ: Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій съ своимъ сыномъ Павломъ Алеппскимъ. Вызванные по извѣстному дѣлу патріарха всея Руси, Никона, который и былъ ими низложенъ, они являлись вѣрными подручниками царя и всецѣло подчинялись вліянію двора.

Въ исполненіе царскаго совѣта послы свидѣлись съ патріархами, которые отнеслись очень одобрительно къ мысли о соединеніи церквей. Свидѣлись они также съ Лигаридомъ или по собственному почину или, что вѣроятнѣе, по указанію свыше. Сначала пословъ нѣсколько озадачило осужденіе Никона, ибо говорилось, что его погубила любовь къ латинству. Но потомъ—если судить по королевскимъ грамотамъ и де-

---

[1]) Theiner, Monuments historiques, стр. 52 и слѣд., n⁰ XXII, XXIII, XXIX, XXXI, XXXIII.—Vetera Monumenta Poloniae, т. III, стр. 572, n⁰ DLXXIX.

пешамъ нунція, ибо личные ихъ доклады намъ неизвѣстны — они какъ-то измѣнили свое мнѣніе и, въ виду хорошихъ расположеній царя и духовенства, надѣялись на успѣхъ.

Янъ-Казиміръ увлекся величіемъ предложеннаго замиренія. Передъ глазами его блеснула картина единой вселенской церкви, умиротворенной его стараніями. Онъ поручилъ епископамъ и сенаторамъ переговорить съ нунціемъ, а самъ, 28 марта 1668 года, письменно обратился къ восточнымъ патріархамъ, къ Лигариду и къ царю Алексѣю. Вспомнивъ, что самъ когда-то принадлежалъ къ духовному званію, онъ подробно изложилъ свои богословскія соображенія въ письмѣ къ патріархамъ, Лигариду напомнилъ пребываніе въ Римѣ, а царю предложилъ созвать въ Москвѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, русскихъ и польскихъ епископовъ для всесторонняго обсужденія вопроса. И не теряя времени, онъ просилъ примаса собрать подходящій матеріалъ, а съ своей стороны извѣстилъ папу Климента IX о своихъ надеждахъ.

Между тѣмъ нунцій Пиньятелли нѣсколько обидѣлся [1]). Вѣроятно, его сначала обошли, не предупредивъ во-время. Это могло его озадачить, ибо 29-го февраля онъ самъ представилъ обширный докладъ о московскихъ дѣлахъ, гдѣ излагалъ смѣлыя надежды польскихъ пословъ и кой-какія соображенія доминиканца Лудвига Ширецкаго, бывшаго около тринадцати лѣтъ въ московскомъ плѣну и хорошо знакомаго съ газскимъ митрополитомъ. Несмотря на предостереженіе нунція, что русскіе преслѣдуютъ, пожалуй, политическіе, а не церковные интересы, въ Римѣ отнеслись къ этимъ извѣстіямъ съ большимъ вниманіемъ и назначили особую московскую комиссію изъ кардиналовъ Киджи, Видони, Роспигліози и Аззолино. Единовременно Янъ Казиміръ, какъ будто заду-

---

[1]) Архивъ Пропаганды, Scritture originali, т. 442, л. 233, 29-го февраля 1688 г., депеша Пиньятелли; Lettere circa il Settentrione, т. 50, л. 52, 56; Scritture riferite, Moscovia, т. I, л. 303, nº 11 1668 11-го апрѣля, Янъ-Казиміръ кардиналу Орсини.

мывалъ новый флорентійскій соборъ на русско-польской подкладкѣ. Въ такой затѣѣ иниціатива принадлежала папѣ, а безъ его вѣдома не слѣдовало созывать соборъ. Познакомившись съ письмомъ короля къ царю, нунцій одобрилъ только содержаніе, а не внѣшнюю форму, и чрезъ французскаго посланника Пьера де-Бонзи, епископа Безьера, сильно жаловался королю.

Янъ-Казиміръ сдался на представленія нунція. Немедленно курьеръ былъ отправленъ, чтобъ воротить съ дороги уже высланное въ Москву письмо. Вмѣстѣ съ тѣмъ король заявилъ кардиналу Орсини, протектору Польши, что впредь ничего не будетъ дѣлаться безъ содѣйствія нунція, и что папѣ слѣдуетъ самому освѣдомляться о московскихъ расположеніяхъ. Отвѣчая, вѣроятно, на недосказанныя опасенія, онъ прибавилъ, что если и будетъ самъ заниматься этимъ дѣломъ, то не иначе, какъ съ устраненіемъ политическихъ цѣлей.

Такимъ образомъ Янъ-Казиміръ какъ бы сдавалъ все дѣло на попеченіе папы. Однакожъ письмо его, помѣченное въ новой редакціи 11-мъ апрѣля, все-таки было послано и дошло до царя Алексѣя Михайловича[1]). Въ Москвѣ же вовсе не торопились съ отвѣтомъ. Пріѣзжавшіе въ Варшаву послы отмалчивались. Наступило полное затишье.

Напротивъ того, въ Римѣ не желали останавливаться на полпути и бросить дѣло не конченнымъ. Нунцію Пиньятелли дали соотвѣтствующія предписанія, которыя онъ не успѣлъ исполнить и передалъ своему преемнику по должности, Марескотти, архіепископу Коринѳскому. Обращаться прямо къ русскому правительству было не ловко. Нашелся посредникъ въ лицѣ выше упомянутаго доминиканца, Лудвига Ширецкаго; 20-го іюня 1668 года, секретнымъ путемъ, онъ выслалъ письмо Лигариду съ запросомъ о ходѣ дѣла и съ просьбою о добромъ совѣтѣ. При этомъ дѣлались

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. 3, стр. 141.

внушительные намеки на заслуги передъ Богомъ и передъ папою, на дѣятельное участіе нунція, который дѣйствительно доносилъ обо всемъ кардиналу Роспиглiози.

Лигаридъ получилъ это письмо въ тяжелое для него время и, надо признаться, отвѣтилъ, 25-го сентября 1668 года, трезво, хотя и не безкорыстно. По его мнѣнію, положеніе было отчаянное. Изъ двухъ, якобы склонныхъ къ единенію, патріарховъ, одинъ совершенно отступился, а другой приготовлялся къ отъѣзду; самъ же Алексѣй Михайловичъ слишкомъ занятъ другими дѣлами. Въ силу этого Лигаридъ выдавалъ себя за единственнаго ревнителя и поборника соединенія церквей въ Москвѣ. Къ несчастію, онъ находился тогда подъ анаѳемою іерусалимскаго патріарха, Нектарія, безъ всякой надежды избавиться отъ нея. Поэтому онъ сознается, что затѣянное дѣло не только трудно, но даже невозможно. Тѣмъ не менѣе, неустрашимо возобновляетъ обычную просьбу о денежномъ пособіи. Онъ никакъ не могъ забыть, что когда-то получалъ отъ Пропаганды жалованье.

Такъ, кажется, эта попытка и канула въ воду. Далѣе не встрѣчается никакихъ слѣдовъ участія Лигарида или Яна-Казиміра въ пресловутомъ соединеніи церквей. Въ 1676 году газскій митрополитъ обратился къ кардиналу Барберини, но уже по порученію русскаго правительства и съ совѣтомъ признавать царскій титулъ только что вступившаго на престолъ Ѳедора Алексѣевича. О томъ же писалъ онъ и архіепископу Гранскому Георгію Szelepsény [1]). Оба письма находятся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, но дошли ли они въ свое время до своего назначенія, остается неизвѣстнымъ.

---

[1]) Письмо Лигарида писано на латинскомъ языкѣ. Онъ правильно перевелъ Гранъ-Strigonium и употребилъ латинскую форму Celepsinus. Вмѣсто того, съ легкой руки Бантышъ-Каменскаго, даже у Каптерева (стр. 205) является „стриганійскій архіепископъ Келефино“.

Въ Римѣ долгое время не могли забыть объ этомъ происшествіи, и между прочимъ даже высказывалось мнѣніе, что пропущенъ былъ удобный случай сближенія съ русскимъ дворомъ. Въ такомъ именно смыслѣ кардиналъ Альбани говорилъ однажды въ Пропагандѣ [1]). 26-го февраля 1697 года, въ своемъ, докладѣ о Московіи онъ утверждалъ, что впавшій въ подозрѣніе Лигаридъ относился однакожъ съ уваженіемъ къ римской Церкви, и потому Альбани сожалѣлъ, что ему не было оказано болѣе предупредительности. Въ связи съ посольствомъ Менезія, онъ даже предполагалъ, что, пожалуй, удалось бы установить постоянныя сношенія съ Москвою и назначить туда папскаго представителя.

Никто не противорѣчилъ словамъ кардинала. Для насъ теперь ясно, что, несмотря на свои дарованія, Лигаридъ ничего полезнаго не создалъ въ Россіи, ничего дѣльнаго по себѣ не оставилъ. Будучи не что иное, какъ орудіе въ рукахъ царя для низложенія Никона, онъ довольствовался своимъ жалкимъ положеніемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ его корыстолюбивымъ видамъ. Въ пользу Рима онъ также ничего не сдѣлалъ и сдѣлать не могъ. Не говоря о внѣшнихъ препятствіяхъ, ему самому недоставало искренности и твердости. Подъ небомъ Востока, въ удручающей борьбѣ, исчезли мало-по-малу тѣ благіе задатки, каторые прежде успѣшно развивались въ коллегіи св. Аѳанасія. Новая среда погубила Лигарида.

---

[1]) Архивъ Пропаганды, Acta, 1697, л. 36, nº 16, засѣданіе 26-го февраля 1697 года.—Cerri, État présent de l'Église romaine, стр. 52.

Французскій іезуитъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи [1]).

Порученіе о сухопутномъ сообщеніи между Франціею и Китаемъ. — Авриль и Барнабе. — Междоусобицы въ Бухарѣ. — Въ Астрахани. — Окольничій Горчаковъ. — Плаваніе по Волгѣ. — Пребываніе въ Москвѣ. — Добытыя свѣдѣнія. — Высылка изъ Россіи.— Авриль въ Польшѣ.—Гибель Барнабе.—Его преемникъ Боволье.—На сеймѣ въ Гродно.—Въ Кадзинѣ.— Въ Москвѣ. — Предложеніе выѣхать немедленно.—Отсрочка на двѣ недѣли.— Въ Константинополѣ.—Болѣзнь и возвращеніе во Францію. — Изданіе путешествія.—Гнѣвъ царя Петра.—Переписка генерала Гордона.—Смерть Авриля.

Въ концѣ XVII-го вѣка, Общество Іисуса задалось мыслью отыскать сухопутное сообщеніе между Франціею и Китаемъ. Цѣль была при этомъ практическая. Христіанская вѣра вмѣстѣ съ европейскою наукою проникла въ небесную имперію и распространялась въ ней, а добраться до нея, при тогдашнихъ условіяхъ океанскаго плаванія, было весьма затруднительно, и многіе миссіонеры погибали, не достигнувъ своего назначенія. Можно было надѣяться, что на сушѣ путешествіе подвергалось бы менѣе опасностямъ, чѣмъ на морѣ. Вотъ почему орденское начальство поручило Филиппу Аврилю заняться этимъ вопросомъ и попытаться найти желаемый путь. Для разрѣшенія данной задачи Авриль два раза являлся въ Москвѣ. Вынесенныя оттуда впечатлѣнія онъ откро-

---

[1]) Перепечатано изъ Русской Старины, 1902 г., сентябрь, стр. 473 - 483.

венно изложилъ въ Своемъ «Путешествіи» [1]). Эта книга взволновала генерала Гордона и обидѣла царя Петра Алексѣевича. Такимъ образомъ, разысканія китайскаго пути кончаются довольно неожиданно царскимъ гнѣвомъ. Это можно прослѣдить документально.

Прежде всего, Аврилю предстояло соединиться съ назначеннымъ для него товарищемъ, который пребывалъ на Востокѣ. Онъ выѣхалъ изъ Ливорно 13-го января 1685 года и высадился въ Александреттѣ, гдѣ, мимоходомъ сказать, существовала превосходная голубиная почта. Отправившись оттуда въ Діарбекиръ, онъ нашелъ тамъ своего собрата Луи Барнабе, которому и объявилъ о данномъ имъ обоимъ порученіи. Трудно себѣ представить, какъ возликовалъ при этомъ отецъ Барнабе! Онъ когда-то представлялъ власть имущимъ записку о сухопутномъ сообщеніи съ Китаемъ и, послѣ Вербиста, едва-ли не первый между іезуитами не только мечталъ о немъ, но и серьезно его обдумывалъ. Теперь же ему приходилось приступить вмѣстѣ съ Аврилемъ къ практическому исполненію любимаго плана. Оба взялись за дѣло съ восторгомъ. Ихъ одушевляла и поддерживала мысль, что они будутъ какъ бы проводниками всѣхъ послѣдующихъ за ними миссіонеровъ и ученыхъ.

Само по себѣ предпріятіе было не легкое, особенно въ виду недостатка необходимыхъ свѣдѣній. Наши путешественники рѣшились ѣхать прямо въ Астрахань и тамъ добывать языка. Это имъ удалось какъ нельзя лучше. Присоединившись къ армянскимъ купцамъ, они проникли въ Персію, поплыли по Каспійскому морю и благополучно достигли намѣченнаго порта. При въѣздѣ особыхъ препятствій не было: оба носили восточную одежду и не выдавали своего званія;

---

[1]) Voyage en divers Etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine. Paris, 1692.—Другія изданія перечислены у Аделунга, Kritisch-Literärische Uebersicht der Reisenden in Russland, т. II, стр. 376.

къ тому же отецъ Барнабе слылъ за медика, ибо, имѣя кое-какія медицинскія познанія пользовалъ при случаѣ больныхъ.

Расчетъ ихъ оказался вѣрнымъ. Въ Астрахани велась бойкая торговля; со всѣхъ сторонъ стекались иноземные купцы, которымъ всевозможныя дороги были хорошо знакомы. Что на Западѣ только подозрѣвали, то знали здѣсь навѣрное и по опыту—именно, что сухопутная дорога въ Китай несравненно короче и удобнѣе морской. Надо вспомнить, что тогда изъ Тулона или Марселя въ Пекинъ плаваніе длилось около двухъ полныхъ лѣтъ. Между тѣмъ, бухарскій купецъ, посѣтившій четыре раза Китай, увѣрялъ, что для поѣздки изъ Бухары въ Пекинъ не требуется болѣе двухъ мѣсяцевъ, а какой-то монахъ, имя котораго не приводится, сообщилъ Аврилю дневникъ трехъ купцовъ, дошедшихъ изъ Астрахани въ Пекинъ, чрезъ Бухару и Самаркандъ, въ сто одиннадцать дней. Эти письменныя данныя совпадали съ изустнымъ показаніемъ выше упомянутаго бухарскаго купца; они взаимно провѣрялись, и потому на нихъ можно было до нѣкоторой степени полагаться.

Руководствуясь такими соображеніями, оба іезуита постановили ѣхать въ Пекинъ чрезъ Бухару и Самаркандъ, вмѣстѣ съ русскими купцами, которые довели бы ихъ до Самарканда, а тамъ нашлись бы другіе проводники. Ближайшія приготовленія уже были сдѣланы, когда пришлось отказаться отъ этого маршрута, вслѣдствіе возникшихъ мѣстныхъ усобицъ, не дозволявшихъ и думать о безопасномъ проходѣ въ Бухару.

Такимъ образомъ, рушился первый планъ; предстояло искать другой исходъ. Очень кстати пришло извѣстіе, что китайскіе купцы находятся въ Москвѣ, и что въ концѣ зимы они пускаются въ обратный путь, въ свое отечество. Казалось, лучшаго случая и желать было невозможно. Стоило только пробраться въ Москву, а тамъ ужъ можно было бы устроиться съ китайскимъ караваномъ. Рѣшено такъ и сдѣ-

лать. О бюрократическихъ формальностяхъ вовсе не заботились, только бы получить «паспортъ», какъ выражался Авриль, отъ астраханскаго воеводы.

Но здѣсь то и начинаются мытарства нашихъ путешественниковъ. Въ Астрахани воеводствовалъ тогда окольничій, князь Борисъ Васильевичъ Горчаковъ [1]), человѣкъ не злой, подчасъ сговорчивый, но привыкшій къ крѣпкимъ напиткамъ и очень дорожившій сохраненіемъ своего здоровья. Армянскіе купцы, которые сами отправлялись въ Москву, согласились посредничать у него въ пользу своихъ бывшихъ спутниковъ. Они расхвалили французовъ, ѣхавшихъ въ Китай для Божія дѣла, упомянувъ, между прочимъ, о врачебномъ искусствѣ отца Барнабе. Это пришлось воеводѣ какъ разъ на-руку. Тайное его намѣреніе скоро выяснилось. Дѣло сложилось такъ: іезуиты просили «паспортъ» и спѣшили уѣхать, а князь Горчаковъ хотѣлъ ихъ задержать на вѣчныя времена въ качествѣ своихъ лейбъ-медиковъ. Открыто онъ этого не высказывалъ; онъ просто морочилъ своихъ гостей—прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ, толковалъ объ обращеніи язычниковъ и даже объ умиротвореніи съ Римомъ, а желаемаго позволенія не выдавалъ.

Потерявъ, наконецъ, терпѣніе, іезуиты смѣло и грозно объяснились съ воеводою. Онъ умилостивился, пошелъ на уступки, потомъ прислалъ даже «паспортъ», но при самомъ отъѣздѣ, когда Авриль и Барнабе уже были на палубѣ судна, велѣлъ имъ возвратиться въ городъ и запретилъ кому-либо ихъ вывозить.

Положеніе становилось критическое. Тщетно хлопотали армянскіе купцы; и надо было искать другихъ посредниковъ. Наши путешественники были дружны съ мѣстнымъ архіереемъ Савватіемъ, часто приглашавшимъ ихъ для присутствія на службѣ, и съ какимъ-то игуменомъ, котораго они изба-

---

[1]) Александръ Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ, стр. 12.

вили отъ несноснаго глиста длиною въ полтора аршина. Возложивъ свою надежду на этихъ лицъ, они слезно умоляли ихъ о ходатайствѣ. Противъ такихъ заступниковъ воевода не устоялъ и, скрѣпя сердце, далъ требуемое разрѣшеніе. 19-го октября іезуиты отплыли вверхъ по Волгѣ, послѣ почти четырехмѣсячной задержки въ Астрахани, гдѣ они много претерпѣли всякаго рода лишеній и невзгодъ.

Таковъ разсказъ Авриля. Онъ сваливаетъ всю вину на воеводу, но врядъ ли ближайшая обстановка была ему знакома. Въѣздъ въ Москву былъ всегда недоступенъ для духовныхъ лицъ; необходимое позволеніе предоставлялось только высшей власти. Можно лишь удивляться, что князь Горчаковъ не уклонился отъ такой отвѣтственности, зная очень хорошо, что его гости не были обыкновенными путешественниками.

Плаваніе по Волгѣ не обошлось безъ приключеній. Безпечные моряки такъ усердно разводили огонь для варки пищи, что самое судно, нагруженное рыбою, загорѣлось. Пассажиры едва спаслись; они высадились на берегъ, гдѣ и просидѣли двое сутокъ, пока другое проходящее судно не выручило ихъ изъ бѣды. Вслѣдъ за опасностью отъ огня настала опасность отъ воды или вѣрнѣе отъ льда. Задулъ холодный сѣверный вѣтеръ, рѣка стала замерзать, и недалеко отъ Саратова движеніе впередъ оказалось невозможнымъ. Что было дѣлать? Неустрашимый Барнабе отправился съ проводниками пѣшкомъ по льду въ Саратовъ, откуда вернулся съ припасами и съ санями, такъ что оставшіеся на мѣстѣ получили возможность, подкрѣпившись, перебраться въ Саратовъ. Потребовалось еще пять недѣль для проѣзда до Москвы. Полузамерзшіе и усталые іезуиты вступили въ столицу только около половины января 1687 года.

Новый и для нихъ незнакомый міръ открылся передъ ними. Хотя въ Москвѣ и находились уже два-три іезуита, но положеніе ихъ было не совсѣмъ прочное. Они были допу-

щены въ Москву по просьбѣ императора Леопольда I-го, въ качествѣ цесарскихъ каплановъ, но ихъ пребываніе въ Россіи зависѣло отъ произвола правительства. Предупрежденные заранѣе о пріѣздѣ своихъ собратьевъ, они ихъ приняли радушно; но, какъ австрійскіе подданные, не могли офиціально вступаться за французовъ. Новопріѣзжимъ пришлось дѣйствовать на свой страхъ. Дѣло имъ казалось очень просто, а въ глазахъ московскихъ властей оно было крайне сложно, даже таинственно и, въ полномъ смыслѣ слова, дѣло государственное. Съ давнихъ временъ папа и цесарь требовали свободнаго прохода для миссіонеровъ на Востокъ; еще въ минувшемъ году, при заключеніи мира, король польскій, Янъ Собѣскій, домогался того же—русскіе дипломаты дорожили этой статьею, чтобы выманивать соотвѣтствующія выгоды.

Наши французы ничего подобнаго не подозрѣвали, когда имъ посовѣтовали, какъ и слѣдовало, обратиться къ князю Василію Васильевичу Голицыну. Немедленно послѣ пріѣзда, въ дорожномъ, восточномъ платьѣ, они отправились къ боярину, который стоялъ тогда на верху своего могущества. Несчастные крымскіе походы были еще впереди; Кіевъ съ Приднѣпровьемъ уже достались Россіи, ничего не препятствовало сердечнымъ отношеніямъ Голицына къ Софьѣ Алексѣевнѣ. Онъ принялъ французовъ благосклонно, выказалъ участіе и обѣщалъ содѣйствіе. Однакожъ, ради установленнаго обычая, требовалъ, чтобы пріѣзжіе представились въ посольскій приказъ.

Было уже поздно. Несмотря на свое утомленіе, іезуиты подчинились предписанію. Въ приказѣ ихъ окружили три, четыре дьяка и, усадивъ, стали разспрашивать и записывать отвѣты. Четыре битыхъ часа, отъ семи до одиннадцати, длилось «это мученіе». Не иначе обошлись бы съ опасными преступниками, только въ добавокъ дѣлались еще многіе пустые вопросы. Рѣшеніе не могло сейчасъ послѣдовать, для него собирались предварительныя свѣдѣнія.

Между тѣмъ, не теряя времени, іезуиты отыскали упомянутыхъ выше китайскихъ купцовъ, которые оказались пограничными съ китайцами татарами. Хорошо зная дорогу въ Москву и Пекинъ, куда попеременно хаживали, они сообщили цѣнныя показанія, подтвержденныя потомъ русскими купцами и склоняющіяся къ тому, что сибирскій путь въ Китай самый краткій и самый удобный.

Еще важнѣе и гораздо обстоятельнѣе были свѣдѣнія, добытыя, неизвѣстно какимъ образомъ, изъ посольскаго или другого какого-либо приказа: Авриль глухо ссылается на «канцелярію». Официальныя сношенія съ правительствомъ оставались на строго законной почвѣ; но тайкомъ дѣлались послабленія, ибо Аврилю доставили изъ этой «канцеляріи» записки Николая Спаѳарія, умнаго и смѣтливаго валаха, переводчика посольскаго приказа, котораго правительство посылало въ Китай въ 1675 — 1677 годахъ [1]). Эти записки содержали свѣдѣнія двоякаго рода. Первыя касались смежныхъ съ китайцами народовъ, за которыми русскіе зорко слѣдили. Эта часть поразила Авриля своимъ сходствомъ съ китайскими, недавно изданными во Франціи источниками, и вообще съ отзывами путешественниковъ. Онъ не усумнился назвать ее достовѣрною. Другія свѣдѣнія относились къ дорогамъ изъ Москвы въ Пекинъ. Такихъ дорогъ оказалось шесть, нѣкоторыя изъ нихъ пролегали чрезъ Сибирь. Все это, по московскимъ понятіямъ, должно было бы оставаться государственною тайною. Самъ Спаѳарій, когда его назначили приставомъ къ де ла-Невиллю, въ 1689 году, охотно разсказывалъ про Китай; но точныхъ указаній не давалъ, якобы изъ опасенія батоговъ [2]).

---

[1]) Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ т. I, стр. 341.—Н. Т. Спаѳарій, Описаніе первой части вселенныя, именуемой Азіи, въ ней же состоитъ Китайское государство. Казань, 1910.

[2]) Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, Paris, MDCXCVIII введеніе, стр. 206, 225 и слѣд.

Въ этихъ разысканіяхъ и въ ожиданіи отвѣта изъ посольскаго приказа прошло болѣе мѣсяца. Можно себѣ представить, какъ сильно іезуиты желали пуститься въ Китай по сибирской дорогѣ и оцѣнить на опытѣ ея выгоды. Но ихъ желанію не суждено было осуществиться. Въ концѣ февраля 1687 года, имъ объявили отвѣтъ въ отрицательномъ смыслѣ. Ѣхать въ Китай имъ не дозволялось подъ тѣмъ предлогомъ, что они не предъявили никакихъ писемъ или свидѣтельствъ отъ своего короля, а незнакомымъ лицамъ такое дозволеніе не выдавалось. Чтобы нѣсколько смягчить само по себѣ крутое рѣшеніе, іезуитамъ предложили ѣхать вмѣстѣ съ княземъ Я. Ѳ. Долгорукимъ, который отправлялся посломъ въ Парижъ, а потомъ вернуться съ надлежащими документами. Такой отвѣтъ сокрушалъ всѣ надежды и разстраивалъ всѣ разсчеты нашихъ путешественниковъ. Они умоляли, чтобы ихъ пощадили ради короля Людовика XIV, но все было тщетно. Самъ Голицынъ объявилъ имъ непреклонную царскую волю: на офиціальномъ языкѣ ихъ просто высылали изъ Москвы [1]).

Не получивъ желаемаго разрѣшенія, іезуиты, съ своей стороны, отказались отъ сопутствованія князю Долгорукому, предугадывая, что положеніе его при французскомъ дворѣ будетъ неловкое. Онъ ѣхалъ съ предложеніями о турецкой войнѣ, а про Францію говорили тогда, что она носитъ тюрбанъ. Австрійскія побѣды надъ полумѣсяцемъ были для нея пораженіями, и вступленіе ея въ христіанскую лигу признавалось немыслимымъ. Кромѣ того, вопреки предупрежденіямъ Авриля, Долгорукій взялъ съ собою значительное количество пуховаго товара, хотя и могъ сообразить, что безпошлинная

---

[1]) Въ „Реэстрѣ дѣламъ духовнымъ иностранныхъ исповѣданій“ Московскаго Главнаго Архива упоминается подъ 4-мъ числомъ января 1687 года „Дѣло о высылкѣ изъ Россіи пріѣхавшихъ изъ Персіи двухъ іезуитовъ Барнабасова и Филиппа Авриля, просившихъ пропустить ихъ чрезъ Сибирь въ Китай“, но самое дѣло, кажется, затерялось.

торговля не будетъ допущена. На дѣлѣ, все такъ и сбылось. Людовикъ XIV уклонился отъ союза противъ Порты, а русскій посолъ надѣлалъ себѣ непріятностей въ таможняхъ.

Несмотря на вѣрную оцѣнку тогдашнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, французскіе іезуиты рѣшились подчиниться предложеннымъ условіямъ; снабдиться королевскими письмами въ Парижѣ и вернуться съ ними въ Москву. Они отправились въ Варшаву, куда пріѣхали 12-го марта 1687 года, и тамъ разстались. Барнабе поѣхалъ въ Парижъ; Авриль, оставшись на мѣстѣ, заручился покровительствомъ французскаго посла Бетюна и былъ удостоенъ королевской аудіенціи въ Яворово. Янъ Собѣскій совершенно обворожилъ іезуита. Увѣнчанный боевыми лаврами, вѣнскій герой выказалъ себя отличнымъ географомъ. Предупрежденный Бетюномъ, онъ первый заговорилъ о Китаѣ и сообщилъ все слышанное отъ думнаго дьяка Протасія Никифорова, бывшаго недавно въ Польшѣ, а передъ тѣмъ посѣщавшаго Китай. Мало того, онъ дозволилъ Аврилю снять копію съ карты китайскихъ дорогъ, составленной д'Абланкуромъ по указаніямъ Никифорова. Эту карту Авриль напечаталъ впослѣдствіи въ своей книгѣ, сознаваясь, однакожъ, что она не точна, и жалѣя, что не могъ ее провѣрить.

Между тѣмъ его постигло внезапное несчастіе: онъ потерялъ своего товарища. Успѣшно выполнивъ данныя ему порученія, Барнабе возвращался моремъ въ Польшу и, не доѣхавъ до Данцига, погибъ во время бури. Съ нимъ погибли и королевскія письма, и математическіе приборы, и всякое добро, предназначенное для китайской миссіи.

Сознавая всю тяжесть этого удара, Авриль, однако же, не палъ духомъ и снова занялся своимъ Китаемъ. Онъ отправился на сеймъ въ Гродно, чтобы тамъ удобнѣе устроить свои дѣла, которыя приняли благопріятный оборотъ: онъ былъ назначенъ королевскимъ математикомъ въ Пекинѣ, ему вручили письмо Людовика XIV для русскихъ царей, Бетюнъ

рекомендовалъ его князю Голицыну, вмѣсто Барнабе къ нему присоединился Анатолій Боволье, наконецъ, графъ Сири взялся проводить его до Пекина.

Для уясненія этого послѣдняго обстоятельства надо познакомиться съ личностью графа Сири. Онъ былъ своего рода проходимецъ, но умный, дѣятельный и честный. Не забывая своихъ личныхъ выгодъ, онъ заботился также о высшихъ народныхъ интересахъ. Родомъ армянинъ или маронитъ, происходившій изъ опальнаго семейства, воспитанный при португальскомъ дворѣ, усвоивъ себѣ нѣсколько восточныхъ и европейскихъ языковъ, онъ пристрастился къ путешествіямъ. Побывавъ во Франціи, Италіи, Германіи, ему захотѣлось взглянуть и на Польшу. Тамъ его приняли на посольскую службу въ Турціи и Персіи, что дало ему возможность посѣтить Москву. Теперь Янъ Собѣскій посылалъ его вторично въ Персію, а Сири очень желалъ сблизиться какъ-нибудь съ Людовикомъ XIV. И вотъ, по настоянію Авриля, ему выдали офиціальное письмо съ порученіемъ довезти до Пекина королевскаго математика изъ іезуитскаго ордена.

Всѣ эти предосторожности были не лишни въ виду неизбѣжныхъ препятствій. Неудача Долгорукаго въ Парижѣ была уже совершившимся фактомъ. Вслѣдствіе этого самъ Авриль сомнѣвался въ успѣхѣ своего предпріятія, но хотѣлъ все-таки попытать счастія. Не упоминая изъ осторожности о Сибири, онъ намѣревался ѣхать въ Астрахань, а оттуда чрезъ Тибетъ въ Пекинъ.

Одновременно съ Аврилемъ отправлялись въ Персію и Иверію, но также чрезъ Москву, нѣкоторые другіе польскіе іезуиты. Ихъ положеніе было надежнѣе, ибо, въ силу договора 1686 года съ Собѣскимъ, они могли требовать свободный пропускъ на Востокъ, что французамъ никакъ не предоставлялось.

Въ такихъ условіяхъ Авриль покинулъ Польшу въ сентябрѣ 1688 года. Ему не удалось сопровождать графа Сири, что повлекло за собою рядъ непріятностей. На русской гра-

ницѣ его не пропустили, и онъ прожилъ три, четыре недѣли въ Кадзинѣ, переписываясь съ смоленскимъ воеводою, ожидая курьера отъ Голицына чрезъ посредство графа Сири. Къ счастію, проѣздомъ въ Москву явился въ Кадзинъ польскій посланецъ Іосифъ Лядинскій. Онъ охотно пришелъ Аврилю на помощь, взялъ его къ себѣ въ качествѣ каплана и благополучно доставилъ въ столицу [1]). Это неожиданное появленіе Авриля возмутило правительство, и немедленно приняты были рѣшительныя мѣры. Графу Сири предложили удалиться и продолжать свой путь, а іезуитамъ Аврилю и Бовольe отдали приказъ выѣхать изъ Москвы, безъ всякаго замедленія.

Тяжело было примириться съ такимъ рѣшеніемъ и повиноваться ему безпрекословно. Авриль обратился къ польскому резиденту Довмонту и, по его совѣту, заявилъ. что онъ привезъ письмо на царское имя отъ Людовика XIV. Это произвело впечатлѣніе, и правительство какъ будто призадумалось. Высылка іезуитовъ была пріостановлена, князь Голицынъ пригласилъ ихъ къ себѣ на аудіенцію.

Довмонтъ присутствовалъ при ней. Королевское письмо было принято съ благоговѣніемъ, по крайней мѣрѣ, наружнымъ. Голицынъ одобрилъ поѣздку въ Китай и, какъ и въ первый разъ, обѣщалъ свое содѣйствіе. Іезуиты вынесли такое убѣжденіе, что онъ лично хорошо къ нимъ расположенъ. Спрашивалось только, хватитъ ли у него силы, чтобъ провести на дѣлѣ свое собственное мнѣніе?

Двѣ недѣли приготовлялся отвѣтъ, и отвѣтъ былъ опять-таки отрицательный. Такой печальный исходъ Авриль приписываетъ проискамъ голландскаго и особенно бранденбургскаго резидента, которые повліяли на бояръ. Самъ же Голицынъ, хотя и старался отмѣнить ихъ рѣшеніе, но не имѣлъ уже прежняго своего авторитета. Первый крымскій походъ

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. III, стр. 159. — Cahen, Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand, Paris, 1911, p. 174.

ему не удался, надо было готовиться ко второму. Какъ разъ въ то время князю подбросили подметное письмо съ угрозами, и даже, по словамъ Авриля, покушались на его жизнь. Понятно, что Голицынъ не смѣлъ выступать рѣшительно. При всемъ этомъ не слѣдуетъ забывать, что были и другія крайне неблагопріятныя обстоятельства. Между Москвою и Китаемъ происходили тогда непріязненныя столкновенія, которыя уладились въ 1689 году при заключеніи Нерчинскаго договора. Такъ какъ онъ оказался невыгоднымъ для русскихъ, что заранѣе предвидѣлось, то неловко было посвящать французовъ въ эти тайны, тѣмъ болѣе, что при китайскомъ дворѣ находились тогда другіе французскіе іезуиты, а Людовикъ XIV не внушалъ къ себѣ особаго расположенія съ русской стороны. Московское правительство согласилось лишь на одну уступку: на отсрочку отъѣзда до конца масляницы, во время которой путешествіе не считалось безопаснымъ.

Авриль воспользовался этимъ временемъ, чтобы собрать матеріалы для намѣченнаго имъ особаго сочиненія о Россіи. А потомъ съ несокрушимою энергіею вернулся къ отыскиванію дороги въ Китай. Не имѣя доступа въ Астрахань, онъ рѣшился направиться въ Константинополь и для этого поѣхалъ въ Варшаву. Тамъ находился, въ качествѣ цесарскаго резидента, тотъ самый Зіеровскій, который такъ усердно хлопоталъ объ іезуитахъ въ Москвѣ. Отъ него онъ надѣялся получить паспортъ для проѣзда въ Константинополь чрезъ Молдавію. Но къ немалому своему удивленію потерпѣлъ отказъ. Впослѣдствіи выяснилось, что Австрія вела глухую борьбу съ Польшей на Дунаѣ и не желала ее оглашать.

Находчивый Авриль не растерялся и обратился съ тою же просьбою къ гетману и русскому воеводѣ Яблоновскому. Лучшаго посредника и покровителя нельзя было найти. Сыновья Яблоновскаго воспитывались у іезуитовъ въ Парижѣ, онъ самъ былъ человѣкъ образованный и религіозный, восточныя дѣла сильно интересовали его. Онъ повезъ Авриля и

Боволье во Львовъ, продержалъ ихъ у себя два мѣсяца, а между тѣмъ снесся съ молдавскимъ господаремъ и надѣлилъ обоихъ путешественниковъ такими письмами, что ихъ повсюду встрѣчали съ большимъ почетомъ. Они доѣхали до Константинополя вполнѣ благополучно.

Здѣсь Авриль задался новыми соображеніями, но его преслѣдовалъ злой рокъ. Вслѣдствіе трудовъ и лишеній, здоровье его пошатнулось, онъ жестоко захворалъ и долженъ былъ вернуться во Францію: 30-го ноября 1689 года, онъ высадился въ Тулонѣ. Онъ такъ и не доѣхалъ до Китая, но узналъ очень многое о китайскихъ дорогахъ.

Приговоренный на нѣкоторое время къ покою, Авриль взялся за перо и составилъ описаніе своего путешествія, которое надѣлало не мало бѣдъ. О Россіи онъ говоритъ относительно мало, ибо намѣревался, какъ уже сказано, написать о ней особое сочиненіе. То, что онъ говоритъ о лживости, грубости, пьянствѣ русскихъ, встрѣчается и у другихъ писателей. Выдается только его отзывъ о Петрѣ. По случаю брака съ Евдокіей Лопухиной, Авриль утверждаетъ, что нѣсколько дней послѣ свадьбы молодой государь заболѣлъ падучею болѣзнью, которая будто бы наслѣдственна въ его семействѣ [1]).

Изданная въ 1692 году [2]) книга Авриля пріобрѣла нѣкоторую извѣстность. Ее перевели на голландскій языкъ, и она попала въ Москву. Кто-то поднесъ ее Петру Алексѣевичу съ указаніемъ на несчастныя слова о падучей болѣзни. Молодой царь такъ вознегодовалъ и такъ оскорбился, что генералъ Гордонъ не на шутку перепугался. Этотъ шотландскій выходецъ былъ, можно сказать, другомъ Петра и вмѣстѣ съ тѣмъ усерднымъ католикомъ. Сгоряча онъ сталъ увѣрять, что книга, пожалуй, подложная, цѣликомъ или въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ то же время, онъ обратился для объясненія къ своему старому знакомому, отцу Шмидту.

---

[1]) Voyage en divers États, стр. 321.

[2]) Упоминаемое Аделунгомъ изданіе 1691 года врядъ-ли когда-либо существовало.

Первый учредитель іезуитскихъ школъ въ Москвѣ пребывалъ тогда въ Браунсбергѣ и переписывался съ Гордономъ, сынъ котораго, Ѳедоръ, воспитывался въ тамошней коллегіи. И вотъ, 6-го апрѣля 1694 года, генералъ Гордонъ пишетъ Шмидту о своихъ семейныхъ дѣлахъ и влагаетъ въ письмо особую записку приблизительно такого содержанія: два года тому назадъ вышла въ Парижѣ книга іезуита Филиппа Авриля, бывшаго проѣздомъ въ Москвѣ, въ которой есть много обиднаго для русскихъ. Всего хуже, да и ложно, то, что авторъ пишетъ о младшемъ государѣ и о его якобы наслѣдственной болѣзни. Царь Петръ изъ-за этого сильно разгнѣвался не только на іезуитовъ, но и на всѣхъ католиковъ, такъ что полагаться на его благосклонность уже нельзя. Упомянувъ потомъ о возможности подлога, Гордонъ сознается, что это только предположеніе съ его стороны, а что доказательствъ у него нѣтъ [1]).

Эта замѣтка взволновала и опечалила отца Шмидта. По правдѣ сказать, Гордонъ слегка преувеличивалъ опасность; ему лично, по крайней мѣрѣ, не угрожала немилость, ибо въ то самое время онъ пировалъ съ Лефортомъ и сопровождалъ царя въ Архангельскъ, но въ сущности было чего бояться. Отецъ Шмидтъ, хотя и не знакомый съ книгою Авриля, однако не пренебрегъ замѣткою Гордона и довелъ ее, 8-го мая 1694 года, до свѣдѣнія орденскаго начальства. По этому поводу завязалась интересная переписка между Римомъ и Парижемъ.

Авторство Авриля было несомнѣнно, отрицать его даже и не думали. Обсуждать дѣло по существу было также немыслимо въ Римѣ. Орденскій генералъ Гонзалезъ повѣрилъ Гордону на слово и поручилъ руководителю восточныхъ миссій въ Парижѣ, въ вѣдомствѣ котораго находился Авриль, позаботиться объ улаженіи этого дѣла. Ему самому каза-

---

[1]) Posselt, Tagebuch des Generals Patrick Gordon, т. II, стр. 443.

лось, что Авриль могъ бы напечатать опроверженіе и объяснить, что посторонніе разсказы ввели его въ заблужденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось, чтобы намѣченное Авриле мъ особое сочиненіе о Московіи было прислано въ Римъ для пересмотра, и заранѣе воспрещались неумѣстныя выходки противъ русскихъ [1]).

Это особое сочиненіе о Москвѣ, вѣроятно, такъ и не появлялось; слѣдовъ его, по крайней мѣрѣ, нигдѣ не находится. Напечаталъ ли Авриль свое опроверженіе, намъ также не извѣстно; а если напечаталъ, то едва ли оно дошло до Москвы, ибо въ 1698 и 99 годахъ тамъ снова заговорили о злополучной книгѣ. Непримиримые враги іезуитовъ, кальвинисты, при содѣйствіи Лефорта, перевели ее на русскій языкъ и пользовались ею для притѣсненія католиковъ. Въ Москвѣ проживали тогда два іезуита, но тайкомъ, въ качествѣ цесарскихъ каплановъ, а посломъ Леопольда I былъ Игнатій де-Гваріентъ, ихъ усердный покровитель. Ихъ попрекали книгою Авриля. Гваріентъ, какъ нѣкогда Гордонъ, предполагалъ подлогъ, а іезуиты отмалчивались. На ихъ бѣду пріѣхалъ доминиканецъ изъ Персіи, по имени Фель, вздумалъ самъ писать противъ Авриля и обратился за совѣтомъ къ іезуитамъ, не подозрѣвая ихъ принадлежности къ ордену. Но задуманное сочиненіе не появилось, и мало-по-малу эта литературная невзгода миновала и пришла въ забвеніе [2]).

Между тѣмъ Авриль пустился моремъ въ Китай и, не доѣхавъ до своей обѣтованной земли, скончался въ виду острова Формозы, въ октябрѣ 1698 года. Ему было отъ роду сорокъ три года. Краткая, но не безцѣльная жизнь.

---

[1]) Письмо Гонзалеза къ Антонію Вержюсь, отъ 6-го іюля 1694 года, напечатано въ Études de théologie, de philosophie et d'histoire, 1857, т. II, стр. 510.

[2]) Письма и донесенія іезуитовъ о Россіи, стр. , 27. Книга Авриля была посвящена не Любомирскому, какъ говорится на стр. 27, а Станиславу Яблоновскому. Ему же адресовано вступительное письмо. Есть изданія съ его портретомъ.

Поѣздка въ Самборъ [1]).

Двѣ рукописи у Бернардиновъ во Львовѣ.—Церковь св. Андрея.—Портретъ Юрія Мнишка.—Самборъ.—Пивоварня на мѣстѣ королевскаго замка.—*Laszki murowane*.—Труды Маркелла Туркавскаго.—Похвальный отзывъ о Мнишкѣ.—Марина богатырь-женщина.

Уже давно меня тянуло въ Самборъ по слѣдамъ Димитрія, Марины, Юрія Мнишка, но только въ 1897-мъ году мнѣ удалось осуществить это желаніе. Одобренія и поощренія вокругъ меня я мало нашелъ. Даже краковскіе знакомые не подавали надежды на какой-либо успѣхъ. Вы тамъ ничего не найдете, говорили компетентныя лица. Однако же я заупрямился и, по правдѣ сказать, вовсе въ этомъ не каюсь, хотя Америки и не открылъ.

Львовъ лежалъ на моей дорогѣ. Прибывъ туда, я немедленно отправился къ Бернардинамъ. Такъ называются въ Польшѣ францисканскіе монахи. Извѣстно, что они были въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ сендомирскимъ воеводою и со всѣмъ его семействомъ. Можно было надѣяться найти у нихъ полезныя указанія. Настоятель монастыря о. Норбертъ Голиховскій отнесся къ моей задачѣ съ просвѣщеннымъ вниманіемъ. Человѣкъ образованный, начитанный, онъ самъ занимался исторіею и печаталъ свои труды о Бернардинахъ въ Польшѣ. У него нашлись двѣ орденскія рукописныя хро-

---

[1]) Перепечатано изъ Русской Старины, 1910 г., февраль, стр. 241—246.

ники XVII столѣтія. Одна изъ нихъ, написанная о. Купріаномъ Дамирскимъ, умершимъ въ 1676-мъ году, уже дважды появилась въ печати, въ Галиціи и въ Италіи, и ничего не содержитъ о самозванщинѣ. Другая, неизданная, составлена въ 1647-мъ году. Авторъ ея, о. Бернардинъ Калискій, упоминаетъ о Димитріи, но бѣгло и какъ бы мимоходомъ, зато онъ обстоятельно описываетъ городъ Самборъ и его монастыри.

Изъ настоятельской келіи мы прошли въ смежную съ монастыремъ церковь св. Андрея апостола. Тамъ находится мраморный придѣлъ св. Іоанна изъ Дукли, въ Галиціи, памятью котораго очень дорожили въ семействѣ Мнишекъ [1]. Этотъ монахъ францисканскаго ордена жилъ въ XV-мъ столѣтіи и стяжалъ славу необыкновеннаго благочестія. Братъ Марины, Францискъ Бернардъ, пріобрѣлъ около 1636-го года часть Дукли, возобновилъ тамошній замокъ и былъ похороненъ въ мѣстной церкви. Впослѣдствіи все мѣстечко перешло во владѣніе рода Мнишекъ, иждивеніемъ которыхъ вскорѣ былъ основанъ монастырь для Бернардиновъ.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что церковь св. Андрея принадлежала также Бернардинамъ, и что въ ней чествовали св. Іоанна изъ Дукли, объясняется щедрое расположеніе къ ней Юрія Мнишка, отца Марины. Объ этомъ свидѣтельствуетъ мраморная темнокрасная доска, которая находится не далеко отъ выше упомянутаго придѣла, и гдѣ кратко излагается прошлое церкви. Первоначально, въ 1460-мъ году, выстроенная изъ дерева, она подвергалась пожарамъ, погромамъ и татарскимъ набѣгамъ. Въ царствованіе Сигизмунда III-го, благодаря особенно содѣйствію Димитрія Соликовскаго, архіепископа львовскаго, Юрія Мнишка de Magna Konzcyce, воеводы сендомирскаго, Станислава Жолкѣвскаго, впослѣдствіи

[1]) Отличную монографію Дукли помѣстилъ г. Swieykowski въ изданіи Краковской академіи наукъ Rozprawy akademii, Wydzial filologiczny. Serya II. Tom XX. Zeszyt I. 1902.

воеводы кіевскаго, полнаго гетмана и канцлера, деревянное зданіе было замѣнено каменнымъ и въ 1620-мъ году, въ третье воскресенье послѣ Пасхи, совершился обрядъ освященія церкви. Въ тѣсной и темной ризницѣ висятъ на стѣнахъ картины. Между ними выдается портретъ Юрія Мнишка, писанный масляными красками неизвѣстнымъ художникомъ и, какъ мнѣ кажется, никѣмъ еще но воспроизведенный. Онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ гравюрою Луки Киліана, но осанка воеводы благороднѣе, черты его лица правильнѣе, выраженіе мягче и пріятнѣе.

Изъ Львова съ письмомъ и добрыми пожеланіями о. Голиховскаго я поспѣшилъ въ Самборъ. Теперь это полу-польскій, полу-еврейскій городъ, обычнаго провинціальнаго типа, безъ всякихъ посягательствъ на изящность. Вокругъ него раскинуты густые лѣса, которыми промышляетъ мѣстное населеніе. Въ 1891-мъ году городъ праздновалъ 500-лѣтнюю годовщину своего основанія. По случаю этого торжества, и пользуясь самборскими архивами, г. Budzynowski напечаталъ краткій, для историковъ очень полезный, очеркъ подъ заглавіемъ *Kronika miasta Sambora, Zebrana i wydana ku uczczeniu 500 letniej rocznicy Zalozenia miasta Sambora. Sambor, 1891* [1]).

Въ старину, Самборъ, для защиты противъ татаръ былъ снабженъ укрѣпленіями, слѣды которыхъ еще существуютъ въ юго-восточномъ направленіи. Тамъ же, между Млыновкою и Днѣстромъ, возвышался королевскій замокъ, гдѣ обыкновенно пребывалъ Юрій Мнишекъ со своимъ семействомъ. Подробное описаніе замка, деревянной придворной церкви и хозяйственныхъ строеній было сдѣлано въ 1596-мъ году, по случаю офиціальной ревизіи, которую вызвали загадочные счеты сендомирскаго воеводы, представленные сейму въ томъ же году. Нынѣ на мѣстѣ, нѣкогда занимаемомъ королевскимъ

---

[1]) Лѣтопись города Самбора, собранная и изданная въ честь 500-лѣтней годовщины основанія города Самбора. Самборъ 1891.

замкомъ, построена пивоварня. Разсказываютъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ любознательные, но слишкомъ робкіе, ученые пытались дѣлать раскопки и наткнулись на желѣзныя двери. Никто не рѣшался проникнуть далѣе. Вмѣсто того обратились съ телеграфнымъ запросомъ въ Вѣну, откуда отвѣтили запрещеніемъ всякихъ раскопокъ. Таинственныя врата такъ и остались не разверзтыми.

Между жителями Самбора держится документально подтверждаемое мнѣніе, что Юрій Мнишекъ проводилъ часть года въ другомъ, не отдаленномъ, замкѣ *Laszki murowane*, принадлежащемъ семейству его жены Ядвиги Тарло. Впослѣдствіи замокъ перешелъ въ собственность Франциска Бернарда Мнишка. Онъ былъ окруженъ толстыми стѣнами съ восемью башнями и широкимъ рвомъ. Старинный его планъ хранится въ львовскомъ архивѣ, и на немъ обозначены киноварью покои, которые нѣкогда занималъ Димитрій. Величіе минувшихъ лѣтъ напоминаетъ теперь очень скромное зданіе, которымъ владѣетъ графъ Михаилъ Красицкій. Замѣчательно, что въ народѣ, въ его преданіяхъ и пѣсняхъ, нѣтъ помину ни о Димитріи, ни о Маринѣ. Тщетно я разспрашивалъ крестьянскихъ старожилъ. Они вытаращивали глаза и ничего не умѣли сказать.

Изученіемъ самборскихъ архивовъ, гражданскихъ и церковныхъ, усердно занимался добросовѣстный изслѣдователь Маркеллъ Туркавскій: тяжкая, кропотливая работа и, въ силу мѣстныхъ условій, требующая много времени и настоящаго самоотверженія. Г. Туркавскій имѣлъ въ виду написать монографію о семействѣ Мнишекъ, но, насколько мнѣ извѣстно, если она и была составлена, то въ цѣломъ видѣ не появилась. Только нѣкоторые отрывки, впрочемъ очень дѣльные, были напечатаны въ польскихъ журналахъ [1]). Ими подтверждается, что Юрій Мнишекъ дѣятельно и успѣшно завѣды-

---

[1]) Przeglad Lwowski, сентябрь и октябрь 1883 г.

валъ управленіемъ ввѣренныхъ ему королевскихъ угодій, поощряя торговлю и промышленность, заботясь объ обученіи дѣтей въ школахъ, которыя состояли на попеченіи духовенства. При томъ, какъ истинный вельможа, онъ велъ широкую жизнь и держалъ многочисленную прислугу. По случаю ревизіи 1596-го года, самборскіе мѣщане жаловались на его казаковъ и гайдуковъ, которыхъ было такъ много, что на нихъ требовалась большая затрата, да кромѣ того мѣста не хватало для ихъ помѣщенія. Не удивительно, что самъ воевода всегда нуждался въ деньгахъ и постоянно ихъ выпрашивалъ у короля.

По слѣдамъ г. Туркавскаго, я отправился на архивные поиски къ Бернардинамъ. Монастырь, въ которомъ они помѣщались въ XVII-мъ столѣтіи, перешелъ вмѣстѣ съ церковью въ вѣдѣніе правительства, и въ немъ находится теперь областный (obwodowy) судъ и тюрьма. Только малая часть церкви осталась при своемъ первоначальномъ назначеніи и служитъ узникамъ для отправленія ихъ духовныхъ требъ. Въ этой церкви, 17-го января 1603-го года, вѣнчалась сестра Марины, Урсула, съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ. Тамъ же, въ придѣлѣ св. Анны, похоронены Юрій Мнишекъ, скончавшійся 16-го мая 1613-го года, и сынъ его Сигизмундъ.

Въ настоящее время Бернардины завѣдуютъ церковью, которая нѣкогда принадлежала Іезуитамъ, поселившимся въ Самборѣ уже послѣ эпохи самозванцевъ. Въ монастырѣ собственно архива никакого нѣтъ. Сохранилась одна орденская рукописная хроника подъ заглавіемъ: Acta seu Monumenta ex duobus vetustissimis protocollis conventus istius samboriensis ad Beatissimam Virginem Mariam in coelum Assumptam, Ordinis Minorum Sancti Patris Nostri Francisci Regularis Observantiae — Ad tutiorem securioremque conservationem rerum memorabilium et posteritati pro necessaria perquirendarum notitia; neve sicut jam nonnullae perierunt

chartae, caeterae etiam infeliciter dilabantur... Sub tempus tertiae visitationis canonicae, mediis diebus Augusti anno Christi 1730 absolutae, collecta et in unum volumen istud compillata [1]).

Рукопись, какъ видно изъ заглавія, есть собраніе разнородныхъ документовъ, да къ тому же довольно безалаберное и неполное. Недостаютъ два — три листа, гдѣ по всей вѣроятности говорилось о Маринѣ. Перечисляются имена Бернардиновъ, сопровождавшихъ Юрія Мнишка въ Москву. Между ними былъ братъ Петръ, хирургъ, *frater laïcus*, то есть такой инокъ, который не былъ іереемъ. Здѣсь произошло забавное недоразумѣніе. Подъ неопытнымъ перомъ неизвѣстнаго писца *frater laïcus* обратился въ *frater lascus*, и помнится, что я гдѣ-то читалъ остроумныя догадки насчетъ брата *Lasky*.

Въ ряду благодѣтелей монастыря самое почетное мѣсто отводится сендомирскому воеводѣ Юрію Мнишку. Прежде него, подобнаго ему не было, свидѣтельствуетъ рукопись, да и впредь вѣроятно не будетъ.

Въ инвентарномъ отдѣлѣ приводится, что въ 1605-мъ году, возвратившись «побѣдителемъ» изъ Москвы, Юрій Мнишекъ пожертвовалъ московское золотомъ вышитое знамя. А четыре года спустя, въ 1609-мъ году, Марина прислала изъ Россіи серебряныя паникадила прекрасной работы для помѣщенія на главномъ алтарѣ самборской церкви. Вдали, въ

[1]) Акты или памятники, извлеченные изъ двухъ древнѣйшихъ записей здѣшняго самборскаго монастыря Успенія Блаженнѣйшей Дѣвы Маріи, ордена Меньшихъ Святого Отца Нашего Франциска, строгой Обсерванціи. Въ виду вѣрнѣйшей и полнѣйшей сохранности замѣчательныхъ дѣйствій, и для увѣдомленія потомства при необходимыхъ розысканіяхъ; чтобы также остающіеся документы не разсѣялись, какъ нѣкоторые передъ тѣмъ уже погибли. Во время третьей канонической ревизіи, завершившейся въ половинѣ августа 1730-го Христова года—собранные и въ этотъ единственный томъ помѣщенные.

затрудненіяхъ и горести, мысль ея переносилась въ любимую отчизну и побуждала ее къ пожертвованіямъ.

Въ другой бернардинской рукописи неизвѣстнаго автора, извлеченіе изъ которой находится въ Краковѣ [1]), передаютъ извѣстіе, что Марина была утоплена въ Россіи, и что та же участь постигла о. Антонія, ея вѣрнаго спутника до конца жизни.

Вотъ всѣ скудныя извѣстія, которыя въ настоящее время мнѣ удалось добыть. Остается пожелать, чтобы предпріятіе г. Туркавскаго исполнилось, и появилась монографія семейства Мнишекъ. Для полной характеристики Марины такое пособіе необходимо.

Новѣйшій ея историкъ, г. Гиршбергъ, отнесся къ ней чрезвычайно сурово [2]). Столь рѣшительное осужденіе во всякомъ случаѣ еще преждевременно. Слишкомъ мало историческаго матеріала пущено въ ходъ до сихъ поръ. Въ жизни воеводы сендомирскаго есть неприглядныя стороны, но на воспитаніе его дѣтей онѣ, кажется, не повліяли. Здѣсь встрѣчаются глубокія убѣжденія. Сестра Марины вступила въ строгій кармелитанскій орденъ. Ея братъ, Францискъ Бернардъ, отличался, по словамъ Нѣсецкаго, необыкновеннымъ благочестіемъ. Сама Марина осталась непоколебима въ своихъ вѣрованіяхъ, дорожила церковной обстановкой, даже въ Москвѣ былъ сдѣланъ для нея «Костелъ у Стретенья на переходахъ подле Николы Явленскаго» [3]), при всякомъ изъ своихъ трехъ браковъ она прибѣгала къ таинству и священному обряду.

---

[1]) Музей Чарторыскихъ, teka Naruszewicza, 108, f. 155—169.

[2]) Maryna Mniszchówna, we Lwowie, 1906. Съ критическимъ пріемомъ г. Гиршберга нельзя примириться. У меня сказано: „воспитаніе въ набожномъ Самборѣ наложило на Марину неизгладимую печать". („Русск. Стар.", 1903, стр. 257). Онъ самовольно прибавляетъ „ревностной католички" (стр. 339), и пускается въ доказательство, что ей недоставало ревности.

[3]) С. А. Бѣлокуровъ, Разрядныя Записи за Смутное время, стр. 8.

Молодая царица была честолюбива. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но ея честолюбіе не было мелочное и ничтожное чувство. Въ немъ преобладаетъ страсть величія. Что всего болѣе подкупаетъ въ пользу Марины, это странная смѣсь отваги и простоты: въ письмахъ къ отцу она дѣтски беззаботна, въ Москвѣ, Тушинѣ, Калугѣ, Астрахани является боевая, безстрашная, богатырь-женщина.

Названный Димитрій и Польскіе Аріне [1]).

Аріане въ Польшѣ.—Фридрихъ-Самуилъ Бокъ.—Валентинъ Шмальцъ.—Твардохлѣбъ руководитель Димитрія.—Отзывъ Велевицкаго и Чижовскаго.—Аріанское посольство въ Москвѣ, въ 1605-мъ году.—Знаменательныя совпаденія.—Двѣ аудіенціи Чижовскаго.—Національность Димитрія.—Его происхожденіе.—Полемика съ г. Валишевскимъ.—Разногласія.

Въ настоящей статьѣ мнѣ предстоитъ двоякая задача: я желаю познакомить читателей съ сношеніями, установившимися между Димитріемъ и польскими аріанами, а затѣмъ коснуться нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ о томъ же самозванцѣ.

Въ началѣ XVII вѣка, положеніе аріанъ въ Польшѣ было уже довольно упрочено. Сплотившись въ одно цѣлое, они устроили особыя общины въ нѣкоторыхъ городахъ, часто возобновляли свои съѣзды, такъ называемые синоды, и дѣятельно распространяли свое антихристіанское ученіе. Къ несчастію, ихъ синодальные акты, гдѣ много говорилось, какъ сейчасъ окажется, о Димитріи, для насъ безвѣстно пропали. Около 1786-го года они еще имѣлись на-лицо, ими пользовался кенигсберскій профессоръ Фридрихъ-Самуилъ Бокъ при составленіи своего труда «*Bibliotheca Antitrinitariorum*», и изъ того, что онъ мимоходомъ передаетъ о Димитріи, можно заключить, какъ много новаго и важнаго находилось въ самыхъ актахъ.

---

[1]) Перепечатано изъ Русской Старины 1908 г., апрѣль, стр. 1—10.

Другія свѣдѣнія о самозванцѣ встрѣчаются у Валентина Шмальца, выдающагося аріанскаго богослова въ Польшѣ. Нѣмецъ по происхожденію, переселившись на чужбину, онъ сперва трудился по учебной части, а потомъ посвятилъ себя проповѣдничеству, и съ 1605 года до самой смерти, въ 1622 году, состоялъ проповѣдникомъ въ Раковѣ, главнѣйшемъ аріанскомъ центрѣ. Былъ онъ однимъ изъ составителей пресловутаго *Катихизиса польскихъ братьевъ*, постоянно объѣзжалъ раскинутыя повсюду общины, пользовался большимъ почетомъ и былъ обо всемъ хорошо освѣдомленъ. Единственно для себя онъ велъ дневникъ, который менѣе всего предназначался для публики, и появился въ печати не ранѣе ста лѣтъ по смерти автора. Его издалъ Zeltner, въ 1729 году, въ своемъ обширномъ сочиненіи: *Historia Crypto-Socinianismi.*

На эти совершенно забытые первоисточники въ новѣйшее время впервые обратилъ вниманіе г. Merczynk въ замѣчательной статьѣ: *Aryanie polscy i Dymitr «Samozwaniec»*, и тѣмъ оказалъ исторической наукѣ не малую услугу [1]). Хотя количественно они содержатъ не многое, но все-таки они очень цѣнны, потому что исходятъ посредственно или непосредственно отъ современниковъ.

Изъ нихъ мы узнаемъ, что по прибытіи въ Польшу и передъ открытымъ выступленіемъ въ качествѣ царевича, Димитрій сблизился съ аріанскимъ проповѣдникомъ Матвѣемъ Твардохлѣбомъ, который и сдѣлался его руководителемъ и совѣтникомъ. Личность Твардохлѣба довольно загадочна. Полякъ ли онъ или русскій эмигрантъ, остается неизвѣстнымъ. Неизвѣстно также, гдѣ именно и при какихъ обстоятельствахъ онъ познакомился съ Димитріемъ. Весь этотъ періодъ

---

[1]) Статья напечатана въ варшавскомъ журналѣ *Przeglad Historyczny*, мартъ—апрѣль, 1907, стр. 170—180. По достоинству оцѣняя приводимыя авторомъ выдержки, я долженъ однако признаться, что не соглашаюсь съ нѣкоторыми изъ его выводовъ.

первыхъ сношеній Твардохлѣба съ будущимъ московскимъ царемъ намѣренно хранился въ тайнѣ, и даже между собою аріане его какъ-то замалчивали [1]).

При такомъ руководителѣ понятно, какъ Димитрій попалъ въ Гощу, какъ онъ вступилъ въ сношенія съ Гавріиломъ Гойскимъ, основателемъ тамошней аріанской общины, съ которымъ впрочемъ онъ могъ сойтись еще въ Острогѣ, такъ какъ Гойскій былъ маршалкомъ князя Константина. Въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, въ новыхъ книгахъ Литовской Метрики сохранилось письмо князя Острожскаго къ Сигизмунду III, отъ 12-го іюня 1604 года, въ которомъ онъ испрашиваетъ аудіенцію для пана Гойскаго съ товарищемъ, по поводу государственнаго дѣла. Не будучи еще сенаторомъ, Гойскій не имѣлъ права непосредственно обращаться къ королю, а какой успѣхъ имѣло ходатайство князя Константина, мы не знаемъ. Однако позволительно, кажется, догадываться, что государственное дѣло касалось Димитрія.

На основаніи приведенныхъ данныхъ, хоть бы даже Димитрій участвовалъ въ еретическихъ богослуженіяхъ, врядъ-ли можно утверждать, что онъ формально принялъ аріанство и перешелъ въ эту секту. Но что аріанское ученіе заронилось въ его разумъ и оставило въ немъ глубокіе слѣды, объ этомъ есть прямыя свидѣтельства современниковъ.

Велевицкій, пользовавшійся дневникомъ отца Савицкаго для своего сочиненія, утверждаетъ [2]), что къ Димитрію наѣхало не мало еретиковъ, особенно аріанъ, пока онъ гостилъ у князя Вишневецкаго, и что они старались переманить его на свою

---

[1]) Arcana est inter ipsos Socinianos historia, quod Mattheus Twardochlebus famosissimum illum Pseudodemetrium... in Polonia... educaverit et ipsi adeo a consiliis intimis fuerit. (Бокъ, стр. 979). Выдержка г. Merczynk.

[2]) *Historici diarii domus professae Societatis Jesu Cracoviensis*.., т. II, стр. 50, 56.

сторону и, такимъ образомъ, заручиться свободною дѣятельностью въ Москвѣ. Очевидно, Велевицкій ничего не знаетъ о Твардохлѣбѣ и начинаетъ свой разсказъ съ тѣхъ поръ, когда Димитрій публично заявилъ себя царевичемъ.

Тотъ же авторъ сообщаетъ намъ отзывъ Гродзицкаго и Савицкаго. 7-го апрѣля 1604-го года, въ Варшавѣ, когда Димитрій уже склонялся къ католичеству, оба іезуита обсуждали съ нимъ вѣроисповѣдные вопросы, и были поражены тѣмъ, что приводимыя имъ затрудненія истекали не только изъ православнаго, но также изъ аріанскаго ученія. Онъ особенно настаивалъ на происхожденіи Святаго Духа и на причащеніе sub utraque specie. При этомъ онъ легко могъ заблуждаться въ ученіи о Святой Троицѣ и внушать подозрѣніе, что придерживается аріанскаго, противутроичнаго взгляда.

Впослѣдствіи, во время московскаго похода, отецъ Чижовскій, исполняющій должность полкового священника, писалъ своему начальнику, 15-го іюня 1605 года, что Димитрій проницательнаго ума, необыкновенной памяти, что онъ обладаетъ историческими свѣдѣніями и знакомъ съ Священнымъ Писаніемъ, особенно съ Новымъ завѣтомъ. Такое направленіе, въ связи съ выраженными нѣкогда затрудненіями, намекаетъ также на то, что Димитрій проходилъ аріанскую школу, гдѣ Новый Завѣтъ предпочитался Ветхому [1]).

Между тѣмъ тайное присоединеніе Димитрія къ католической церкви и открытыя, близкія сношенія съ католическими семействами безъ сомнѣнія ослабляли его связи съ аріанами. Варшавскій нунцій Рангони и сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ зорко слѣдили за нимъ и ничего предосудительнаго не могли допустить. Внѣшній разрывъ, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ совершиться. При всѣхъ этихъ перемѣнахъ, трудно рѣшить, до какой степени Димитрій лично слѣдовалъ внутреннимъ убѣжденіямъ или даже порывамъ. Го-

[1]) Неизданное письмо Чижовскаго находится въ Славянской библіотекѣ въ Брюсселѣ.

раздо легче обозвать все это комедіей, какъ часто дѣлается, и такимъ путемъ избавиться отъ дальнѣйшихъ соображеній. Но кто бывалъ въ Польшѣ, кто лично наблюдалъ, какъ беззавѣтно русскіе поддаются обаянію окружающей ихъ среды, обаянію польской культуры и польскихъ женщинъ, тотъ пойметъ глубокую вѣрность гоголевскаго типа Андрія Бульбы. А Димитрій, внезапно окруженный непривычнымъ для него блескомъ и увлекаясь Мариною, былъ своего рода Андрій.

Какъ бы то ни было, и какъ ни дѣйствовалъ Димитрій въ данныхъ обстоятельствахъ, аріане не упускали его изъ вида и не отказывались отъ своего предпріятія. И вотъ, вслѣдствіе вѣроятно синодальнаго рѣшенія, отправляется въ Москву, 7-го ноября 1605 г., аріанское посольство. Въ немъ участвовали Твардохлѣбъ, *Morscovius*, *Rostek* и *Luczovius*. О дѣятельности его въ Москвѣ намъ ничего неизвѣстно. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, не удивительно, если они окружали себя величайшею тайною. Есть, однако, очень знаменательное совпаденіе, которое невольно наводитъ на разныя соображенія. Въ теченіе февраля мѣсяца 1606-го года, Чижовскій очень встревожился по случаю духовнаго настроенія Димитрія, не потому, что онъ самъ наблюдалъ въ Москвѣ, а вслѣдствіе слуховъ, распространяемыхъ въ Польшѣ, и тревога Чижовскаго дошла до того, что онъ пожелалъ въ особой аудіенціи лично переговорить съ Димитріемъ. 16-го февраля, онъ такъ пишетъ объ этомъ своему начальнику въ Краковъ:

«Я испросилъ частную аудіенцію, потому что хотѣлъ кое-что частно сообщить Димитрію, особенно предупредить его о толкахъ анабаптистовъ въ Польшѣ, будто онъ не только одобряетъ ихъ секту, но даже ей покровительствуетъ» [1]). Врядъ ли однако же Чижовскому удалось откровенно

---

[1]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, 499. Тамъ же и слѣдующее письмо 20-го февраля. Оба письма напечатаны въ Старинѣ и Новизнѣ, т. XIV, стр. 407, 408. Въ первомъ изъ нихъ издатель не догадался что значитъ слово *temonem* (дышло).

высказаться. На аудіенціи присутствовали Станиславъ Бучинскій, отъявленный протестантъ, и какой-то русскій, замѣнявшій князя Масальскаго, посланнаго въ Смоленскъ навстрѣчу Марины. При такихъ свидѣтеляхъ неловко было вдаваться въ церковные вопросы. Во всякомъ случаѣ, письмо нечего больше не содержитъ объ этомъ предметѣ. Заботы другого рода увлекали Димитрія. Онъ интересовался путешествіемъ Лавицкаго, посланнаго незадолго передъ тѣмъ въ Римъ съ важными порученіями для папы, и много о немъ разспрашивалъ.

18-го февраля, послѣдовала другая аудіенція, но уже совершенно тайная. Чижовскій даже переодѣвался, чтобы незамѣтно проникнуть во дворецъ. Московское духовенство уже возмущалось изъ-за брака съ Мариною. Носились слухи о боярскомъ заговорѣ. На сей разъ Димитрій былъ чрезвычайно предупредителенъ, требовалъ немедленнаго пріѣзда начальника польскихъ іезуитовъ, Деція Стривери [1]), одарилъ Чижовскаго драгоцѣнными иконами, наконецъ, изъявилъ желаніе вскорѣ исповѣдываться. Но объ аріанскихъ проискахъ въ письмѣ 20-го февраля съ отчетомъ объ аудіенціи опять-таки ничего не находится.

Имѣло ли это посольство какой-либо успѣхъ? Если судить по раннему отъѣзду Твардохлѣба, то отрицательное предположеніе становится правдоподобнѣе. Онъ во-время удалился изъ Москвы и, такимъ образомъ, избѣжалъ ужаса кровавыхъ майскихъ событій. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что аріане придавали своему посольству огромное значеніе. Дошло до того, что раковскій синодъ 1630 года поручилъ Твардохлѣбу письменно изложить свое путешествіе. Послѣ него осталась дѣйствительно рукопись подъ заглавіемъ: *Itinerarium Moscoviticum*, въ настоящее время безслѣдно утраченная.

Въ этихъ скудныхъ извѣстіяхъ есть одно важное указаніе на національность Димитрія. Аріане, лично его знавшіе,

[1]) Письмо Димитрія къ Стривери воспроизведено фототипически. Pierling, Dmitri dit le Faux et les jésuites. Paris, 1913.

постоянно выдаютъ его за москвича. Также отзываются іезуиты, бывшіе съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Наконецъ, собственноручное письмо Димитрія къ папѣ Клименту VIII, превосходно разобранное г. Бодуэномъ-де-Куртене и г. Пташицкимъ, служитъ неопровержимымъ вещественнымъ доказательствомъ русскаго происхожденія самозванца. Если не ошибаюсь, этотъ вопросъ можно теперь считать окончательно рѣшеннымъ.

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго нельзя утверждать насчетъ царскаго родства Димитрія. Въ этомъ отношеніи аріане колеблются: то признаютъ его истиннымъ царевичемъ, то обзываютъ его Лжедимитріемъ. И дѣйствительно, въ сохранившихся выдержкахъ аріанскихъ сочиненій нѣтъ никакого новаго рѣшающаго доказательства въ пользу Димитрія. Такимъ, конечно, нельзя считать голословное, къ тому же перемѣнчивое наименованіе его царевичемъ. А что онъ формально не принялъ аріанскаго ученія или, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи отшатнулся отъ него, это подтверждается замѣткою Шмальца. Въ 1609-мъ году онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ, что всѣ извѣстія о томъ, будто москвичъ Димитрій еще въ живыхъ, оказываются невѣрными, что самъ Богъ не допустилъ дальнѣйшаго существованія гордеца, отвергнувшаго признанную истину и возвышающагося надъ самой гордынею [1]).

Новѣйшимъ защитникомъ рожденія Димитрія отъ Ивана Грознаго явился г. Валишевскій въ своей интересной и картинно написанной книгѣ о Смутномъ Времени [2]). Не обошлось и безъ любезнаго упрека по моему адресу. Дѣйстви-

---

[1]) Omnia, quae de Demetrio Moscho sparsa erant, quod scilicet in vivis esset, vana fuere. Noluit enim nimirum Deus, eum in vivis esse, qui agnitam veritatem tam superciliose respuebat et qui ipsissima superbia superior esse cupiebat. (Шмальцъ, стр. 1186). — Выдержка г. Merczynk.

[2]) Les origines de la Russie moderne. La Crise révolutionnaire (1584—1614).

тельно, въ 1877 году, я склонялся къ мнѣнію, что Димитрій былъ истинный царевичъ, а въ 1901 году пытался отождествить его съ Отрепьевымъ. Это совершенно вѣрно. Но менѣе точно утверждать, будто въ данный промежутокъ времени поступилъ въ научный оборотъ только одинъ новый документъ. Ихъ нашлось гораздо больше. Съ упомянутыми годами совпадаютъ усиленныя и не совсѣмъ тщетныя розысканія въ римскихъ и русскихъ архивахъ. Кромѣ собственноручнаго письма Димитрія, на которое ссылается г. Валишевскій, открылась въ архивѣ Инквизиціи замѣчательная депеша нунція Рангони отъ 2-го іюня 1605-го года, вмѣстѣ съ документами о бракѣ Марины. У князя Бонкомпаньи оказалась на-лицо вся переписка нунція Симонетты, которой въ Ватиканѣ нѣтъ въ полномъ видѣ. Отыскался также дневникъ, отыскались новыя письма Лавицкаго, полкового священника въ войскѣ Димитрія. Изъ московскаго архива министерства юстиціи выступила на Божій свѣтъ переписка польскихъ сенаторовъ съ Сигизмундомъ III при появленіи самозванца. Далѣе я пользовался находками г. Шамбинаго, г. Щепкина и другихъ. Изученіе этого новаго матеріала и вызвало перемѣну моего мнѣнія.

Пожалуй, не лишне будетъ выяснить нѣкоторыя разногласія въ критическихъ пріемахъ и въ оцѣнкѣ старыхъ и новыхъ документовъ. Начну съ доклада князя Адама Вишневецкаго, предпославъ замѣчаніе юридическаго свойства. Такъ называемое onus probandi всецѣло лежало на Димитріи. Выступая царевичемъ, стремясь къ возвращенію себѣ прародительской власти, онъ неизбѣжно долженъ былъ обосновать свои требованія и оправдать свою личность. Такая попытка и была сдѣлана. Всѣмъ извѣстенъ докладъ князя Вишневецкаго, написанный со словъ Димитрія и представленный Сигизмунду III. Его впервые напечаталъ Новаковскій, пріурочивъ къ 1606 году, и не обозначая его происхожденія. Понятно, что историки относились къ нему крайне осторожно

и, глубже вникая въ его содержаніе, порою ему не довѣряли, и даже сомнѣвались въ его подлинности.

Въ настоящее время такого рода сомнѣнія вполнѣ устраняются. Докладъ Вишневецкаго съ надлежащими разъясненіями нашелся въ Ватиканѣ при депешѣ варшавскаго нунція Рангони отъ 8-го ноября 1603-го года. Сравнивая его съ депешею того же Рангони отъ 2-го іюля 1605-го года, съ собственноручнымъ письмомъ Димитрія къ Клименту VIII, съ посланіями Сигизмунда III, съ отвѣтами на нихъ сенаторовъ, съ вопросными пунктами епископа плоцкаго Барановскаго [1]), становится очевиднымъ, что докладъ Вишневецкаго не есть навязанная Димитрію исторія. Онъ добровольно усвоилъ ее себѣ, и самъ разсказывалъ такимъ образомъ свои приключенія. Изъ сомнительнаго повѣствованія докладъ сдѣлался документомъ первостепенной важности. Пренебрегать имъ или относиться къ нему свысока теперь уже не позволительно.

И что же мы въ немъ находимъ? Легендарный оттѣнокъ, искусственные пріемы, замалчиванія, несообразности, неправдоподобности. Всѣ свидѣтели и участники умираютъ во-время, нѣтъ никакой поруки. Пребываніе въ монастыряхъ, перемѣщенія, странствованія обозначаются въ самыхъ неопредѣленныхъ словахъ съ видимымъ намѣреніемъ ускользнуть отъ провѣрки.

То же умышленное и осторожное молчаніе постоянно наблюдалъ и Димитрій. Сколько разъ ему представлялся случай убѣдить своихъ приверженцевъ въ своемъ царскомъ происхожденіи, но никакого откровенія онъ не сдѣлалъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ можно было надѣяться,—и я льстилъ себя этой надеждой,—что рѣшеніе загадки найдется въ депешѣ, тогда еще неизвѣстной, нунція Рангони отъ 2-го іюля 1605-го года или въ коронаціонной рѣчи Димитрія, которую слышалъ Лавицкій. Надежды эти не оправдались.

---

[1]) Вопросные пункты Барановскаго напечаталъ въ «*Русской Старинѣ*» г. Шамбинаго, 1902, т. V, стр. 316. Cf. т. VI, стр. 520.

Знакомство съ современными заграничными первоисточниками приводитъ насъ къ тому заключенію, что всѣ доказательства о родствѣ Димитрія съ Иваномъ Грознымъ сводятся къ докладу князя Вишневецкаго. Другихъ болѣе вѣскихъ доводовъ никто не зналъ, ни въ Польшѣ, ни въ Римѣ. Король и папа, кардиналы и сенаторы, правящіе и подданные, историки и поэты, всѣ сознательно или несознательно довольствуются докладомъ. Имъ пользовался и ему вторилъ самъ Димитрій. Но подозрительный составъ доклада невольно подсказываетъ предположеніе, что въ немъ не находится разоблаченія тайны, а произвольно вымышленная исторія. Въ защиту Димитрія допускается предположеніе, что онъ не могъ открыть истину, что, пожалуй, самъ ея не зналъ. Но такая уловка пуще самаго жестокаго обличенія.

Далѣе нельзя согласиться съ г. Валишевскимъ насчетъ мнѣнія Сигизмунда III-го, которому онъ не придаетъ большого значенія. Король находился при самомъ источникѣ непосредственныхъ извѣстій. Онъ могъ черпать ихъ изъ первыхъ рукъ. Польскіе доброжелатели Димитрія окружали Сигизмунда, и для нихъ было полезно и важно убѣдить его въ законности московскаго предпріятія. Съ другой стороны, король сносился также съ русскими, сперва съ приверженцами, а потомъ съ врагами царевича. Ему было возможно провѣрить противуположные разсказы и сдѣлать окончательный выводъ. Такъ это и случилось. Въ 1608-мъ году, предпринимая походъ противъ Москвы, Сигизмундъ сообщилъ Павлу V обстоятельный отчетъ всѣхъ бывшихъ переговоровъ о Димитріи. Посланный въ Римъ нунціемъ Симонетта, 13-го декабря того же года, интересный отчетъ къ сожалѣнію какъ-то исчезъ изъ римскихъ архивовъ. Осталось только, въ письмѣ Сигизмунда къ папѣ отъ 3-го октября 1610-го года, заключительное и многовѣское слово: *impostor* [1]). Можно ли въ

[1]) Оригиналъ письма въ римскомъ архивѣ князя Бонкомпаньи, Е. 7.

данномъ случаѣ положиться на короля? Онъ обращался къ папѣ съ просьбой о денежной помощи для московскаго похода и, конечно, не рѣшился бы на грубый обманъ въ корыстныхъ цѣляхъ. Къ тому же самозванство Димитрія не могло задобрить папу и повлiять на его рѣшеніе. Достойна, наконецъ, вниманія поразительная разность въ пріемахъ Сигизмунда. Онъ никогда не утверждалъ положительно въ перепискѣ съ папою, что Димитрій, сынъ Ивана Грознаго, но только передавалъ чужія мнѣнія, и самъ пользовался обстоятельствами, но въ упомянутомъ письмѣ онъ выражается твердо и рѣшительно. Это сознательный приговоръ.

Отмѣтимъ еще другое недоразумѣніе. Въ 1671-мъ году, Отрепьевы били челомъ царю Алексѣю Михайловичу о перемѣнѣ всѣмъ ненавистнаго имени. По словамъ г. Валишевскаго, это доказываетъ только то, «что счастливые преемники Димитрія» успѣли распространить въ народѣ выгодное для нихъ мнѣніе. Другихъ соображеній мы не находимъ у г. Валишевскаго, вѣроятно потому, что онъ не былъ знакомъ ни съ подлиннымъ текстомъ прошенія Отрепьевыхъ, изданнымъ г. Щепкинымъ, ни съ тремя рѣчами литовскаго канцлера Льва Сапѣги, напечатанными г. Любавскимъ [1]). Изученіе этихъ памятниковъ приводитъ къ совершенно другому выводу.

Конечно, царскія и патріаршія грамоты могли имѣть огромное вліяніе на общественное мнѣніе и увѣрить народъ, что Димитрій былъ не кто иной, какъ самозванецъ Гришка Отрепьевъ, но никакія грамоты не были въ состояніи создать убѣжденія Отрепьевыхъ. Они добровольно высказываются и дѣлаютъ самыя тяжкія признанія. Вотъ, между прочимъ, что они пишутъ:

«Смирной Елизарьевъ, сынъ Отрепьевъ, посыланъ былъ въ Литву на обличеніе врага и отступника православные вѣры

---

[1]) Е. В. Щепкинъ, *«Краткія Извѣстія о Лжедимитріи I»*. стр. 9.—Матвѣй Любавскій, *«Литовскій Канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ смутнаго времени»*, passim.

ростриги Гришки Отрепьева, и на Москвѣ онъ, Смирной, съ сродники нашими всенародне его проклятаго вора обличалъ, и не терпя онъ отъ сродникъ обличенія Смирново-Отрепьева и отца моего Ѳедькина и родителей нашихъ многихъ за обличеніе мучилъ и сослалъ въ ссылку въ сибирскіе городы врознь, а домы, государь, родителей нашихъ разорены отъ него были до конца и были они родители наши холопей твоихъ въ ссылкѣ въ сибирскихъ городѣхъ два годы, всякую ссылушную нужду отъ него вора за обличеніе терпѣли. И какъ, государь, воцарился на московское государство блаженные памяти государь царь и в. кн. Василій Ивановичъ... велѣлъ ихъ изъ ссылки свободить... И служа тебѣ, великому государю, мы, холопи твои, вѣрно со всякимъ усердіемъ отъ всѣхъ людей принимаемъ поносъ и укоризну больше 60-ти лѣтъ внапрасне за наше прозвище, для воровства ростриги Гришки Отрепьева... Вели, государь, намъ, холопемъ твоимъ, писаться инымъ прозвищемъ, какъ тебѣ, великому государю, объ насъ Богъ извѣститъ, чтобъ его воровское Гришки Отрепьева ростриги проклятое имя въ народѣ россійскаго государства, и прозвище впредь не вспоминалось, а намъ, холопемъ твоимъ, впредь кто по насъ роду нашего будетъ отъ того проклятаго Гришкина воровства поносу и укоризны не было. Царь, государь, смилуйся, пожалуй»...

Такъ умоляли царя несчастные Отрепьевы. Ихъ просьба была уважена. Они стали называться Нелидовыми. Необходимо сопоставить ихъ прошеніе съ заявленіями литовскаго канцлера, Льва Сапѣги, на варшавскомъ сеймѣ 1611-го года. Сапѣга лично велъ переговоры съ Смирнымъ-Отрепьевымъ, посланнымъ въ Варшаву, въ 1605-мъ году, для обличенія племянника своего, Гришки, и требовавшаго очной ставки, въ которой ему отказали на-отрѣзъ. Съ тѣхъ поръ, какъ впрочемъ и раньше, Сапѣга неустанно слѣдилъ за Димитріемъ и за московскими событіями. Такъ онъ узналъ, что, овладѣвъ

престоломъ, самозванный царь лишилъ своихъ родичей имущества, и сослалъ ихъ въ отдаленные города.

Это совпаденіе показаній литовскаго канцлера и Отрепьевыхъ чрезвычайно важно. Одно показаніе исходитъ изъ Варшавы въ 1611-мъ году, другое изъ Москвы, 60 лѣтъ спустя, въ 1671-мъ г. Независимость второго отъ перваго не подлежитъ сомнѣнію. Отрепьевы не заглядывали въ сеймовые акты, руководились семейными преданіями, личными наблюденіями и опытомъ. У литовскаго канцлера были шпіоны и доносчики. Его увѣдомляли пограничные воеводы, а въ Москву посылались особые развѣдчики. Итакъ, источники показаній совершенно разнородные и ничего общаго между собою не имѣютъ, а содержаніе сообщаемыхъ свѣдѣній тождественно. Значитъ, прошеніе Отрепьевыхъ не боится провѣрки. Оно находится въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Пожалуй, тамъ еще укрываются другіе акты о ссылкѣ или помилованіи того же семейства. Стоило бы поискать.

Въ заключеніе напоминаю когда-то уже приведенное замѣчаніе насчетъ *Извѣта Варлаама*. Русскіе люди, слѣдившіе за событіями, знали и увѣряли, что Гришка Отрепьевъ былъ въ Острогѣ, Гощѣ и Брагимѣ. Самъ Димитрій сознавался, что гостилъ въ этихъ трехъ мѣстностяхъ. Но польскіе и русскіе источники утверждаютъ, что бывшій въ Острогѣ, Гощѣ и Брагимѣ выступилъ царевичемъ Димитріемъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что царевичъ Димитрій былъ Гришка Отрепьевъ?

Названный Димитрій и Адамъ Вишневецкій [1]).

Характеръ новѣйшихъ трудовъ о Димитріи. — Адамъ Вишневецкій. — Появленіе у него Димитрія. — Стеченіе московскихъ людей. — Переписка съ Замойскимъ. — Обращеніе къ Сигизмунду III. — Димитрій переходитъ къ Константину Вишневецкому. — Задобриваетъ князя Адама. — Московская партія Димитрія.

Загадочна исторія Димитрія. Уже современники не могли въ ней разобраться. Съ теченіемъ времени она еще болѣе запуталась. Коренная ошибка состояла въ обширномъ пользованіи извѣстіями изъ вторыхъ и третьихъ рукъ безъ надлежащаго разбора, безъ строгой предварительной оцѣнки. Не мало мѣста удѣлялось также анекдотическому элементу съ удобной оговоркой, что есть-де такое, сякое преданіе. А выяснить преданіе, опредѣлить степень его достовѣрности, объ этомъ рѣдко кто заботился.

Въ настоящее время постановка вопроса совершенно измѣнилась. Новѣйшія произведенія о Смутномъ времени отличаются истинно научнымъ характеромъ. Замѣтно у лучшихъ историковъ стремленіе добраться до первоисточниковъ, подвергнуть ихъ тщательной критикѣ и рѣшительно отбросить легендарные наростки.

Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія статьи г. Вацлава Собѣскаго о «первомъ покровителѣ Самозванца» [2]).

---

[1]) Перепечатано изъ Русской Старины, 1904 г., Январь, стр. 123—128.

[2]) Wacław Sobieski, Pierwszy Protektor Samozwanca, въ Варшавскомъ журналѣ Tygodnik Illustrowany, 1903, 27—30.

Въ нихъ приводятся два-три до сихъ поръ неизвѣстныхъ документа изъ богатаго архива Яна Замойскаго, который будетъ вскорѣ издаваться сполна въ Варшавѣ [1]). Только что упомянутые документы касаются Адама Вишневецкаго и Димитрія.

Родъ князей Вишневецкихъ отличался воинственнымъ духомъ. Они стояли какъ бы на стражѣ польской границы противъ татаръ и казаковъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ староство Черкасское не выходило изъ ихъ семейства. Они сроднились съ удальствомъ. У нихъ выработался типъ отчаяннаго наѣздника, колониста-завоевателя. Мечъ и пуля не были для нихъ пустой забавою, ибо заднѣпровскія ихъ владѣнія постоянно возростали. Главнымъ препятствіемъ ихъ расширенія было постоянно грозившее имъ встрѣчное наступленіе московскихъ людей, которые не спускали глазъ съ Украйны.

Князь Адамъ Вишневецкій, первый видный покровитель Димитрія, былъ истымъ представителемъ своего могучаго рода [2]). Воспитанникъ Виленскихъ іезуитовъ, онъ оставался до конца жизни ярымъ православнымъ, былъ братчикомъ во Львовѣ, окружалъ себя попами и дѣлалъ монастырскіе вклады. Набожное настроеніе сочеталось у него съ предпріимчивымъ характеромъ и страстью до военнаго дѣла, а беззавѣтную храбрость часто поджигала горѣлка. Съ русскими онъ не ладилъ и ладить не могъ по очень простой причинѣ. Строго опредѣленной границы на окраинѣ не было, тамъ господствовало кулачное право и примѣнялась теорія захвата. Въ данную минуту, съ той и другой стороны всѣ усилія сосредоточивались около двухъ «городищъ», Прилукъ и Свѣцино, которыя при всей своей маловажности имѣли большое стратегическое значеніе. Уже въ 1602 году, русскіе сдѣлали на Прилуки кровавый набѣгъ, о которомъ кіевскій воевода, князь Острож-

---

[1]) До сихъ поръ появились только два первые тома въ 1904 и 1909 г.

[2]) В. и Г. Лукомскіе, Вишневецкій замокъ, Старые Годы, 1912, мартъ.

скій, доносилъ Сигизмунду III, требуя быстраго и сильнаго отпора [1]). Однакожъ на этомъ дѣло не стало, и на сеймѣ 1605 года московскій гонецъ горько жаловался на коварство князей Вишневецкихъ, посягающихъ на Прилуки и Свѣцино [2]). Такимъ образомъ, вопросъ объ обладаніи городищами оставался еще не рѣшеннымъ.

Къ этому-то вельможѣ и явился Димитрій. Скажемъ лучше, онъ былъ, вѣроятно, къ нему подосланъ. Выборъ сдѣланъ слишкомъ удачно, чтобъ не предположить глубокаго разсчета и хорошаго знакомства съ положеніемъ дѣлъ. Допустимъ, что московскіе люди не знали, не вѣдали, какъ тотъ самый Димитрій Вишневецкій, который, измѣнивъ Польшѣ, служилъ Ивану Грозному, пытался потомъ посадить на валашскій престолъ самозванца Гераклида; но имъ было несомнѣнно извѣстно, что Адамъ Вишневецкій прельщался Заднѣпровьемъ, и что столкновенія съ Борисомъ Годуновымъ были для него неизбѣжны.

Въ дальнѣйшемъ развитіи дѣла постороннее, руководствующее вліяніе выступаетъ еще яснѣе. Напомнимъ здѣсь, что Димитрій сперва хотѣлъ было пристроиться въ Острогѣ, но тамъ ему не повезло: князь Константинъ его выпроводилъ, не удостоивъ своего вниманія. И вотъ Димитрій обращается къ сопернику князя Острожскаго: оба князя соперничали изъ-за Черкасскаго староства. Это — послѣдовательное, хорошо разсчитанное стремленіе добыть себѣ высокаго покровителя.

Добраться до него было только первымъ шагомъ. А добрался Димитрій до Вишневецкаго при содѣйствіи игумена-исповѣдника, безъ сомнѣнія, мѣстнаго. Такъ положительно увѣряетъ современникъ Забчичъ [3]), такъ повѣствуетъ и всеобщая молва. Все прочее, сцена въ банѣ, духовное завѣщаніе, какая-то романическая связь,—должно быть покуда

---

1) Москва, Архивъ министерства юстиціи, Литовская метрика, новыя книги, 55: 1602. 10 іюля, Острожскій Сигизмунду III.

2) С.-Петербургъ, Публ. библ., Польская, F, IV, 119, л. 99.

3) Вержбовскій, Матеріалы къ исторіи Московскаго государства, вып. III, стр. 15.

отстранено безъ всякаго милосердія. Это не что иное, какъ позднѣйшія прибавки, исходящія отъ лицъ, непричастныхъ къ дѣлу и не приводящихъ вѣскихъ доводовъ.

Воздѣйствіе на Вишневецкаго совершилось, какъ теперь достовѣрно извѣстно, инымъ путемъ. Князь не сейчасъ повѣрилъ Димитрію и не положился безъ оглядки на его слово. Онъ долго сомнѣвался въ его царскомъ происхожденіи и только тогда измѣнилъ свое мнѣніе, когда московскіе люди стали сбѣгаться въ Брагимъ и увѣрять, что Димитрій истинный царевичъ. Дружное свидѣтельство около двадцати лицъ, прибывшихъ изъ далека и собравшихся въ томъ же мѣстѣ, указываетъ опять-таки на заранѣе обдуманный планъ, который методически выполняется. Самъ Димитрій увѣрялъ впослѣдствіи варшавскаго нунція Рангони, что у него есть сторонники въ Москвѣ, съ которыми онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, и если онъ такъ торопился выступить въ походъ, то это было именно потому, чтобы ихъ не погубить въ случаѣ преждевременнаго раскрытія всѣхъ подробностей предпріятія.

Московскія свидѣтельства, конечно, не придавали особой правдоподобности разсказамъ Димитрія. Вишневецкій врядъ-ли имъ повѣрилъ по внутреннему убѣжденію. Ему было выгодно повѣрить, имѣть козырь въ рукахъ, а московскія свидѣтельства служили ему оправданіемъ. Ужъ если свои люди выдаютъ Димитрія за царевича, то почему же постороннему отъ него отрекаться? Рѣшившись на этотъ шагъ, Вишневецкій энергично принялся за дѣло.

7-го октября 1603 года онъ написалъ письмо къ Яну Замойскому, которое подтверждаетъ все предъидущее:

«Такъ какъ въ домъ мой, — пишетъ Вишневецкій, — явился человѣкъ, который сообщилъ мнѣ, что онъ сынъ Ивана, извѣстнаго тирана великаго княжества Московскаго, и хочетъ требовать помощь отъ его королевскаго величества государя нашего, чтобы могъ добыть столицу своихъ предковъ, то я

доношу объ этомъ вамъ, моему чтимому пану, какъ стражу и хорошему печальнику Рѣчи Посполитой. Въ виду также того, что вы, мой чтимый панъ, изволите весь нашъ, вамъ преданный домъ, излюбливать и быть милостивымъ паномъ и пріятелемъ, осмѣливаюсь просить совѣтъ, что съ нимъ дѣлать. Въ нескоромъ сообщеніи вамъ о немъ не было другой причины какъ то обстоятельство, что я самъ очень былъ in dubio [1]) о немъ. Теперь же, такъ какъ болѣе двадцати москвичей въ разное недавнее время до него прибѣжало, признавая принадлежность ему того государства jure naturali [2]), то я посылаю testimonii gratia [3]) вамъ, моему чтимому пану, извѣстія изъ Москвы и отъ пана старосты Остерскаго [4]) пару писемъ, изъ которыхъ вы увидите, что съ нимъ дѣлать, и униженно прошу васъ, какъ чтимаго моего пана, меня о томъ увѣдомить».

Замойскій, какъ извѣстно, не пошелъ на удочку. Дважды онъ писалъ Вишневецкому о Димитріи. Одно письмо напечатано [5]), другое находится въ архивѣ Замойскаго. Содержаніе ихъ тождественно. Великій канцлеръ и гетманъ явился здѣсь опытнымъ, прозорливымъ государственнымъ человѣкомъ. Не увлекаясь предвзятой мыслью, онъ хотѣлъ рѣшить задачу офиціальнымъ путемъ, безъ всякихъ подпольныхъ покушеній и, прежде всего, требовалъ отправленія Димитрія въ Краковъ къ королю.

Вишневецкій понялъ, что на содѣйствіе Замойскаго полагаться нельзя. Его можно было какъ-нибудь обойти, но короля слѣдовало непремѣнно познакомить съ обстоятельствами дѣла. Вслѣдствіе даннаго ему порученія, Вишневецкій и послалъ Сигизмунду III донесеніе, писанное якобы со словъ самого Димитрія, гдѣ бросаются въ глаза искусственный подборъ фактовъ и даже противорѣчія. Г. Собѣскій подмѣтилъ,

---

[1]) Въ сомнѣніи.
[2]) По природному праву.
[3]) Свидѣтельства ради.
[4]) Михаила Ратомскаго.
[5]) Listy Zolkiewskiego, п. 96, стр. 129.

что и въ письмѣ, и въ донесеніи встрѣчается характерное выраженіе «jure naturali» насчетъ царственныхъ правъ Димитрія, и это невольно наводитъ на мысль, что Вишневецкій участвовалъ въ составленіи донесенія. Оно дошло въ Краковъ не раньше первыхъ чиселъ ноября. По крайней мѣрѣ, нунцій Рангони выслалъ его въ Римъ только 8-го ноября, хотя онъ очень торопился съ доставкою свѣдѣній. Неизвѣстно, писалъ-ли отъ себя Вишневецкій королю. А было что писать. На немъ лежала прямая обязанность провѣрить показанія Димитрія, подробно разспросить сбѣжавшихся московскихъ людей, удостовѣриться въ ихъ правдивости. О такихъ попыткахъ онъ, кажется, не заботился. Ему хотѣлось самому везти Димитрія къ королю. Очевидно, онъ уже дорожилъ своимъ царевичемъ.

Между тѣмъ Димитрій ускользнулъ изъ его рукъ. Дѣло это довольно темное. Сложилось оно такъ. Князь Адамъ познакомилъ Димитрія съ своимъ двоюроднымъ братомъ Константиномъ, перешедшимъ въ католичество и женатымъ на Урсулѣ Мнишекъ. Слѣдствіемъ этого сближенія было сватовство съ Мариною, сестрою Урсулы, вступленіе подъ опеку сендомирскаго воеводы и обѣщаніе уступить ему Сѣверщину. Причина такого поворота, кажется, довольно ясна. Князь Адамъ, какъ православный вельможа, не могъ имѣть вліянія при дворѣ Сигизмунда Ш, особенно въ виду нерасположенія Замойскаго. Надо было искать другого покровителя. Мнишекъ былъ подходящее лицо, а сватовство съ Мариной еще болѣе скрѣпляло эти узы. Князю Адаму такая сдѣлка не могла нравиться. Хотя онъ и пишетъ королю, что по нездоровью не можетъ самъ пріѣхать и посылаетъ Димитрія съ княземъ Константиномъ [1]), однакожъ онъ, вѣроятно, сожалѣлъ, что Сѣверщина переходила въ другія руки.

Вскорѣ однако же Димитрію пришлось задобривать князя Адама. Отъ его произвола зависѣлъ успѣхъ похода, ибо военныя дѣйствія переносились въ Заднѣпровье и развивались на

[1]) Архивъ Замойскаго, записка Сигизмунда III къ Замойскому.

самыхъ владѣніяхъ Вишневецкихъ или въ ихъ окрестностяхъ. Дважды Димитрій писалъ князю Адаму, обѣщая быть ему всепреданнымъ и навсегда благодарнымъ [1]). Обѣщанія подѣйствовали, и, при торжественномъ въѣздѣ въ Кіевъ, князь Адамъ уже находился при царевичѣ.

Дальнѣйшія сношенія съ Димитріемъ еще не вполнѣ установлены. Неизвѣстно, доставлялъ-ли Вишневецкій подкрѣпленія во время похода или же содѣйствовалъ другимъ образомъ. Послѣ коронаціи, онъ однимъ изъ первыхъ прискакалъ въ Москву и не безъ своекорыстныхъ цѣлей [2]). Вопреки обширнымъ владѣніямъ своего рода, онъ самъ былъ въ долгахъ. 28-го іюля 1604-го года состоялось даже противъ него судебное рѣшеніе. Пора было расплачиваться и прежде всего требовать возмездіе за сдѣланныя въ пользу Димитрія издержки. Но надежды князя, кажется, не вполнѣ сбылись. Золотомъ его въ Кремлѣ не осыпали, и онъ скоро убрался изъ Москвы къ своему же счастью, избѣгнувъ такимъ образомъ майскаго погрома.

Изъ предыдущаго вытекаетъ заключеніе, что у Димитрія была партія въ Москвѣ. Онъ былъ орудіемъ въ ея рукахъ и дѣйствовалъ, вѣроятно, по ея указаніямъ.

Адамъ Вишневецкій только тогда призналъ царевича и взялся за дѣло, когда убѣдился, что московскіе люди придерживаются Димитрія. Внѣшняя обстановка болѣе подѣйствовала на него, чѣмъ странные разсказы появившагося у него пришельца.

Интересно было бы прослѣдить таинственныя сношенія Димитрія съ московскими людьми до самаго выступленія въ походъ. При настоящей документальной скудости, можно только намекнуть, что слѣдуетъ имѣть въ виду особенно Романовыхъ.

---

[1]) Архивъ Замойскаго, второе письмо отъ 19-го мая 1604 года.
[2]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, т. III, стр. 203.

Переписка Карла IX съ Самозванцами [1].

Шведская политика въ Смутное время.—Собираніе свѣдѣній о Димитріи.—Два письма къ первому Самозванцу.—Сношенія съ его преемниками.

Г. В. Форстенъ очень мѣтко назвалъ поведеніе Швеціи въ смутное время политикою выжиданій [2]). Эти выжиданія, какъ обыкновенно случается, сопряжены были съ полною готовностью примкнуть къ той партіи, которая, одолѣвъ другихъ, сдѣлала бы самыя выгодныя условія для Швеціи. Доказательствомъ высказаннаго мнѣнія могутъ служить письма Карла IX къ обоимъ самозванцамъ, Димитрію I и II. Были-ли они отосланы по назначенію или нѣтъ, и, въ случаѣ доставленія, какія они имѣли послѣдствія, трудно опредѣлить. Письма эти хранятся въ Государственномъ архивѣ въ Стокгольмѣ. Главное ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что они не только освѣщаютъ политику Карла IX-го, но и выясняютъ положеніе Самозванцевъ внѣ Россіи.

Шведскій король, какъ и многіе другіе правители, сильно интересовался Димитріемъ. Недоумѣвая на его счетъ, онъ поручилъ своимъ комиссарамъ въ Финляндіи навести справки объ этой загадочной личности. Врядъ-ли имъ удалось доставить королю убѣдительныя свѣдѣнія о царскомъ происхожденіи перваго Самозванца, но Карлу IX было на-руку почитать его достовѣрнымъ, и онъ ничѣмъ не стѣснялся.

---

[1]) Перепечатано изъ Русской старины, январь, 1910 г., стр. 22—24.
[2]) Балтійскій Вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, т. II, стр. 67.

Самъ Димитрій, въ качествѣ польскаго посаженника, не могъ мирволить Карлу IX, сопернику Сигизмунда III и злѣйшему его врагу. Онъ былъ связанъ данными въ Варшавѣ обѣщаніями, и долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, до поры до времени ихъ придерживаться. Имѣется даже налицо, и въ итальянскихъ архивахъ часто встрѣчается посланіе Димитрія къ Карлу IX. Оно до такой степени дерзко, что становится даже крайне подозрительнымъ. Во всякомъ случаѣ, надо предположить, что оно осталось неизвѣстнымъ шведскому королю, ибо онъ дважды обращался къ Димитрію, 2 августа и въ октябрѣ 1605 года, и оба раза въ самыхъ предупредительныхъ выраженіяхъ [1]).

Начать съ того, что онъ признаетъ за новымъ московскимъ правителемъ царскій титулъ, которымъ такъ возмущался Сигизмундъ III, и преклоняется передъ истиннымъ якобы сыномъ царя Ивана IV, счастливо избавившимся отъ Бориса Годунова.

Заручившись такимъ образомъ благорасположеніемъ Димитрія, Карлъ IX приступаетъ къ главному предмету своего письма, и проситъ Димитрія подтвердить заключенный въ 1595 году тявзинскій миръ. Условіями этого договора онъ очень дорожилъ. Въ силу ихъ вся Эстляндія съ городами и замками переходила къ шведамъ. Московскій царь терялъ какое-либо право на нее, ему возвращали лишь Кексгольмъ съ своимъ округомъ. Кромѣ того, свободная якобы торговля между Швеціею и Россіею такъ разграничивалась, что всевозможныя льготы предоставлялись первой къ немалому ущербу второй. Иностранцы ловко отстранялись отъ сношеній съ русскими, и торговля сосредоточивалась въ рукахъ шведовъ, которые, впрочемъ, обѣщали не препятствовать въѣзду въ Россію иноземныхъ докторовъ и всякаго рода ремесленниковъ [2]).

---

[1]) Стокгольмъ, Kongl. Riksarkivet, Riksregistraturet för 1605.
[2]) Форстенъ, Loco citato, т. II, стр. 53.

Русскіе уполномоченные согласились на эти условія, но въ Москвѣ къ нимъ отнеслись осторожнѣе. Карлъ IX жалуется, что Борисъ Годуновъ отвергалъ этотъ договоръ, и, глухо ссылаясь на обѣщанія царя Ѳедора, проситъ прислать уполномоченныхъ въ Систербекъ для обоюднаго окончательнаго соглашенія. Послѣдствіемъ подтвержденія тявзинскаго мира было бы установленіе взаимной дружбы на вѣчныя времена.

Первое посланіе вѣроятно не дошло до Димитрія, ибо въ октябрѣ того же 1605 года Карлъ IX снова обращается къ нему съ тождественнымъ посланіемъ.

Слѣдовъ отвѣта опять-таки не имѣется. Повидимому Димитрій не успѣлъ усвоить себѣ особой, личной политики касательно Швеціи. Данныя Сигизмунду обѣщанія онъ не спѣшилъ приводить въ исполненіе, и отлагалъ рѣшеніе вопроса до пріѣзда шведскихъ пословъ, который однакожъ, какъ извѣстно, не состоялся.

Признавъ перваго Димитрія въ 1605 году, Карлъ IX, бывшій союзникъ Василія Шуйскаго, не усумнился признать и второго или даже третьяго, ибо посланіе его отъ 27 февраля 1611 года писано послѣ убіенія одного и передъ появленіемъ другого [1]. Очень можетъ быть, что вѣсть о кровавой калужской развязкѣ тогда еще не дошла до него. Изъ самаго посланія не видно почиталъ-ли шведскій король московскаго государя за новаго царя или за возвратившагося на престолъ перваго Димитрія. Здѣсь опять встрѣчается то же обиліе титуловъ и, кромѣ того, предлагается союзъ противъ общаго врага Сигизмунда III. «Царю и Самодержцу» Карлъ IX разоблачаетъ коварные планы поляковъ и литовцевъ, которые вмѣстѣ съ испанцами, папою и іезуитами мечтаютъ о совершенномъ подчиненіи себѣ Россіи. И не довольствуясь общими намеками, онъ положительно заявляетъ, что къ Николину дню многочисленное польско-испанское

---

[1]) Стокгольмъ, Kongl. Riksarkivet, Muscovitica, 1594—1632.

войско вторгнется въ московскіе предѣлы. Для отраженія испанскаго десанта онъ готовъ пустить въ ходъ весь шведскій флотъ, пусть только Димитрій пришлетъ своихъ пословъ для предварительныхъ переговоровъ. Только теперь Карлъ IX уже не ссылается на тявзинскій миръ, а на болѣе выгодный для него выборгскій договоръ, заключенный съ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ въ февралѣ 1609 года. Королевское посланіе осталось безъ отвѣта, но это не помѣшало Якову Делагарди захватить Новгородъ въ томъ же 1611 году.

Тимофей Акундиновъ въ Римѣ [1]).

1648.

Извѣстія Олеарія.—Разысканія Соловьева.—Двѣ римскія записки.

Адамъ Олеарій, дважды посѣтившій Москву въ XVII-мъ столѣтіи, впервые довольно подробно изложилъ похожденія Тимоѳея Акундинова, мнимаго сына царя Василія Шуйскаго. Главнымъ источникомъ послужили ему разсказы очевидцевъ [2]). Почти два столѣтія спустя, и не ссылаясь на него, Соловьевъ, пользуясь архивными данными, подтвердилъ все сказанное Олеаріемъ [3]). Такимъ образомъ, становится достовѣрно, что Акундиновъ бѣжалъ изъ Россіи, скитался за границею, побывалъ въ Турціи, Италіи, Малороссіи, наконецъ—въ Голштиніи, откуда и былъ выданъ въ Москву, гдѣ, въ 1653 году, послѣ жестокой пытки, его безмилосердно четвертовали.

Появленіе его въ Римѣ подтверждается мѣстными документами [4]). Уже товарищъ несчастнаго самозванца, Костка Конюховскій, показывалъ въ московскомъ застѣнкѣ, что Ти-

---

[1]) Перепечатано изъ Русской Старины, октябрь, 1908, стр. 3.

[2]) Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Изданіе А. С. Суворина, стр. 242—254. У Олеарія употребляется форма Анкундиновъ.

[3]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. II, столбецъ 1497—1500, 1601—1608, 1644—1649.

[4]) Архивъ Пропаганды, Acta congregationum particularium pro statu temporali Sacrae Congregationis de propaganda fide habitarum, 1638—1649, f. 222, 223.

мошка—такъ его обыкновенно звали—«былъ у папы и сакраментъ принималъ».

На самомъ дѣлѣ, вотъ что намъ извѣстно. 27-го апрѣля 1648 года состоялся объ Акундиновѣ докладъ въ конгрегаціи Пропаганды. Онъ выдавалъ себя за Ивана Тимоѳея, сына Василія, великаго князя московскаго.—Разсказывалъ, что былъ въ плѣну у татаръ, томился въ Константинопольской тюрьмѣ, и, показывая склонность къ католичеству, держалъ себя таинственно. Провѣрить его показанія было очень трудно. Члены конгрегаціи рѣшили навести справку въ Инквизиціи, гдѣ стекались иновѣрческія дѣла. Они обратились къ комиссару del Santo Uffizio, и, въ случаѣ перехода Тимоѳея въ католичество, предлагали аудіенцію у папы Иннокентія X-го.

Два дня спустя, 29-го апрѣля, послѣдовало другое рѣшеніе. Неизвѣстно по какому поводу, конгрегація опредѣлила составить записку о Тимоѳеѣ и вручить ее кардиналу Спада съ тѣмъ, чтобы онъ переговорилъ обо всемъ съ папою.

Какой былъ исходъ этихъ порученій опять-таки неизвѣстно. Только что упомянутая записка, если она и была составлена, то до сихъ поръ не нашлась. Кромѣ двухъ краткихъ, выше приведенныхъ, намековъ, въ архивѣ Пропаганды ничего другого кажется, налицо не имѣется.

Новые матеріалы

о жизни и дѣятельности Якова Рейтенфельса [1]).

Своеобразныя сношенія съ Римомъ.—Проходимцы и церковники. — Рейтенфельсъ въ Москвѣ.—Въ Римѣ. — Знакомство съ отцомъ Kircher и кардиналомъ Распони.—Четыре записки Рейтенфельса.—Сходство съ Крижаничемъ.—Возможные отголоски переговоровъ съ Польшею.

Въ прошлое, отдаленное время между Римомъ и Россіею устанавливались иногда внѣдѣловыя, довольно-таки своеобразныя сношенія. Здѣсь является особый типъ дипломата самозванца, смахивающаго то на проходимца, то на церковника и душеревнителя.

На первомъ планѣ выставлялось обыкновенно столь желаемое и до сихъ поръ не достигнутое возсоединеніе восточной Церкви съ западною. Въ дальнѣйшемъ развитіи этой мысли, кто добивался только жалкой наживы, кто искренно мечталъ о благѣ народовъ и о всеобщемъ умиротвореніи. Крайними представителями этихъ двухъ противоположныхъ направленій могутъ служить Гансъ Шлитте, очень ловко соблазнившій царей и папъ, и даровитый, симпатичный Юрій Крижаничъ, который даже въ сибирскомъ изгнаніи не отрекся отъ своего идеала.

Къ этому послѣднему типу, съ меньшимъ однако полетомъ, съ меньшею стойкостью, безъ геніальной окраски серб-

---

[1]) Перепечатано изъ чтеній въ Обществѣ Исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ, 1906, кн. 3, стр. 129—228.

скаго выходца, примыкаетъ Яковъ Рейтенфельсъ. Скудныя о немъ біографическія извѣстія были недавно собраны г. Станкевичемъ [1]). Новые здѣсь документы подтверждаютъ все до сихъ поръ извѣстное.

Рейтенфельсъ прожилъ около двухъ лѣтъ въ Москвѣ, вѣроятно съ 1671 г. по 1673 г., и присмотрѣлся къ тамошнимъ порядкамъ, церковнымъ и гражданскимъ. Въ 1674 году онъ побывалъ въ Римѣ и, подчеркивая хорошее къ себѣ расположеніе царя Алексѣя Михайловича, сблизился съ іезуитомъ Аѳанасіемъ Kircher, извѣстнымъ въ то время ученымъ, оріенталистомъ и археологомъ, основателемъ музея, который по нынѣ усердно посѣщается любителями римскихъ древностей [2]). На него Рейтенфельсъ, изъясняясь на шести языкахъ, сдѣлалъ впечатлѣніе человѣка образованнаго, къ тому же ревностнаго католика. Былъ онъ также вхожъ у кардинала Кесаря Распони, выдающагося дипломата, проницательнаго и опытнаго, подписавшаго знаменитый трактатъ 12 февраля 1664 года, которымъ покончились пререканія между Людовикомъ XIV и Александромъ VII [3]). Чрезъ посредство этого кардинала Рейтенфельсъ вступилъ въ сношенія съ Пропагандой, которой онъ представилъ записку о Московіи, помѣченную 24 числомъ ноября мѣсяца 1674 года. За нею послѣдовали три другія записки безъ всякой помѣтки. По содержанію оказывается, что одна изъ нихъ составлена

---

[1]) Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козьмѣ III о Московіи. Съ латинскаго перевелъ Алексѣй Станкевичъ. Москва, 1906 г.

[2]) Kircher родился 2-го мая 1602 года, въ Гизенѣ, недалеко отъ Фульды, умеръ въ Римѣ 27-го ноября 1680 года. Длинный рядъ его сочиненій перечисляется у Sommervogel, Bibliothèque de la Compagnie de Jésus, т. IV, стр. 1046—1077. Онъ переписывался съ Лейбницомъ. Къ нему обращался также извѣстный въ Россіи Quirinus Kuhlmann.—Musaeum Kircherianum находится въ прежнемъ Collegio Romano, гдѣ теперь помѣщается публичная библіотека и лицей Quirino Visconti.

[3]) Распони родился въ 1614 году, умеръ въ Римѣ въ 1675 г.

въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича. Всѣ онѣ представляютъ нѣкоторыя характерныя особенности.

За время своего пребыванія въ Римѣ, Рейтенфельсъ уже трудился надъ болѣе обширнымъ, впослѣдствіи изданнымъ, сочиненіемъ о Москвѣ [1]). Къ слову сказать, тогда же, въ 1674 году, онъ самъ намѣревался выпустить его въ свѣтъ. Кромѣ литературной цѣли, преслѣдуемой въ печатномъ произведеніи, авторъ задавался еще другой, болѣе сокровенной, практической, именно сближеніемъ, на духовной почвѣ, Россіи съ Римомъ. Объ этомъ онъ и высказывается въ запискахъ. По его мнѣнію, обстоятельства были въ данное время самыя благопріятныя, и, указывая Пропагандѣ какъ бы слѣдовало ими воспользоваться, онъ предлагалъ ей свои услуги чрезъ своихъ покровителей, воздерживаясь впрочемъ въ запискахъ отъ личныхъ намековъ, и оставаясь вполнѣ объективнымъ.

Основная мысль Рейтенфельса поражаетъ своимъ сходствомъ съ программою Крижанича: для достиженія однородной цѣли, совѣтуется итти тѣми же окольными путями. Не упоминая еще въ первой запискѣ о церковномъ соединеніи, осторожный дѣятель настаиваетъ на испрошеніи права свободнаго исполненія духовныхъ требъ. И вотъ, въ частности, къ чему сводятся его предложенія.

Прежде всего требуется, чтобы предпріятіе оставалось въ глубокой непроницаемой тайнѣ. Даже въ Италіи, при отъѣздѣ, нечего объ этомъ разглашать, а между русскими, ко-

---

1) De Rebus Moschoviticis ad Serenissimum Magnum Ducem Cosmum Tertium, Patavii, 1680. Въ предувѣдомленіи излагаются обстоятельства, которыя способствовали изданію книги. Bianchini (Dei Gran Duchi di Toscana della reale Casa de Medici, Protettori delle Lettere e delle Belle Arti, Ragionamenti istorici del dottore Giuseppe Bianchini di Prato. Venezia, MCCXLI, стр. 133) повторяетъ то же самое, и относитъ пребываніе Рейтенфельса во Флоренціи къ 1675 году. Вольный переводъ De Rebus Mosch. появился въ Нюрнбергѣ въ 1687 году. Minzloff, Pierre le Grand dans la littérature étrangère, стр. 2 и 3.

торые мнительны и недовѣрчивы, малѣйшая нескромность можетъ погубить все дѣло.

Главное потомъ выборъ способныхъ посланцевъ. Имъ придется исполнять въ Россіи данныя инструкціи, и отъ нихъ зависитъ успѣхъ. Съ точки зрѣнія національности, болѣе подходящими были бы итальянцы. Они должны владѣть, по возможности, русскимъ и польскимъ языкомъ, или же обзавестись искуснымъ переводчикомъ. Кромѣ того, необходимо для нихъ всестороннее образованіе. Особенно полезно было бы знаніе математики, архитектоники, гидравлики и различныхъ практическихъ примѣненій этихъ наукъ. Не слѣдуетъ пренебрегать и знакомствомъ съ торговлею, о которой можно многое узнать отъ купцовъ, часто сопровождавшихъ путешественниковъ.

Самый удобный маршрутъ изъ Италіи въ Москву ведетъ черезъ Каринтію, Австрію, Моравію, Силезію, Польшу, Пруссію, Курляндію и Ливонію. Изъ Риги саннымъ путемъ легко добраться до Пскова, гдѣ должно обождать царскаго разрѣшенія для дальнѣйшаго слѣдованія въ Москву.

Перешагнувъ черезъ границу, европеецъ долженъ сдѣлаться азіатомъ и быть крайне осторожнымъ, наблюдая за каждымъ движеніемъ, даже за выраженіемъ лица. Ради сохраненія тайны, въ случаѣ обыска, не слѣдуетъ имѣть при себѣ церковной утвари.

Предполагая, что дорогой все обойдется благополучно, Рейтенфельсъ совѣтуетъ далѣе не соблазняться въ Москвѣ Нѣмецкой слободой, а лучше поселиться въ самомъ городѣ, не далеко отъ царскаго двора, у русскаго хозяина, гдѣ всего удобнѣе изучать языкъ и нравы. Не мало мѣста отводится въ запискѣ вопросу о сношеніяхъ съ посторонними лицами. Прежде другихъ указывается на католиковъ, особенно на Павла Менезіуса, недавно вернувшагося изъ Рима [1]). При

[1]) О Менезіи см. соч. Н. В. Чарыкова: Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія. Спб., 1906 г.—Pierling, La Russie et le Saint-Siège, т. IV, стр. 48-68.

посредствѣ тѣхъ изъ нихъ, которые занимаютъ высшія должности, возможно будетъ сблизиться съ русскими сановниками, какъ-то съ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ и даже съ самимъ царемъ. Здѣсь упоминается о подаркахъ, и вообще говорится о взяткахъ, что онѣ между русскими въ большомъ ходу. Матвѣеву надлежитъ обязательно сдѣлать подарокъ, да и царю, кстати, поднести какой-либо болѣе замысловатый, чѣмъ цѣнный даръ.

Рейтенфельсъ не довольствуется этимъ тѣснымъ кругомъ и стремится его какъ можно болѣе расширить. Полезно и умѣстно вступить въ сношеніе съ царскими переводчиками и заручиться ихъ дружбою; далѣе съ лютеранами и кальвинистами, чтобы не казаться исключительными; съ отпавшими отъ вѣры, которые обогатились свѣдѣніями, наконецъ, съ монахами базиліанскаго ордена, именно съ Симеономъ Полоцкимъ, склоннымъ къ латинству, съ братьями Лихудами, да и съ самимъ митрополитомъ газскимъ Паисіемъ Лигаридомъ, если онъ только еще въ живыхъ, добавляетъ авторъ.

Всѣ эти знакомства не что иное какъ предварительныя мѣры. Въ самодержавномъ государствѣ власть сосредоточивается въ вѣнценосцѣ. Поэтому Рейтенфельсъ убѣдительно совѣтуетъ изучить склонности царя и выхлопотать отъ него довѣренную должность, подъ сѣнью которой можно было бы безопасно развивать свою дѣятельность. Но, чтобы такъ устроиться, надо имѣть кой-какія заслуги и доставлять царю пользу или выгоду. Здѣсь выступаетъ изобрѣтательность автора. Горное и рудное производство на Уралѣ, винодѣліе въ Астрахани, примѣненіе механики хотя бы для поднятія Царь-колокола въ Москвѣ, а съ другой стороны сценическія представленія и доставка славянскихъ книгъ,—вотъ какое широкое поле намѣчается для миссіонеровъ, вотъ какими средствами надлежитъ снискать довѣріе и упрочить свое положеніе. Затрогивается также политика внутренняя и внѣшняя. Въ то время вопросъ о союзахъ не сходилъ съ очереди. Ра-

скрыть его сущность Алексѣю Михайловичу и удостоиться его порученій при иностранныхъ дворахъ было бы очень важно. А между тѣмъ не мѣшало бы разъѣзжать по Россіи съ другими, по возможности царскими, порученіями, побывать въ Кіевѣ, Архангельскѣ, Тобольскѣ.

При такой выгодной, конечно, только предполагаемой, обстановкѣ, требованія Рейтенфельса могутъ показаться очень скромными. По его соображеніямъ достаточно испросить свободное, хотя и не явное исполненіе духовныхъ требъ. О публичномъ дозволеніи, говоритъ онъ далѣе, и думать нечего, особенно если вмѣшать въ дѣло чужестранныхъ представителей.

Для дальнѣйшаго упроченія сношеній съ Москвою выставляются на видъ еще слѣдующія мѣры: разъ навсегда покончить съ вопросомъ о титулѣ и удовлетворить желанія Кремлевскаго двора; обмѣномъ писемъ или черезъ особыхъ посланцевъ втянуть царя въ союзъ противъ турокъ; назначить въ Римѣ свѣдующее лицо, которое состояло бы въ перепискѣ, явной и тайной, съ московскими миссіонерами и вообще завѣдывало бы этимъ предпріятіемъ.

Приведенными извлеченіями исчерпывается суть первой записки, самой обширной, которая отчасти воспроизводится въ послѣдующихъ. Во второй говорится подробнѣе о желаемыхъ въ московскомъ посланцѣ качествахъ и объ его обязанностяхъ. Но такъ какъ эта посылка, пожалуй, не состоится, то въ третьей запискѣ предлагаются для ея замѣны слѣдующія мѣры: содержать въ Пропагандѣ переводчика, вызвать молодыхъ русскихъ въ Римъ для обученія, выписать русскія книги, грамматику, Библію, житія святыхъ, Уложеніе, добыть рукописи, въ частности процессъ патріарха Никона, и обзавестись русскимъ шрифтомъ. Наконецъ, въ четвертой и послѣдней запискѣ, составленной уже при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, Рейтенфельсъ открыто выступаетъ съ предложеніемъ о соединеніи церквей и приводитъ соотвѣтствующія средства: признаніе царскаго титула, возвышеніе московскаго патріарха, бракъ

царя съ принцессою императорскаго дома. Въ случаѣ неудачи ограничиться свободнымъ пребываніемъ въ Россіи католическихъ священниковъ и установленіемъ торговыхъ сношеній, союзомъ противъ турокъ и посольствомъ въ Москву. Если и это окажется невозможнымъ, то послать, по крайней мѣрѣ, тайно священниковъ подъ видомъ купцовъ или ремесленниковъ.

Изъ предъидущаго становится очевидно, что не сложная хитрость Рейтенфельса состояла въ томъ, какъ бы овладѣть при помощи науки довѣріемъ царя, и потомъ выговорить у него кой-какія мѣры въ пользу католиковъ, или же тайкомъ стремиться къ той же цѣли. На бѣду, царское довѣріе добывалось не легко, а скрываться въ Россіи было также неудобно. Въ томъ-то и слѣдуетъ искать главный недочетъ записокъ Рейтенфельса, что, увлекаясь личными качествами Алексѣя Михайловича, онъ приписывалъ царю такія намѣренія, въ которыхъ тотъ былъ совершенно неповиненъ. Дѣйствительно, какъ видно изъ печатнаго труда того же автора, онъ высоко цѣнилъ и расхваливалъ благочестіе московскаго государя и утверждалъ, что ревностный оберегатель восточной церкви желалъ также соединенія съ Римомъ [1]).

Откуда происходила такая увѣренность, остается неизвѣстнымъ. Быть можетъ передъ нами не что иное какъ отголосокъ переговоровъ съ Польшею въ 1667—1668 годахъ. На самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за Андрусовскимъ перемиріемъ затрогивался вопросъ о сліяніи Польши съ Россіею, и попутно намекалось на церковное умиротвореніе при содѣйствіи восточныхъ патріарховъ, которые были тогда въ Москвѣ вмѣстѣ съ газскимъ митрополитомъ Паисіемъ Лигаридомъ. Такое предпріятіе пришлось по сердцу польскому королю Яну-Казиміру, и онъ немедленно на него откликнулся. Но, какъ извѣстно, ничего путнаго изъ этого не вышло.

---

[1]) De Rebus Moschoviticis, стр. 83.

Такая же участь выпала на долю записокъ Рейтенфельса. Несмотря на докладъ кардинала Распони, онѣ, кажется, не возбудили особаго интереса и не вызвали новыхъ мѣропріятій. Самъ авторъ вѣроятно убѣдился, что ему въ Римѣ врядъ-ли повезетъ. Вскорѣ мы его встрѣчаемъ во Флоренціи при дворѣ Козьмы III-го, которому онъ и посвятилъ свой трудъ о Московіи. Появленіе этой книги въ печати не упраздняетъ записокъ: только въ нихъ открывается задушевная мысль автора [1]).

---

[1]) Вслѣдъ за этой замѣткой въ Чтеніяхъ напечатанъ самый текстъ доклада кардинала Распони и четырехъ записокъ Рейтенфельса съ русскимъ переводомъ Станкевича.

„Секретнѣйшая" депеша русскаго посланника.

Хронологическая путаница. — Установленіе вѣрнаго числа. — Іоакимъ Лизакевичъ. — Прощальная аудіенція. — Мальтійскія дѣла.—Сближеніе Грубера съ Павломъ I.— Соединеніе церквей.— Готовность Пія VII-го ѣхать въ Петербургъ.

Въ связи съ тогдашнею римскою перепиской депеша Лизакевича отъ 24 января — 15 февраля 1801 года не лишена значительнаго интереса.

Съ легкой руки М. Морошкина, выдержки изъ нея поступили въ научное обращеніе безъ обозначенія числа, когда она была написана [1]. Отсюда произошла путаница, которую виновникъ ея даже не подозрѣвалъ. Вслѣдъ за нимъ, г. Валишевскій приписываетъ Пію VI-у начинанія Пія VII-го, и, уже по собственному почину, находитъ въ перепискѣ братьевъ Литта такія извѣстія, которыя будто бы повліяли на рѣшенія Пія VI-го. А въ 1801 году, Пій VI былъ уже давно въ лучшемъ мірѣ [2].

Установить вѣрное число депеши Лизакевича не особенно трудно. Морошкину стоило только навести справку въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, откуда онъ заимствовалъ упомянутую депешу, и гдѣ она хранится съ отмѣткою: «секретнѣйшая», Анкона, 24 января—15 февраля 1801 года. Впрочемъ изъ самого ея содержанія замѣтно, что она отно-

[1]) Іезуиты въ Россіи, съ царствованія Екатерины II-й и до нашего времени. Спб. 1863, I, стр. 324.

[2]) Le Fils de la grande Catherine, Paul I-er, empereur de Russie, Paris, 1912, p. 335.

сится къ Пію VII-у, а не къ его предшественнику. На этомъ содержаніи стоитъ пріостановиться.

Автора депеши, Іоакима Лизакевича, напрасно выдаютъ за посланника въ Римѣ. Онъ былъ посланникомъ при сардинскомъ дворѣ, и только вслѣдствіе перемѣщеній, вызванныхъ войною, часто бывалъ въ Римѣ, и даже тамъ подолгу засиживался. Громкое дѣло эмигранта Вернэга доставило ему нѣкоторую извѣстность, и навлекло на него негодованіе кардинала Консальви. Въ Ватиканѣ на него косились.

Въ 1801 году было не такъ. Послѣ перваго свиданія, Пій VII отнесся къ нему съ такимъ довѣріемъ, что рѣшился въ слѣдующей, прощальной аудіенціи «открыть ему внутренность своего сердца» и дать ему тайныя порученія для императора Павла І-го. Сближеніе съ Россіею казалось тогда особенно желательнымъ и самому папѣ и его статсъ-секретарю Консальви, который неоднократно выражался въ этомъ смыслѣ. Политическія выгоды, при общемъ колебаніи Европейскихъ державъ, были очевидны, а намеки изъ Петербурга предвѣщали также успѣхъ въ церковномъ отношеніи.

На первомъ планѣ выдвигались два дѣла: устраненіе затрудненій возникшихъ по случаю избранія Павла І-го въ гроссмейстеры мальтійскаго ордена, и, какъ это не покажется страннымъ, переговоры о соединеніи церквей. Объ этихъ-то предметахъ папа и распространился съ Лизакевичемъ.

Въ Римѣ пребывалъ тогда бывшій посланникъ при русскомъ дворѣ Лоренцо Литта. При немъ и при дѣятельномъ содѣйствіи его брата, Джуліо, мальтійскій орденъ водворился въ Россіи, и онъ могъ подтвердить, какъ неукротимо Павелъ I увлекался своимъ рыцарскимъ предпріятіемъ, не сознавая въ немъ ничего предосудительнаго. Между тѣмъ избраніе православнаго царя въ главу католическаго военно-монашескаго ордена, непосредственно подчиненнаго папѣ и связаннаго торжественными обѣтами, уже само по себѣ было въ высшей степени антиканонично и сопряжено съ нежеланными

послѣдствіями. Тщетно Павелъ I обѣщалъ соблюдать статуты ордена, такъ какъ его избраніе было существеннымъ нарушеніемъ главнѣйшаго статута. Кромѣ того, Пій VI не соглашался на произвольное низложеніе гроссмейстера Гомпеша, и требовалъ, чтобы надъ нимъ нарядили законный судъ.

Съ восшествіемъ Пія VII-го на папскій престолъ нѣсколько другое направленіе стало преобладать въ Ватиканѣ. Выяснилось, что Гомпеша не слѣдуетъ болѣе признавать гроссмейстеромъ, вслѣдствіе чего были даже прерваны всякаго рода сношенія съ нимъ. Ради Вѣны и Мадрида его не высылали изъ Фермо, гдѣ онъ поселился, но только потому, что онъ жилъ тамъ въ самой скромной обстановкѣ. Гомпешъ пытался писать папѣ, папа ему не отвѣтилъ. Гомпешъ прислалъ своего «камергера» въ Римъ, папа его не принялъ, и приказалъ статсъ-секретарю Консальви соблюдать ту же сдержанность.

Такимъ образомъ, исчезло одно препятствіе, появилась надежда устранить и другое. Напали на счастливую, казалось, мысль отдѣлить духовныя преимущества отъ свѣтскихъ, и признавать гроссмейстера только свѣтскимъ начальникомъ ордена съ условіемъ, что вся духовная власть останется при папѣ. Имѣя въ виду такое преобразованіе, Пій VII могъ утверждать Лизакевичу, что ему было бы «весьма пріятно видѣть» русскаго императора во главѣ мальтійскихъ рыцарей къ вящщему прославленію ордена. Развивая эту мысль, папа говорилъ, что въ случаѣ возвращенія острова ордену и гоненія отъ французовъ, онъ самъ переселился бы въ Мальту и жилъ бы тамъ спокойно подъ защитой Павла I-го.

Несмотря на эти заявленія, дѣло не было еще окончательно рѣшено. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ предложеніе папы вести переговоры объ этомъ предметѣ съ особымъ уполномоченнымъ «соблюдать величайшую тайну» изъ опасенія опять-таки Вѣны и Мадрида. «Я обѣщаю Вамъ», прибавилъ Пій VII», «самъ трактовать съ тою персоною, лишь бы она разумѣла по-италіански, ибо я не разумѣю довольно

французскаго языка, предъявлю ей съ чистосердечіемъ затрудненія или неудобства, и покажу способы и средства оныя отвратить». На эти переговоры папа возлагалъ большія надежды, а при личномъ свиданіи съ императоромъ, полагалъ онъ, все бы устроилось въ полчаса. Вышло иначе. Вслѣдствіе неожиданной кончины Павла I, переговоры велись съ Александромъ I, и, несмотря на взаимныя уступки, только съ большимъ трудомъ были, къ общему удовлетворенію, доведены до конца.

Разсуждая о Мальтійскомъ орденѣ, Пій VII затронулъ другой вопросъ, гораздо важнѣе и обширнѣе, и затронулъ его такъ, что безъ знакомства съ предшествующими обстоятельствами слова его совершенно непонятны.

Надо припомнить, что послѣ вынужденнаго отъѣзда римскаго посланника Лоренцо Литта изъ Петербурга, католическія дѣла приняли совсѣмъ неожиданно благополучный оборотъ. Отецъ Гавріилъ Груберъ, родомъ изъ Австріи, сблизился съ Павломъ I. Іезуиты были призваны въ столицу, имъ передали церковь св. Екатерины, они открыли школу, и русская знать отдавала своихъ дѣтей въ ихъ пансіонъ. Вліяніе Грубера сказалось особенно на церковномъ и школьномъ строѣ. Онъ имѣлъ свободный доступъ въ кабинетъ императора, въ католической іерархіи произошла большая перемѣна, воспитаніе русскаго юношества должно было перейти въ руки іезуитовъ, начиная съ Виленскаго университета, который поступалъ немедленно въ ихъ вѣдѣніе. Довѣріе Павла I доходило до того, что онъ не скрывалъ отъ Грубера своихъ душевныхъ настроеній, своего взгляда на церковное единство, даже поручилъ ему объясниться съ православными епископами и препроводилъ въ Римъ его записку о соединеніи церквей. Самъ Груберъ намекалъ объ этомъ въ своихъ письмахъ, но мимоходомъ и съ крайнею осторожностью, глухо ссылаясь на возможные словесные переговоры.

Можно себѣ представить глубокое впечатлѣніе, произве-

денное въ Ватиканѣ такими разоблаченіями. Пій VII высоко цѣнилъ личныя отношенія своего предшественника къ Павлу I, его поразило и тронуло милостивое приглашеніе поселиться въ Россіи въ случаѣ захвата Рима. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, не получивъ еще записки Грубера, Пій VII уже мечталъ о соединеніи церквей, и вотъ что онъ сообщилъ Лизакевичу: «Будьте благонадежны, что я превеличайшее желаніе имѣю распорядить сіе дѣло (Мальтійское) въ угодность Его Императорскаго Величества. Мое желаніе далѣе еще простирается, а именно присоединить Греческую съ Католической вѣрою; для сего столь важнаго предмета, который вѣчно прославитъ и сдѣлаетъ безсмертнымъ имя великаго Павла Перваго я готовъ самъ ѣхать въ С.-Петербургъ, изустно трактовать съ государемъ, коего характеръ основанъ на истинѣ, правосудіи и вѣрности [1])».

Пій VII очень заботился, чтобы эти свѣдѣнія дошли до Павла I какъ можно скорѣе. Чтобы ему угодить, Лизакевичъ обѣщалъ послать «стафету» изъ Анконы или Венеціи и сдержалъ свое слово. Вслѣдствіе событія 1-го марта обмѣнъ мыслей по этому предмету внезапно прекратился. Извѣстіями исходящими отъ Грубера объясняется выходка Пія VII-го.

---

[1]) Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Іюль 1912, Письмо изъ Парижа, стр. 83) г. Л. Л-ръ приписываетъ мнѣ намекъ, будто соединеніе церквей при Павлѣ I «готово было осуществиться, если бы не помѣшала внезапная смерть императора». Это не точно. Мною было выражено противуположное мнѣніе. La Russie et le Saint-Siège, т. V, стр. 332.

СОДЕРЖАНІЕ.

Французскій іезуитъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.

ЗАМѢТКИ.

DU MÊME AUTEUR:

LA RUSSIE ET LE SAINT-SIÈGE, Études diplomatiques. Paris, Plon-Nourrit.

I. *Les Russes au Concile de Florence.—Mariage d'un Tsar au Vatican.—Les Papes Médicis et Vasili III. — Mystification et projets d'ambassade.* (2-e édition).

II. *Arbitrage pontifical.— Projets militaires de Bathory.—Le tsar Fedor et Boris Godounov.* (Épuise).

(Couronné par l'Académie française, prix Thiers).

III. *La fin d'une dynastie.—La Légende d'un empereur.—L'Apogée et la Catastrophe.—Les Polonais au Kremlin.*

IV. *Pierre le Grand.— La Sorbonne. — Les Dolgorouki.—Le duc de Liria.—Jubé de la Cour.*

(Couronné par l'Académie française, prix Thérouanne).

V. *Catherine II.—Paul I-er.—Alexandre I-er.*

Prix de chaque volume: 7 fr. 50.

LETTRE DE DMITRI dit LE FAUX A CLÉMENT VIII, avec quatre fac-similés en phototypie. *(Épuisé).*

DMITRI dit LE FAUX ET LES JÉSUITES, avec deux fac-similés en phototypie. Paris, Auguste Picard, 1913. Prix : 5 francs.

ЛИТЕРАТУРА:

1)—Россія и Востокъ.—Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ.— Иванъ III и Софія Палеологъ. Изд. А. С. Суворина. — Изъ Смутнаго времени. Статьи и замѣтки. И. А. С. С.

2)—Россія и Папскій Престолъ. Русскій и Флорентійскій соборъ. Москва.

3)—Смутное время и отечественная война. Димитрій Самозванець. Москва.

№ 1, 2, 3—переводъ съ французскаго.